

Ольга Пашнина

Школа темных

Избранница грозы

Серия «Академия Магии»

Разработка серийного оформления В. Матвеевой

Иллюстрация на переплете И. Кругловой

© Пашнина О. О., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Кейман Крост каждое утро просыпался с надеждой, что девушка мертва. Он никому не говорил о своих ожиданиях, прекрасно понимая, как это будет выглядеть. Но неизменно несколько секунд смотрел в потолок и представлял, как все упростится, если Деллин Шторм погибнет на Земле.

Ведь есть там какие-то смертельные опасности, верно? Ее может сбить железная колесная машина или убить какой-нибудь ненормальный из-за пары монет, а еще она может отравиться, или подхватить опасную болезнь, или... Демон, ему в такие моменты становилось стыдно, потому что желать смерти юной девушке, ни сном ни духом не ведающей о существовании его мира – слишком даже для Кеймана.

Но ничего с собой поделаться он не мог. В конце концов, он ненавидел не столько Деллин, сколько сам факт того, что она существовала. Что неведомая сила вообще создала эту девушку, закинула на Землю и с каждым днем приближала его к моменту встречи с ней. Была в этом какая-то ирония, злая и жестокая.

С каждым днем тонкая нить под стеклянным колпаком становилась все крепче и крепче, сияла ярче. Каких-то десять лет назад нить Деллин Шторм едва можно было различить в абсолютной темноте, а сейчас приходилось накрывать капсулу плотной тканью, чтобы можно было хоть немного поспать.

Утренний ритуал был уже привычен и даже настраивал на нужный лад: подняться, стащить ткань с колпака, бросить короткий взгляд на нить и отправиться в душ, чтобы успеть к самому началу Совета или занятий в школе.

Не в этот раз, магистр Крост.

Этот момент столько раз ему снился, что в реальность увиденного поверилось не сразу.

Но нить Деллин Шторм действительно изменилась, теперь она сияла так, словно вот-вот разнесет стеклянную капсулу. Она пульсировала, переливаясь всеми цветами, и от света делалось больно глазам.

Очень захотелось выругаться, но Кейман сдержался. Рано или поздно это случилось бы, рано или поздно портал на Землю должен был открыться.

Кейман Крост ненавидел Деллин Шторм больше жизни. Но вынужден был ради нее этой жизнью рискнуть.

Глава 1

По анекдоту, человек с дислексией и дисграфией пишет письмо не Санте, а Сатане.

Это про меня.

Я всегда была особенной. Так говорила мама, ведь для каждой матери ребенок – единственный и неповторимый. Но на самом деле я была никакой не особенной, а просто больной. Дислексия, дефицит внимания, слабая память, отвратный иммунитет. «Переведите ее в специальную школу», – говорили все. Мама не сдавалась. Могла весь день учить со мной стихотворение или неделю объяснять одно и то же правило математики.

– Не позволяй никому обижать себя, – говорила она. – Ценность человека не в том, насколько быстро он решает примеры или с каким выражением читает стихи. Значение имеют только поступки.

Ну, я и поступила. На работу, уборщицей, потому что выпускные экзамены сдала едва-едва. Оно и ожидаемо: очень сложно писать сочинения и тесты, когда буквы на бумаге пускаются в пляс и отказываются складываться в слова.

Но я смирилась, не всем же быть учеными. Кто-то должен складывать полотенца и убирать номера в гостиницах. Если бы я не искала плюсы в любой работе, я бы уже скатилась в пучину депрессии. Но что такое работа? Подумаешь, всего лишь треть жизни. Остается столько времени!

На аудиокнижки, например, я обожала их слушать. На фильмы, на музыку. На все, что не требовало до головной боли всматриваться в прыгающие строчки или сосредотачиваться и запоминать. Пожалуй, этот мир был все же прекрасен, за исключением осени и весны. Именно тогда мой слабый иммунитет давал больше всего сбоев, и я постоянно то кашляла, как курильщик со стажем, то шмыгала носом в бессмысленных попытках хоть что-то унюхать.

Но сегодня, как ни странно, нос дышал. Хотя лучше бы насморк и дальше продолжал меня терзать, потому что на кухне какой-то идиот недосмотрел за соусом и тот основательно подгорел, из-за чего все помещение заволочло мерзким черным дымом, а постояльцам в срочном порядке оплатили завтрак в ближайшем ресторане.

Но именно из-за того, что мой насморк взял выходной, я и ощутила еще один странный запах, никак не напоминающий гарь.

Запах озона? Грозы? Дождя?

Ничего особенного, разве не бывает в конце лета грозы? Вот только в крошечное окно в ванной заглядывало яркое августовское солнце, а я была занята тем, что чистила глянцевые поверхности кранов, смесителей и полотенцесушителя.

Сначала подумала, что это новое средство какое-то, мало ли, что там закупили. Но все было как обычно. Показалось?

Потом раздалися шаги.

От неожиданности, когда в мокром зеркале появилось отражение мужчины, я выронила из рук пульверизатор и подскочила. Черт, клиенты умеют появляться не вовремя. Все нетерпеливые, все с дороги. Ну вот приехал ты раньше часа заселения, зачем мешаешь людям работать? Оттого что будешь стоять над душой, я быстрее не закончу.

Украдкой я взглянула на него. Богатый. Спортивный. Строгий темно-синий костюм смотрится не родным. Темные волосы зачесаны назад, на лице легкая небритость. Глаза... отсюда казались черными, а еще в них отражался свет и казалось, будто где-то в глубине вспыхивают и гаснут искры. И кольцо на руке – с большим черным камнем.

Ух, ну и постоялец. Или звезда какая, или бизнесмен из особо крутых.

– Я скоро закончу, – пробормотала я.

Но вместо дежурного «угу» или повелительного «побыстрее» он вдруг спросил:

– Ты Деллин Шторм?

– Да, мы знакомы?

Сначала сердце сделало кульбит. Неужели отец? Я много раз представляла, как меня находит давно потерянный родитель и увозит в закат на шикарном лимузине. Но это был бред. Сказки в реальности не случаются.

– Сколько?

– Что?

– Сколько я должен заплатить, чтобы ты осталась на ночь?

– Что-о-о?!

Нет, это уже ни в какие ворота. Заигрывание с горничными мне было не в новинку. Иногда девочки действительно встречались с гостями за подарки или чаевые, а может, за надежду на светлое будущее, но вот так откровенно не предлагал никто! К тому же, если старшая бы узнала, мигом отправила на улицу пинком! Да и гости вели себя все же сдержаннее. Могли шлепнуть по заднице, могли предложить поужинать или позвать на кофе, но так...

– Имейте совесть! – воскликнула я. – Я не шлюха, а горничная. Это разные вещи.

– Да? И в чем разница?

– В том, что горничная честно зарабатывает себе на хлеб.

– А шлюха нечестно?

Он загнал меня в угол.

– Значит, ты этим не промышляешь. Хорошо. Идешь со мной.

Я замерла с открытым ртом. От одной встряски к другой. Если я «этим» не промышляю, куда я должна идти с ним?!

– Все, я звоню в полицию! – не выдержала моя душа, перепугалась.

Правда, номер набрала на всякий случай не полиции, а старшей. В мои планы не входило скандалить с каким-нибудь мстительным миллиардером или политиком. Я еще жить хотела, желательно спокойно.

Мужчина вдруг стремительно, за доли секунды, оказался рядом, схватил меня за руку, да так сильно, что наверняка останутся синяки. Я упиралась и брыкалась, но силы были не равны.

– Что вы делаете? Псих! Ненормальный!

Он все тащил и тащил меня прочь из ванной.

– Помогите! – заорала я.

Мне зажали рот рукой. Мы оказались в гостиной. Дверь, ведущая в общий коридор, виделась мне спасительным маяком. Только добравшись до нее, можно было избавиться от этого психа!

– Да успокойся ты! Я просто открою портал!

Я рвалась на свободу, как дикая кошка, и в один момент зубами вцепилась в ладонь нахала.

– Ай! Сучка! – рыкнул он.

Потом я вообще перестала понимать, что происходит: там, где был темно-красный,

заботливо вычищенный мной от остатков сигаретного пепла ковер, вдруг показалась трещина. Сначала она была маленькой, потом разрасталась и разрасталась, пока внутри темнота не сменилась темно-бордовым пламенем, искры которого больно обжигали кожу.

И незнакомец потащил меня прямо к этому разлому! Я заорала так, что сама оглохла.

– Помолчи! Ты совершенно невыносима!

Последнее, что я запомнила в мире, именуемом Землей, – обстановку гостиничного номера и темноту, надвигающуюся на меня прямо из кошмара.

Я словно свалилась с лестницы, по крайней мере, ребра болели дико. Опустилась на четвереньки, ощутила под пальцами мокрую траву. Вдохнула запах свежего леса, осмотрелась и поняла, что ничего не понимаю. Незнакомец лежал рядом и ругался.

– Из-за тебя я промахнулся с порталом.

– Что... что за...

– Спокойно! – рявкнул он на меня. – Сядь!

Пришлось привалиться к какой-то коряге. Вот, блин, кажется, я еще и лоб разбила. По носу стекла густая теплая капелька крови. Аккуратно ощупав ссадину, я пришла к выводу, что в ближайшее время от кровопотери не умру. И занялась более серьезными проблемами.

Что, блин, происходит?!

– Значит, так, – осмотревшись, заключил похититель. – Придется нам добираться до города. И впредь я хочу, чтобы ты вела себя благоразумнее, поняла?

– Не поняла, – огрызнулась я. – Кто вы такой? До какого города? Что происходит?!

– До Флеймгорда. Мое имя Кейман. Кто я, тебе знать необязательно. Просто один человек, работающий на корону.

– На британскую? – зачем-то спросила я.

– О, боги... ты совсем ничего не знаешь, так?

– О чем?

– О своем мире. О том, откуда ты.

– Я... о чем вы вообще говорите?

– Если я тебе расскажу, ты перестанешь вести себя как дикарка? Не будешь кричать, кусаться, вырываться и привлекать к нам внимание?

Я с самым честным видом покивала. В моем активном сопротивлении теперь не оказалось никакого смысла. Если я не сплю, не получила сотрясение мозга и не накачана наркотиками, то... из гостиничного номера я перенеслась в какой-то ночной лес. Темные, причудливо изогнутые стволы деревьев рождали в фантазии жуткие образы монстров из кошмаров. Ногам в легких рабочих кедах мгновенно стало холодно.

Но вот над головой... над головой раскинулось такое небо, что у меня дыхание остановилось! Никогда не видела так явно и четко Млечный Путь. Целая россыпь звезд на черном бархате! И еще три яркие, знакомые мне звезды. Не маленькие точки на небе, а сияющие и освещающие своим светом лес, будто небольшие луны.

– Что это? Что за звезды?

– Таара, Крост и Акорион. Три звезды, каждая из которых принадлежит одному божеству. Самая яркая – Кросту, самая тусклая – Акориону.

– А... кхм... богам?

- Вставай. Расскажу на ходу, до рассвета нужно добраться до города.

За спиной – лес, сбоку тоже лес, впереди лес, и лишь этот не слишком вежливый человек знает, как выбраться к цивилизации и что вообще происходит. Слушаться его не хотелось, но вариантов не осталось. Я поплелась следом, стараясь не отставать, но ноги в кедах соскальзывали с влажных корней деревьев и путались в высокой траве и небольших колючих кустарниках.

- Мир, в котором ты жила, связан с нашим. Граница очень тонкая, иногда открываются порталы-разломы. И люди могут, при желании, перейти в другой мир. Достаточно заплатить предсказателю, и он поможет найти нужный разлом. Так сделала твоя мать, когда ты была совсем маленькой, взяла тебя и сбежала через портал на Землю.

- Зачем? – пораженно выдохнула я.

- Понятия не имею.

- И откуда вы знаете, что она сделала это?

- Мы собираем информацию о наших детях, выросших в другом мире, и по возможности возвращаем их назад.

- В это сложно поверить, – призналась я.

От Кеймана исходила какая-то враждебность, будто я стала для него неприятной и тягостной обязанностью. Я невольно задумалась о том, что у него за профессия. Возвращатель утраченных детей? Сыщик? Местный полицейский?

- И что теперь мне делать? Я могу вернуться добровольно назад? – спросила, когда поняла, что в этом разговоре инициатива будет исключительно за мной.

- А что там такого хорошего, что ты жаждешь вернуться?

Я задумалась и вдруг поняла, что эти слова родили внутри сомнение. Что я теряю? Работу горничной, небольшую зарплату, парочку шапочных друзей, на которых никогда не хватало времени. Книги, фильмы, места, вкусы и звуки, но... вдруг в этом новом мире есть что-то более интересное? Разломы, порталы... это то, о чем я слушала, лежа в темноте, в крохотной квартирке, которую снимала. Другие миры, магия...

- Здесь есть магия?

Кейман бросил на меня немного удивленный взгляд, словно не ожидал такого вопроса.

- Есть. Стихийная, темная и светлая. Самая сильная темная, но встречается очень редко. Светлая слабая, но распространенная, большинство магов – светлые. Стихийной может овладеть почти каждый, но нужно купить лицензию у одного из четырех Домов Стихий. Каждая магия сама в себе разделяется на несколько видов. Тебе расскажут об этом в Школе.

- В школе?

Густой, непроходимый лес сменился редким ельником. Повеяло Рождеством: такой запах стоял в отеле, когда в холле появлялась пышная трехметровая елка, а в номера гостям ставили вазы с еловыми веточками.

- Все должны получить образование, ты не исключение.

- И мы сейчас туда?

- Нет.

Кейман замолчал, а я недовольно поджала губы. Им стоит, раз уж озаботились возвращением граждан на историческую родину, нанять какого-нибудь более дружелюбного проводника.

- Можно подробнее? Что мы будем делать, что будет со мной?

- Сейчас придем в город и переоденем тебя во что-то более соответствующее нашему миру, потом отправишься на распределение. Маги Флеймгорда определяют твою силу и назначат Школу, где ты будешь учиться. Их всего пять: огня, воды, земли, воздуха и Школа святых. Дальше не мои проблемы.

Я только вздохнула. Идти становилось все тяжелее, но, кажется, небо немного светлело. Может, рассвет, а вместе с ним и город, уже близко? Хотелось пить, есть, согреться и немного поспать.

- Тебе нужна легенда. Что говорить любопытствующим. Слушай внимательно, я повторяю только раз. Запоминай, иначе огребешь проблем, иномирян здесь не любят.

- Зачем тогда возвращают, если не любят? - хмыкнула я, но под многозначительным взглядом Кеймана заткнулась.

- Ты - моя троюродная племянница, которую давным-давно похитили и увезли в другой мир. Не нужно никому знать, что это сделала твоя мать. Образ жертвы похищения привлекательнее образа вернувшейся дочурки предательницы.

- Кажется, я начинаю понимать, почему мама сбежала.

- Забавно. Молодец, язык длинный. Впредь держи его за зубами, а не то по губам получишь.

Если бы я так не устала и не замерзла, то задохнулась бы от возмущения. От Кеймана буквально исходили волны неприязни, а вот причин для них я не увидела. Стереотипы об иномирянах? Или что-то большее? Логика подсказывала, что он просто говнюк, а вот интуиция, как всегда, хотела верить в нечто таинственное.

Но проводник не собирался раскрывать все свои карты, а мне оставалось только слушать и запоминать.

- О своем мире можешь рассказывать что угодно, скажешь, что приютила и воспитала добрая женщина. Этот мир не помнишь, но рада вернуться. Держись скромно и незаметно, не влезай в передраги, относись уважительно к старшим. Мое имя тебе поможет, но если будешь использовать его в личных целях, очень быстро узнаешь, на что я способен.

- А вы, значит, видная фигура? - хмыкнула я.

Лес вдруг расступился, и мы вышли на дорогу. Огороженная хлипеньким забором, через который Кейман с легкостью перемахнул, к моему счастью, она шла под горку. И дальше идти стало проще.

- Я один из темных.

Ага, он говорил, что темная магия встречается редко.

- А я? Если я из этого мира, значит, тоже обладаю какой-то способностью?

- Это выяснится после инициации. Теоретически, есть шанс, что ты - полнейшая бездарность.

- И тогда меня вернут в мой мир?

- Нет, - развеял надежды Кейман. - Переходы запрещены законом. Устроишься на работу, будешь мыть трактиры, тебе же это привычно.

- Да, и я этого не стесняюсь.

- Я заметил. Стоило бы.

Должно быть, я ударила голову слишком сильно, потому что до сих пор ни разу у меня не возникало такое дикое необузданное желание укунить кого-нибудь за очень чувствительное место. Не могла отделаться от мыслей, как будет орать Кейман, если я вцеплюсь зубами ему в... загривок.

- Значит, вы забираете детей с Земли против их воли, да еще и запрещаете вернуться? Может, стащите для разнообразия учебник обществознания, где растолковывается, что такое права человека?

- Такова воля короля: вернуть всех незаконно увезенных в другие миры детей на родину. Королевские указы не обсуждаются.

- Понятно, гуманизм – не ваш конек. Хорошо, и каков план? Куда меня отправят учиться и как выяснят, не бездарность ли я, часом?

На самом деле за едкими вопросами скрывался привычный страх перед экзаменом. Но не такой, какой возникает у обычных студентов: а вдруг не сдам? А мой личный страх, практически ужас перед возможной новостью, что я совершенно не способна к обучению. Страх шел из детства, с многочисленных тестирований и бесед с психологами, которые в один голос твердили: ваша девочка недоразвитая, отдайте ее в интернат.

Кейман Крост был суров и немногословен:

- Увидишь. – Вот и все, что я услышала в ответ на свои вопросы.

Впереди показался город.

Я будто оказалась в фэнтези-фильме. Там тоже города начинались с огромных ворот, вручную открываемых стражниками. На въезде проверяли документы, но Кеймана пропустили, едва взглянув, а вместе с ним и меня. Мысленно я бережно складывала в копилочку каждое новое знание о мире и Кеймане в частности. Какой бы редкой ни была темная магия, она явно открывала многие двери.

Город меня поразил, во-первых, чистотой, а во-вторых, колоритной застройкой из каменных домов в два-три этажа. Улочки, после автомагистралей и проспектов, казались непривычно узкими, хотя по ним передвигались экипажи. Запряженные, правда, совсем не лошадьми.

Открыв рот, я глазела по сторонам, пока мы шли к большой стоянке таких экипажей. Кейман подвел меня к ближайшему, и я смогла рассмотреть нечто в упряжке, напоминающее птицу, сотканную из струек воды.

Ага, раз здесь в ходу стихийная магия, значит, и экипажи двигают всякие магические звери, состоящие из стихий. Вон там бьет копытом огненная лошадь, а чуть поодаль прилегла пума из камней и цветов. Удивительное зрелище.

- Давай быстрее, – вывел меня из ступора голос Кеймана.

Пришлось залезть в карету и рассматривать новый мир уже из окна.

Мы неслись по улицам с такой скоростью, что прохожие едва успевали отпрыгивать из-под колес экипажа и крыльев водяной птицы. Но никто – что странно – не высказывал возмущения. От гнетущей тишины меня спасало только любопытство. Даже если это перемещение и окажется сном или бредом, все равно это очень и очень круто!

Наконец мы остановились в начале широкой пешеходной улицы. Очень яркой и суматошной: слышалась музыка, народ сновал между небольшими двухэтажными магазинчиками, а у каждой двери стоял зазывала. Кейман, вцепившись в мою руку мертвой хваткой, тащил меня мимо всех дверей ровно до тех пор, пока музыка не стихла, приглушенная расстоянием. Здесь было не в пример меньше людей, да и магазины стали другими, чем-то даже напоминавшими наши: со стеклянными витринами и рекламой. В один из таких магазинчиков мы и зашли.

- Алайя! – рявкнул Кейман.

Из дальних комнат в холл вышла миловидная женщина в длинном темно-вишневом платье с жестким на вид кожаным корсажем. Она чем-то напоминала клиенток отеля, где я работала: пахла роскошными духами, держалась так, словно мы находились не в магазине, а на красной дорожке.

А еще заигрывала с Кейманом. Круто.

- Магистр Крост, неужто вы начали лично водить своих любовниц по магазинам?

Я залилась краской возмущения, а Кейман лишь раздраженно отмахнулся:

- Это моя племянница.

Будто сама мысль обо мне в сексуальном контексте вызывала у него отвращение. Я даже не знала, обидеться или ответить симметрично?

- Завтра мы идем на распределение, а затем она уедет учиться. Нужно приодеть.

- Она очень странно одета. Откуда ты, девочка?

Девочке, на минуточку, восемнадцать лет!

- Иномирянка, - за меня ответил Кейман. - Длинная и неприятная история с похищением. Разберись с этим быстро, хорошо? Я не готов провести у тебя целый день, нам еще нужно найти жилье.

- Вы можете остаться у меня.

- Только под страхом смертной казни я останусь на ночь у сирены, Алайя.

- Жаль, - в хищной улыбке расплылась женщина.

Если я в коме, то можно мне уже из нее выйти?

Зато в примерочной можно было на несколько секунд спрятаться от вездесущего ока Кеймана и перевести дух. Я опустилась на небольшой диванчик, закрыв глаза. Голова жутко болела и кружилась, хотелось есть и пить. Первый всплеск адреналина прошел, оставив после себя опустошенность и усталость.

- Бедная девочка, - вздохнула Алайя. - Тебе не по магазинам ходить, а выспаться бы.

- Да, денек выдался не из легких. Голова болит. И очень хочется пить.

Я сказала это жалобнее, чем планировала. Но вдали от Кеймана сирена будто превратилась в приятную и даже заботливую женщину. Надела маску или я не представляла для нее интереса?

- Сходи умойся, я принесу настойку трав. К сожалению, не держу здесь никакой еды, раньше подавала пирожные, но клиенты умудрялись портить шоколадом по два-три платья в неделю.

- Спасибо! - совершенно искренне сказала я.

После умывания стало лучше, как физически, так и морально. Я оттерла с лица грязь и кровь, кое-как помыла кеды. Пить из умывальника не рискнула, не хватало еще загнуться в незнакомом мире от дизентерии. Собрала волосы в пучок и вернулась в зал. Хорошо, что Кеймана сюда не пустили. Алайя куда-то пропала, и я осторожно с интересом просмотрела платья на одной из стоек. Красивые, но совершенно непонятно, как в них ходить.

Наконец сирена вернулась с подносом. Она улыбалась мне, как старой знакомой.

- Я нашла для тебя пару конфеток. И сделала чай. Поверь, он поможет и от головной боли, и от голода. Садись и расскажи, как тебя зовут.

- Деллин. Деллин Шторм.

- Ты еще никуда не поступила, верно? Завтра распределение?

- Если бы я еще знала, что это такое.

- О, ничего страшного. Кейман приведет тебя к Совету, они проведут испытание, которое определит, какой магией ты обладаешь. Все очень просто и совершенно безболезненно. Ну а затем отправишься в школу, хотя до начала занятий еще долго. Я заканчивала

Школу Воздуха. Студенческие годы – самое лучшее, что было в моей жизни.

Она повернулась к стойкам и задумалась.

– Хорошо. Начнем с походных комплектов. Знаю Кеймана, сидеть на месте он тебе не даст.

На соседний диванчик полетели брюки, рубашки, кожаная куртка, еще какие-то вещи, я отвлеклась на чай и с наслаждением смаковала ощущение, как горячая пряная жидкость стекает в желудок.

Голова действительно прошла, и вскоре я включилась в процесс выбора одежды. Она не слишком отличалась от нашей, с той разницей, что в этом мире не придумали ни джинсов, ни полиэстера.

– Одежда демонстрирует твой недостаток, силу твоего рода. В школах это очень важно, тебя принимают по одежде. Племянница Кеймана Кроста не может одеваться, как простушка, но в то же время это не та фамилия, чтобы публично светить богатством.

В компанию к походным костюмам полетели платья, юбки и плащи. Вишенкой на тортик лег сверток нижнего белья и сорочек.

– Форму выдадут в школе, – улыбнулась Алайя.

Парочку нарядов я померила. Долго стояла перед зеркалом, не веря, что это мне не снится. Расшитые черными блестящими нитками сапожки были настолько «внеземными», что стали той самой капелькой, переполнившей чашу. Я вдруг поверила, что нахожусь в другом мире, и испугалась.

Кейман расплатился с сиреной горстью золотых монет.

– Я пришлю покупки с посыльным, как только ты отправишь мне адрес.

Не прощаясь, Кейман вышел на улицу, и мне ничего не оставалось, как поспешить за ним. Платье горничной я без сожаления оставила у Алайи, и теперь на мне красовались новенькие коричневые брюки из плотной, напоминающей хлопок ткани, черная рубашка и кожаная куртка. Всю дорогу до экипажа я думала о том, что на Земле такая куртка стала бы модным хитом – в последнее время магазинные полки стремительно отвоевывала некрашенная кожа.

– Я хочу есть, – сказала, когда мы сели в карету и снова понеслись по улицам.

Кейман одарил меня тяжелым усталым взглядом.

– Сейчас снимем комнаты в гостевом доме и поешь.

– Что я вам сделала? – не выдержала я. – Вы так смотрите, словно... Но я совершенно точно вас не встречала раньше. Вы знали маму? У вас с ней был какой-то конфликт?

Или не конфликт, а... роман?

Кейман так долго молчал, что я отчаялась получить ответы на прозвучавшие вопросы. Поэтому, когда тишину вдруг пререзал его холодный голос, вздрогнула и невольно поежилась.

– Не жди радушия ни от меня, ни от других. Я не хотел и не хочу заниматься твоим образованием. Делаю это исключительно потому, что король приказал. У меня есть дела поважнее, чем выгуливать малограмотную девицу. Осознай это и постарайся свести наше общение к минимуму. Хотя, если тебе интересно, твоя мать не была приятным человеком.

На этом он умолк и до конца поездки не проронил больше ни слова. Я сидела, погрузившись в невеселые мысли. Что теперь делать в этом мире? Дома у меня была работа, пусть и не очень престижная. Была крохотная квартирка, несколько приятелей, огромный архив аудиокниг, какие-то надежды и мечты. Я не жаловалась, и теперь не стану, но неприятно быть объектом ненависти незнакомого человека. Взрослого

мужчины, тем более.

Экипаж привез нас к большому дому с нарядной вывеской и симпатичными ящиками с цветами у крыльца. Вслед за Кейманом я поднялась по ступенькам и очутилась в большом холле.

– Ух ты, сдержанное рококо, – хмыкнула я, рассматривая дорогое убранство.

Здесь останавливались уж точно не те ребята, которых мы видели из окна экипажа. Дамы и господа, встречавшиеся нам в холле, могли бы служить иллюстрациями к фантастическому фильму, настолько необычными были их платья и костюмы. Я будто очутилась в Министерстве Магии! У фонтана сидела девушка, вокруг которой задорно прыгала огненная лиса, за свободной стойкой с ключами портье телекинезом расставлял цветы в вазы, а под потолком кружили сразу три водные птицы. Иногда они сталкивались, и на присутствующих попадали крохотные капельки влаги.

Пока я, открыв рот, смотрела на все это магическое великолепие, вернулся Кейман и сунул мне в руки массивный бронзовый ключ со сверкающим рубином.

– Последний этаж, твоя комната под номером девять.

Лифтов в этом магическом, но еще не слишком технологичном мире не изобрели. Поэтому изящная клетка, служившая для подъема на верхние этажи, управлялась магией. Полагаю, что магией воздуха, ведь вместе с нами в ней был служащий гостевого дома, который с жутко вдохновенным видом управлял едва заметными вихрями воздуха. Я до боли в костяшках вцепилась в прутья. Оказывается, неприятно узнать в восемнадцать лет, что боишься высоты.

В коридоре Кейман придержал меня за плечо.

– Немного о правилах. Я не хочу, чтобы ты шаталась по городу. Можешь прогуляться по коридору или выйти на балкон, но не смей спускаться в холл, с кем-то говорить и уж тем более выходить в город. Я хочу сдать тебя в школу и забыть как страшный сон то время, что ты находилась под моей ответственностью.

А ты, думаю, хочешь забыть встречу со мной. Давай вместе приблизим этот знаменательный момент.

– А поесть? – напомнила я.

– Принесут в комнату.

– Что ж, хорошо, что у меня она хотя бы отдельная, – пробурчала я вслед Кейману, – а то после предложения в гостинице мне бы пришлось спать в обнимку с сапогом.

С негромким щелчком дверь открылась и впустила меня в комнату. Я с интересом осмотрела сдержанную, но дорогую обстановку. За время работы я повидала много номеров гостиниц и не скажу, что этот чем-то отличался от них. Разве что оснащением: не было холодильника и мини-бара, вместо телефона на тумбочке лежал веер, а светильники зажигались каким-то непонятным образом. Возможно, магией, пока еще мне не доступной.

Ванная потрясала размерами и чистотой. Я не удержалась и облазила все помещение в поисках труб и сливов, но вода будто появлялась из ниоткуда и туда же уходила.

– Круто, – присвистнула я.

Раз уж Кейман привел меня сюда, надо наслаждаться. В кои-то веки я не оттираю от ванны пролитую зеленку, а просто отдыхаю в отеле, как обычный – и весьма важный – клиент. Вечером приму горячую ванну, а пока дождусь еды и немного посплю. Голова снова раскалывается, если бы еще и тошнило, я бы точно решила, что у меня сотрясение.

Но все пройдет, стоит лишь позволить себе пару часиков сна.

Раздался стук в дверь. Молчаливый парень в форме служащего прошел в комнату,

оставил поднос с едой – и был таков. Это даже порадовало, все равно у меня не было денег ему на чаевые.

Желудок настойчиво требовал еды. Я не ждала чего-то привычного, но, к собственному удивлению, обнаружила на подносе оладьи с тремя маленькими вазочками разного варенья, какую-то кашу на молоке с орехами, большой керамический чайник с чаем и несколько шоколадных конфет. Королевский завтрак, который с удовольствием в мгновение ока был уничтожен.

Пожалуй, я переоценила свои силы: живот от съеденного надулся и недовольно урчал.

– Диетологи всех миров сейчас схватились бы за сердце, – подмигнула своему отражению в зеркале, – но не поспать после такого нереально.

Задернула плотные шторы, бросив короткий взгляд на оживленную улочку. Умылась, разделась и с наслаждением растянулась на большой кровати. В абсолютной тишине и приятном полумраке единственным, что омрачало мое блаженство, была слабая пульсирующая боль в голове. Но и она скоро отошла на второй план, и я уснула.

И все равно спать на полный желудок нельзя. Мне никогда еще не снился такой сон. Я будто очутилась в огромном торжественном зале, простоявшем в запустении много сотен лет. С потолка, некогда украшенного мозаикой, свисали лианы, а пол покрылся мхом и немного скользил. Впереди, напротив разбитых и матовых от времени окон, покосившись, стояла полуразрушенная статуя. Куски каменной короны с ее головы валялись то тут, то там под ногами.

Мрачное место. Страшное, до дрожи в коленях. Леденящий душу ветер завывал в щелях и пустотах, отчего казалось, будто зал со мной говорит.

«Ты приш-ш-шла. Вернулас-с-сь».

Я открыла глаза и поморщилась. В комнате было уже темно, будто за окном наступила ночь. Взглянув на часы, я поняла, что еще не ночь, но вечер уже давно вступил в свои права. На столике стоял поднос с еще горячим ужином. Я даже не слышала, как его принесли.

Пока наслаждалась салатом и сладковатым, с легкими ореховыми нотками, напитком, размышляла о том, спасут ли меня, если вдруг начнется аллергия на какой-нибудь экзотический продукт. Наверное, раз есть шикарные гостиницы, есть и какие-нибудь колдуны-целители, но анафилактический шок развивается быстро, вряд ли я смогу дожждаться помощи.

Надо думать, тогда Кейман Крост откроет шампанское.

Сидеть в комнате без развлечений было жутко скучно. Час после ужина я провела, рассматривая в окно улицу. Потом долго раздумывала, не принять ли ванну, но отложила это на ночь. Благодаря тому, что проспала весь день, я еще не скоро лягу спать.

Мне хотелось узнать больше о мире, где я оказалась. Я бы даже рискнула и немного почитала, если бы знала язык. А самым горячим желанием было прогуляться по улице, воочию посмотреть на здешнюю жизнь. Но если теоретически книгу еще можно выпросить, то прогулка с Кейманом превратится в изошренную пытку.

Потом я вспомнила, что мне можно прогуляться по коридору и выйти на балкон. Уже что-то, слоняться туда-сюда хотя бы не так уныло. Балкон в коридоре выходил на другую улицу.

Она оказалась если не центральной, то одной из самых проходных. В городе кипела ночная жизнь: открывались небольшие ресторанчики, под балконами прогуливались парочки. Магия так и была ключом в центре Флеймгорда, мне казалось, что ее здесь используют не просто как важную и нужную способность, а предпочитают ненавязчиво демонстрировать мастерство и силу. Во всяком случае, огненные вспышки, водяные птицы и воздушные бабочки, в изобилии летавшие туда-сюда, восхищали меня больше всего.

Я бы могла смотреть на это бесконечно. Дышать вечерним воздухом, наблюдать за

городом, представлять, как однажды и я, возможно, смогу делать нечто подобное. Вряд ли сегодня ночью я усну. Буду ворочаться, думать о том, как быть, если комиссия не найдет во мне ни толики волшебной силы. А еще размышлять над словами Кеймана о том, что не стоит ждать в этом мире теплого приема.

Зачем вообще бороться за место под солнцем, если меня здесь не примут?

Стало зябко. Ночь окончательно опустилась на город, взошли луны, которые так поразили меня по прибытии. Таара, Крост и Акорион. Странные имена, но не кажущиеся чужеродными. Наверное, в скором времени от меня потребуют, чтобы и я поклонялась этим богам. Но, увы, в восемнадцать поздно верить в легенды. Я смогу лишь притвориться, что верю в них. И не факт, что убедительно.

Я ушла с балкона и неспешным шагом направилась к своей комнате, когда вдруг заметила движение на лестнице. Сначала ускорила, помня о приказе ни с кем не общаться, а потом, узнав в тени Кеймана, выдохнула.

– Выходила на балкон, дышала воздухом. Вы разрешили, – на всякий случай сразу напомнила.

Он шагнул ко мне из темноты, и я вдруг поняла, что Крост пьян. Не в стельку, но хорошо принял на грудь и дошел до той стадии, когда маски слетают.

Истинное лицо Кеймана Кроста меня напугало. Особенно глаза, они смотрели на меня с такой ненавистью и одновременно таким сожалением, что я будто вновь очутилась в разрушенном дворце, и вновь ледяной ветер пробрал до костей.

– Спокойной ночи, – быстро сказала я.

Судьба сегодня была не на моей стороне. Кейман оказался быстрее, дернул меня за руку и прижал спиной к холодной стене. В отчаянии я огляделась по сторонам, но коридор был тих и безлюден.

– Отпустите меня! Я ничего не сделала!

Смотрел, изучал, скользил ненавидящим взглядом, таким яростным, что я забывала, как дышать.

Кейман солгал. Я не раздражаю его, я – не досадная помеха, навязанная королем обязанность. Будь его воля, он уничтожил бы меня на месте. Но по какой-то причине сделать этого не мог.

Рука мужчины сдавила горло. Несильно, не перекрывая доступ кислорода, но достаточно красноречиво. Я навсегда запомню его слова, пронесу их через всю жизнь. Они каленым железом выжжены в душе с этого момента и навечно:

– Лучше бы ты никогда не рождалась... Деллин.

Его губы искривились в усмешке, а потом я получила свободу. Ноги дрожали, и, едва Кейман скрылся за дверью своей комнаты, я без сил опустилась на пол.

Глава 2

Больше всего на свете мне хотелось сбежать. В первые часы после того, как я вернулась в комнату, мысли были не о ванне и не о грядущем испытании, а о том, чтобы неслышно проскользнуть по коридору, вырваться на улицу и... нестись куда глаза глядят, прочь от Кеймана Кроста, прочь от его обжигающей ненависти, причин которой я не знала.

Останавливал только постыдный страх оказаться одной в незнакомом мире. Ни языка, ни законов, ни денег. Я бы не выжила в одиночестве, поэтому осталась. Кейман обещал, что я уеду учиться и мы расстанемся навсегда. Остается только считать дни до этого знаменательного момента.

Но до утра я не сомкнула глаз, а принятие ванны из расслабляющей процедуры превратилось в способ хоть немного отвлечься. Когда принесли завтрак, я чувствовала себя вымотанной. А это всего лишь начало.

– Ты готова? – Кейман появился на пороге комнаты так неожиданно, что я поперхнулась блином и чуть не посинела, надсадно кашляя.

– Вы сказали, что я должна быть готова к рассвету. А за окном еще темно.

– И что, мне подождать, пока ты изволишь доесть?

– Было бы неплохо.

Я уже была готова бросить вкуснейшие блины с ягодами, но Кейман, к моему удивлению, сел в кресло напротив и уставился в пустоту.

– Не хотите извиниться? – спросила я.

– За что?

– За вчерашнее. Вы меня испугали.

Кейман только пожал плечами, мол, какая разница? Спрашивать о причинах такого отношения во второй раз я не стала. Вряд ли он бы раскрыл свою страшную тайну. И все же сомневаюсь, что все в этом мире будут относиться ко мне так же. Радужного приема я не жду, но если однокурсники не станут хватать меня за горло и сожалеть, что я родилась, открытки на дни рождения им обеспечены.

В такой час центральные улицы спали. Я ежилась: кожаная куртка не спасала от утренней прохлады. Кейман шел чуть впереди, и я хмуро рассматривала широкую спину.

– Мне снился сон, – вдруг выпалила я.

Неожиданно даже для себя. Будто интуиция подсказала, что его это заденет.

– Там был зал какого-то большого дворца, только разрушенный и заросший. С разломанной статуей.

– Поздравляю, что ты хочешь от меня услышать? Запоминать сонный бред – это не магическая способность.

– Просто поддерживаю разговор.

И хоть Крост остался таким же холодным и невозмутимым, я почему-то поняла, что его эта информация задела. Может, по брошенному искоса взгляду, а может, по тому, что он с силой сжал между пальцами браслет с черными бусинами, болтавшийся на руке.

Мы шли недолго, с главной улицы свернули в небольшой тенистый сквер, а выйдя из него, оказались на большой площади, с двух сторон которой были огромные арки с каменными горгульями. А впереди...

– Нам, надеюсь, не туда? – спросила я с нехорошим таким подозрением, что именно в здании напротив и скрывается таинственный пугающий Совет Магов.

Ничего особенного, кроме определенного архитектурного очарования, в здании не было. Три этажа, куполообразная крыша, фонтаны на больших балконах и бесконечная лестница на самый верх.

– Да здесь тысячи ступеней!

– Не преувеличивай. Пятьсот восемнадцать. Шевелись, до начала инициации мало времени.

Живя на Земле, я думала, что выносливая. Физическая работа не способствует набору веса и гиподинамии. Я катала тяжеленную тележку с бытовой химией, таскала пакеты с мусором и за день бегала по лестнице десятки раз. Но преодолеть несколько сотен ступенек в один подход оказалось не таким уж плевым делом. К концу пути я едва дышала, а Кейман даже бровью не повел. Он не дал мне перевести дух, распахнул двери, и мы очутились в большом зале.

Я ахнула, поняв, что зал выглядит точно так же, как и во сне. За исключением запустения – сейчас он сверкал глянцевой чистотой. При утреннем свете, с целыми стеклами и потолком, наполненный звуками, голосами, солнечными зайчиками и запахами благовоний, зал производил еще больше впечатления. А статуя короля рождала в душе трепет.

– Почему он мне снился? – не удержалась и спросила.

Не ждала ответа от Кеймана, просто мысли рвались наружу, будто им было тесно в голове. Но Крост вдруг ответил.

– Возможно, просыпается твой дар, – сказал он. – Сейчас станет ясно.

Чем-то зал напоминал Гильдию Магов из какой-нибудь компьютерной игры. По крайней мере, расхаживающие туда-сюда люди в длинных разноцветных плащах выглядели как классические волшебники. Мы пересекли зал и остановились у не приметной дверки в углу, где нас встретила миловидная девушка в темно-коричневой мантии.

– Добро пожаловать в Храм Совета, – улыбнулась она. – У вас назначено?

– Процедура инициации для Деллин Шторм, – сказал Кейман.

В руке девушки появился свиток, с которым она немедленно сверилась.

– Прошу за мной, Деллин.

Я испытала облегчение, смешанное со страхом, когда двери за моей спиной закрылись и отрезали меня от Кеймана. Без него легче дышалось, но в то же время я в полном одиночестве стояла перед неизвестностью.

– Вам нужно будет выполнять все, что скажет Совет, – произнесла девушка. – Честно ответить на все их вопросы. За ложь перед лицом Совета предусмотрено суровое наказание. За неподчинение приказам Совета – тоже. После того, как вы пройдете обряд, вам назовут учебное заведение. Пожалуйста, ожидайте здесь, вас вызовут.

Она оставила меня перед не приметной деревянной дверкой и растворилась в полумраке коридора. Насколько высокими были потолки в большом зале, настолько низкими они оказались здесь. Тонны камня над головой неприятно давили.

Я так засмотрелась на освещавший коридор факел, что чуть не пропустила собственное имя. Оно прозвучало откуда-то сверху, но ручка двери засветилась мягким голубым цветом, и, осторожно потянув створку на себя, я вошла.

Странное помещение. Напротив двери располагалось нечто, похожее на университетскую кафедру, за которой сидели сразу шесть человек разного возраста. И – я невольно вздрогнула, хоть и тут же покраснела – один «нечеловек». У самого крайнего... существа в прямом смысле была голова волка. Если бы вместо плаща на нем было египетское одеяние, то он мог бы сниматься для фотостоков на тематику фараонов и пирамид. Удивительно, но именно полуволок смотрел на меня максимально дружелюбно. А вот пожилая женщина в центре – ее стул был с самой высокой спинкой –

встретила меня холодным кивком.

Но самым странным была не темнота (помещение освещалось лишь небольшими синими кристаллами на столе магов). Самым странным был небольшой прямоугольный бассейн с белоснежными мраморными ступенями. Что-то мне все это не нравилось. Но дверь за спиной закрылась на замок, я слышала негромкий щелчок, когда ее отпускала.

- Вас зовут Деллин Шторм? - спросила женщина.

Про себя я назвала ее председателем.

- Да, мэм.

- Что это значит? - прищурилась она.

- Там, откуда я родом, эта приставка используется для уважительного обращения.

- Откуда вы? - спросил полуволок.

- Я иномирянка. Из мира, который называется Землей.

- Вы хорошо понимаете, что я говорю? Без труда улавливаете смысл слов? - спросила председатель.

- Да, я вас понимаю.

- Хорошо. У вас проявлялись магические способности ранее?

- Нет.

Возможно, стоило рассказать про сон, но в этот момент, напуганная таким пристальным вниманием к себе, я совершенно про него забыла.

- Какими силами обладают ваши родные?

- У меня никого нет, я сирота. Я не знаю никого, кроме мамы, но она растила меня в мире, где магии не существует.

Некоторые члены Совета удивленно переглянулись и зашептались.

- Как вы оказались в нашем мире?

- Кейман Крост привел меня.

Повисла тишина. Пауза затягивалась, но удивление во взглядах большинства магов не ослабевало. Имя Кеймана подействовало на них как-то странно. Не сказала бы, что комиссию охватил благоговейный трепет. Но вокруг слегка потеплело.

- Что ж, у вас есть какие-то вопросы или пожелания относительно школы, в которую вы, предположительно, попадете?

В школе учитель всегда говорил это в конце урока. «Все понятно? Есть какие-нибудь вопросы?» Мне не было понятно ничего, а от вопросов болела голова, но я упрямо молчала, страстно желая как можно скорее закончить эту пытку и сбежать в уютную норку с аудиокнигами и музыкой.

Сейчас я испытывала схожее ощущение, только бежать было некуда. И когда еще учиться задавать вопросы, если не сейчас?

- Что со мной будет, если выяснится, что я не обладаю никакой силой?

- Вы будете вольны делать все, что вам захочется, в рамках закона.

- Но я не знаю законов. Не знаю языка, не знаю, как заработать денег. Если ни одна школа меня не примет, я окажусь на улице.

- Об этом должен заботиться ваш опекун. У каждого иномирянина есть опекун. Задайте эти вопросы ему. Оставить вас на улице ему не позволят правила. У вас есть еще

вопросы?

«Что я буду делать, если мой опекун повесится, когда узнает, что я буду сидеть на его шее?»

– Нет, мэм.

– Тогда прошу.

Она как-то странно кивнула на бассейн. Я смутилась, но раз уж меня не растерзали за первый вопрос, рискнула:

– Я не знаю, что мне делать.

– Войдите в купель.

– Прямо так? – Я растерянно посмотрела на ботинки.

Кейман не говорил о сменной одежде, я ведь буду мокрая до нитки, если залезу в воду!

– Нет, конечно, – с легким раздражением ответила председатель. – Чем вообще занимается Кейман Крост, почему он не объяснил вам правила? Снимите одежду и войдите в купель. Быстрее, пожалуйста, вы не единственная ждете распределения.

Прекрасно. Процедура инициации: раздеться перед кучей народа. Если они поставят здесь шест и начнут подавать текилу, получится неплохой ночной клуб.

Серьезные лица и красноречивые взгляды комиссии убедили, что это не шутка. Непослушными пальцами я начала расстегивать пуговицы на куртке. В приступе иррациональной паники мне показалось, что этих пуговиц бесконечное количество.

Да что же они так смотрят! Даже не знаю, кто больше пугал, люди или полуволок.

Когда одежды не осталось, мне стало холодно. Откуда-то сбоку дул противный, слабо уловимый сквозняк. Вспомнив, что до сих пор я так и не выяснила, как обстоят дела с медициной, поспешила к бассейну. Лучше голой искупаться на глазах незнакомцев, чем застудить почку.

В воде стало немного теплее, но этим ощущения ограничились. Ничего магического не происходило, и даже тревожная музыка не заиграла вокруг. А если это признак того, что во мне нет никакой магии? Ненавижу чувство тревожности на душе.

Я зашла в воду так, чтобы грудь скрылась под водой, и замерла, в ожидании смотря на председателя. Комиссия сидела с невозмутимыми лицами и будто чего-то ждала. Интуитивно я чувствовала, что не стоит сейчас задавать вопросы, поэтому сосредоточилась на приятной чистой голубой водичке.

Терпение никогда не было в числе моих достоинств. Ждать неизвестного, ловить во взглядах и жестах намеки, оказалось еще мучительнее, чем томиться в одиночестве в ожидании испытаний.

Я почти сдалась и уже хотела было поинтересоваться, не надо ли мне сделать пасс руками или прищурить глаза, как делала одна из ведьм в каком-то сериале, когда вдруг заметила, что вода вокруг меня постепенно меняется.

Совершенно некстати пробрал смех: у нас в отеле в воду бассейна добавляли реагенты, которые меняли цвет, если кто-то из посетителей вдруг решал слить что-нибудь в воду. Список веществ, от которых мы очищали ее, варьировался от пива и колы до продуктов жизнедеятельности.

Вода вокруг темнела, а еще неторопливо бурлила, спокойный бассейн с голубой водичкой превращался в омут с черной жидкостью. Флер романтичности мигом слетел и с помещения, и с комиссии. У меня перехватило дыхание от глупой, но навязчивой мысли: а что, если Кейман лгал? И он вытащил меня в этот мир не потому что король приказал вернуть похищенных детей, а потому что по какой-то причине хотел убить меня? И сейчас случится что-то жуткое.

Усилием воли я заставила себя успокоиться. Хотя как тут оставаться невозмутимой, когда вокруг происходит такое? Вода побурилась еще с полминуты, все это время комиссия внимательно наблюдала и негромко переговаривалась.

Потом большой черный пузырь оторвался от поверхности и поднялся в воздух. Я не удержалась и ткнула его пальцем, и вскоре вокруг меня зависли еще сотни таких же пузырьков.

– Можете заканчивать, – кивнула председатель. – Мы увидели достаточно.

– Да я не понимаю, как это заканчивать! – В голосе отчетливо прозвучали истерические нотки.

Маги переглянулись. Полуволок поднялся и взмахом руки все прекратил. Пузырьки вернулись в бассейн, а водичка снова стала кристально прозрачной. На радостях я слишком резко рванула к лестнице, поскользнулась и чуть не хлебнула того, что еще совсем недавно напоминало нефть.

Председатель милостиво дождалась, пока я оденусь, что оказалось непросто: никакого полотенца мне не дали. Рубашка тут же промокла насквозь, и я поплотнее запахнула куртку. Волосы скрутила в тугую жгут и молилась, чтобы на улице хоть чуть-чуть потеплело. Вряд ли Кейман даст мне время обсохнуть.

– Деллин Шторм. – Председатель поднялась.

Чем-то все это напомнило объявление приговора. Хоть бы последнее слово дали.

– Поздравляю с инициацией. По ее результатам стало известно, что вы обладаете одной из самых редких и сложных способностей – темной магией. Обычно иномиряне редко получают такой дар. Чтобы им управлять, недостаточно отсидеть четыре года в одной из школ, это трудно контролируемый опасный дар. Однако, принимая во внимание то, что вас привел в наш мир Кейман Крост, мы готовы сделать для вас исключение и отправить в Высшую Школу темных. Окончательное решение по поводу вашего образования будет принято через год, по результатам сессии в школе. И вы либо будете переведены на второй курс, либо отправлены в специальное учреждение для получения базового магического образования.

Она сделала паузу, а я только подумала, что хорошо бы не демонстрировать лицом полное непонимание и растерянность.

– При этом единственным нашим условием станет вот что: опекунство господина Кроста сохранится над вами весь испытательный год. Он должен будет сдерживать вашу силу, направлять обучение и восполнять пробелы в знаниях, которые неизбежно присутствуют у каждого иномирянина. Вам все понятно?

– Да. – Я сглотнула.

Кейман будет счастлив.

– Тогда можете быть свободны. И помните о том, что любая сила накладывает ответственность, а такая, как ваша, увеличивает эту ответственность втрое.

Мне срочно нужен магический психолог.

Кейман встретил меня в куда более благодушном настроении. Я даже поначалу подумала, что он снова выпил. Потом вспомнила, как под воздействием алкоголя накануне обострилась его беспричинная ненависть, и отвергла эту мысль как несостоятельную.

– Признайся, Шторм, ты родилась, чтобы создавать мне неприятности.

– Вы так радуетесь тому, что проведете в непосредственной близости от меня год, или тому, что я не утонула в бассейне с мазутом?

– Они засунули тебя в бассейн? – хмыкнул Кейман. – Ты рассказала о своем сне?

– Забыла.

– Зря. Они бы до смерти перепугались.

– Они и так были не в восторге. Может, объясните, что значит темная магия, Школа темных и все остальное?

– Здесь? – Кейман красноречиво скосил глаза на молодого мага, делавшего вид, будто он полностью погружен в книгу.

Но я-то видела развешенные уши и искорку любопытства в глазах.

– Что ж, Совет обрадовал меня известием, что ты будешь нуждаться в няньке целый год, да еще и поедешь в мою школу. Поэтому запомни основное правило: не позорь меня, Деллин. Иначе я тебя накажу. Это есть в моих правах.

– А обязанности у вас есть?

– Да. Обеспечивать тебя и обучать. Но не думай, что я буду оплачивать все твои капризы.

Он сунул руку в карман плаща и достал оттуда горсть золотых монет, которую протянул мне. Пришлось подставить обе ладони, чтобы не просыпать.

– Это – деньги на подготовку к учебе. Письменные принадлежности, книги, свитки – вот тебе еще и список.

Я судорожно распахивала по карманам все, что Кейман выдавал. К деньгам и свернутому вчетверо листку добавился светло-голубой кристалл на длинном черном шнурке.

– А это чтобы понимать, что тебе говорят, и самой не нести тарабарщину. Но постарайся выучить язык как можно скорее. Я не стану делать для тебя второй кулон, а этот проработает пару семестров.

– Хорошо, что касается обеспечения, вопросов у меня нет. А вот по обучению их очень много.

Мы вышли из храма, и теперь путь лежал обратно вниз. Хоть спускаться по этой бесконечной лестнице и было в разы проще, чем подниматься, меня не покидала мысль, что если я сейчас оступлюсь, то полечу кубарем. А Кейман даже не подумает меня ловить. Даже подпихнет, наверное.

– Я отвечу на некоторые, – Крост особенно подчеркнул последнее слово, – один раз. Потом ты сама по себе. До тех пор, пока меня не вызовут для какого-нибудь разбирательства. Слушаю.

Я задумалась. С чего бы начать? Самый очевидный вопрос, который приходит на ум, это почему же Кейман воспылал ко мне такой лютой ненавистью. Но его я уже задавала, и хоть не получила никакого вменяемого ответа, Кейман более чем красноречиво дал понять, что не моего это ума дело.

Хорошо, пойдем самым простым путем и по порядку.

– Когда вы пришли в гостиницу, вы проверили, не беру ли я деньги за ночь. Зачем? Это что-то бы изменило?

– Да. Я бы тебя трахнул.

Я подавилась холодным воздухом и впрямь чуть не полетела носом вперед.

– Немного не улавливаю логику этого...

– Я думал, – прервал меня Кейман, – вопросы будут об учебе. О школе, о твоих задачах, о перспективах. Не находишь, что гораздо важнее получить эти ответы?

– Что за темная магия? Что за Школа темных? Что за специальное учреждение, куда меня отправят, если я не сдам хорошо экзамены? Как я буду учиться по книгам с

дислексией?

- Что? - Кейман остановился. - Дислексия?

- Это...

- Я знаю, что это. Ты ею страдаешь?

- И дисграфией.

- Это все осложняет. В нашем мире не лечат ваши болезни. Твои шансы на закрытую школу возрастают.

- Что это?

- Место, куда отправляют магов, не способных держать силу в узде. Когда ребенок впервые проявляет способность к магии, его отдают в пансион, где учат основам и контролю над силами. Потом он идет в одну из Высших Школ, сразу после инициации. А если магию контролировать не удастся, его запирают в закрытом учреждении. Где за три года фактически обнуляют магический потенциал.

Мы остановились, чтобы пропустить вереницу экипажей с огненными собаками в упряжках.

- Магического запаса мага средней руки может хватить на сотню-другую лет. У сильных магов он втрое выше. Поверь, исчерпать его за три года... из закрытых школ выходят овощи, не способные завязать шнурки. В твоих интересах хорошо учиться.

Я поехала и отвела взгляд. Браваду как рукой сняло, больше не хотелось язвить или шутить. Хотелось закричать и сбежать обратно в свой мир, где никто не требовал с меня невозможного. Где можно было отработать смену, вернуться домой и валяться на постели, слушая музыку.

Мне будет не хватать здесь именно ее. Музыка, которая создавала вокруг меня огромный мир, стоило только надеть наушники.

- А Школа темных?

- Последняя стадия перед приговором. Основана темными магами, частное заведение, куда попадают маги с огромным даром. И огромными деньгами. Богатство в нашем мире прочно завязано на магии. Если человек богат, то, вероятнее всего, и силен. А богачи не готовы отдавать своих детей на пытки. Поэтому они платят нам, чтобы мы держали опасную магию в стенах школы. А еще у нас единственный в королевстве факультет темной магии. Сейчас на нем учится двадцать пять человек.

- А если у родителей ребенка нет возможности оплатить вашу школу?

- Изредка мы берем очень талантливых, и они учатся по стипендии. Но их процент мал. Ну а темных магов берем всех, но они встречаются крайне редко.

- Так в чем заключается моя магия? Стихии понять могу. Вот огонь, вот вода. Фаерболы и ледяные струи.

- Темная магия потому и называется темной, что никто не знает, какие способности проявятся у человека, ею обладающего.

- А я думала, вы научите меня упокаивать нежить или кастовать гигантских мерзких пауков.

- Я научу тебя одной вещи: слушаться моих указаний. Сейчас кое-что покажу, а потом можешь идти гулять и покупать вещи к школе. Мы отправимся в нее завтра в обед.

Ориентирование на местности никогда не было моей сильной стороной, но даже такой топографический кретин, как я, понял бы, что мы удалялись от центра. Изящная архитектура постепенно сменялась более практичными каменными одно- и двухэтажными постройками. Если весь центр был в ярких вывесках и магических штуках, то здесь царили серость и уныние.

Во дворах было очень сыро. Сыростью веяло из каждого тупика, из каждого переулка. В каждом из двориков сушилось белье, там же играли дети. Но не отсутствие лоска и грязь поразили меня. В конце концов, так почти везде: богемный и лоснящийся центр и унылые окраины. Немного удивило другое.

– Они не используют магию? – спросила у Кеймана, когда увидела, как женщина, одной рукой держась за поясицу, вешает на веревку простыню.

Там, где мы жили, с помощью магии решали даже такую проблему как поиск носового платка в кармане. Почему не использовать силу для по-настоящему тяжелых работ?

– Посмотри на ее руку, – сказал мужчина.

Приглядевшись, я рассмотрела на руке женщины браслет, очень похожий на тот, что болтался на руке Кеймана. Только если браслет моего опекуна был весь унизан бусинами, то у женщины этих бусин было всего две.

– Что это значит?

– Это значит, что у всех этих людей нет денег на магию. Нет возможности осушить подвалы домов. Нет возможности избавиться от крыс и тараканов. Нет никаких шансов высушить белье, не напрягая спину. Многие из них работают по четырнадцать часов, чтобы потом сделать нелегкий выбор: купить еды или магии.

– Магия платная?!

Когда я сидела в бассейне, голая, перед членами комиссии и ждала приговора, я думала, что ничем уже этот мир не способен меня удивить, но сейчас Кейман в очередной раз выбил землю из-под ног.

– Да. Мы носим браслеты не потому, что это красиво. Каждая бусина – крупца магии, которую можно использовать один раз.

– А как же студенты? Дети?

– Есть стипендии. – Кейман пожал плечами. – Школа выдает месячный запас крупц, если адепт истратил все раньше срока – ему придется покупать их за свой счет.

– А если купить не смог?

Ответом мне стал красноречивый взгляд.

Значит, как в нашем мире ценность цветным бумажкам, именуемым деньгами, придает золото, так и здесь за деньгами стоит магия.

Мы развернулись в обратную сторону, но прогулка произвела неизгладимое впечатление. Шла, вспоминала, как с балкона восхищалась водными птицами и огненными цветами в прическах дорого одетых девушек. Одновременно в городе какая-нибудь тусовщица наколдывала себе белоснежную улыбку, а бедная гувернантка мучительно решала, что же купить на заработанные крохи.

– Кто получает прибыль с продажи крупц? Государство?

– И оно в том числе, только посредством налогов, которые платят несколько самых могущественных семей. Огонь принадлежит ди Файрам, вода Уотерторнам, ну и так далее. Именно в их актив идет доход от продажи крупц.

– Прогрессивное и справедливое общество, – вздохнула я. – Ну и кто контролирует темную магию?

– Никто, – пожал плечами Кейман. – Ее невозможно обуздать. Можно только сдерживать. Однако получение крупц темной магии все равно контролируется, пусть и королевским двором. И тебе предстоит распорядиться ими умело. А мне – сделать что-то с твоей дислексией, иначе ты даже не найдешь школьную столовую.

Я с сомнением взглянула на Кеймана. Он этот взгляд, конечно, заметил.

– Что?

– Не знаю. Так странно слышать от вас обещание помочь. Я думала, вы меня ненавидите.

– Мои эмоции несколько сложнее, чем простейшие составляющие. В восемнадцать, возможно, существует только ненависть и любовь. В тридцать с хвостиком оттенков куда больше.

– Насколько большим хвостиком? – живо заинтересовалась я.

Кейман как-то странно покосился в мою сторону, и двусмысленность вопроса дошла не сразу.

– Нормальный хвостик, – так забавно, немного обиженно, пробурчал он, что мне даже стало легче. Образ стал человечнее.

Вернувшись в центр города, мы остановились в начале той улочки, где накануне выбирали наряды. Мне показалось, что вчера было что-то типа выходного, потому что сейчас улицы не кишели людьми, и можно было спокойно пройти вдоль лавочек и витрин, рассматривая композиции. Втайне я надеялась, что мы завернем в торговые ряды – просто поглазеть, окунуться в атмосферу и быт нового мира. И сбить накатившую после прогулки по бедным кварталам тоску.

Но все оказалось куда интереснее.

– Список не потеряла? Деньги? – сухо и отрывисто поинтересовался Кейман. – Хорошо. Иди в книжную лавку, отдашь список и заплатишь, сколько попросят. Потом можешь где-нибудь пообедать. Вернись в гостиницу не позже пяти вечера.

От удивления я открыла рот. Еще примешивался легкий страх перед самостоятельным походом по магазинам. И хоть демонстрировать страх перед Кейманом было смерти подобно, я все же не выдержала:

– А как я пойму, что это нужная книжная лавка?

– Она там одна. Не пропустишь.

– А если меня обманут?

– Если отдашь список – не обманут.

– А...

Пока выбирала, какой вопрос задать следующим, Кейман просто развернулся и мгновенно растворился в толпе. Сколько я так стояла в полной растерянности, не знаю. В голове образовался настоящий хаос из панических мыслей. А если я что-то не пойму? А если не найду гостиницу? Я ведь даже не знаю ее названия.

Надо купить карту, хотя вряд ли она сильно мне поможет.

И вдруг меня осенило: экипажи! Наверное, я смогу нанять один из магических экипажей, чтобы добраться до гостиницы. А объяснить, как она выглядит и что находится рядом, не составит труда.

Немного повеселев, я медленно побрела по улице, стараясь не слишком привлекать к себе внимание. Но мое любопытство все равно бросалось в глаза: некоторые словно чуяли во мне иномирянку и провожали подозрительными взглядами.

Мне жутко хотелось как следует здесь развлечься. Попробовать мороженое, что продавали в небольших ярких лоточках. Побродить по салону хрусталя, полюбоваться на причудливые ювелирные украшения. Но сначала надо было выполнить задание Кеймана и закупиться канцеляркой для учебы. О том, что все это богатство придется как-то тащить, я в этот момент не думала.

Кейман оказался прав: мимо книжной лавки было сложно пройти, ибо само здание имело вид старинного книжного корешка. Я зачарованно уставилась на это произведение архитектурного искусства. Позолота кое-где потерлась, и мне стало

интересно: это время так потрепало магазинчик или местный дизайнер придал ему винтажный шик?

Нерешительно я толкнула тяжелую дверь. Звякнул колокольчик, известив о посетителе. В нос ударил приятный запах книг и каких-то ненавязчивых благовоний.

Никогда еще не видела такого книжного магазина! От полок и корешков на них в прямом смысле кружилась голова. Всюду, куда падал взгляд, стояли стеллажи, сундуки и столики. По правую руку от входа в огромной коробке валялись сотни карандашей, а чуть поодаль на изящной подставке высилась стопка блокнотов с мерцающими обложками. Винтовая лестница в центре зала уводила на второй этаж, но что продается там, я не рассмотрела.

– Могу я вам помочь? – из недр магазинчика раздался голос.

– Э... да, у меня есть список, нужно все, что в нем.

Из-за ближайшего стеллажа вышел полноватый и добродушный на вид мужчина. Его пышные, уже начинающие седесть усы забавно завивались у кончиков. Он натянул очки и внимательно просмотрел мой список.

– Ага... гм... хм... да... конечно. Интересный выбор...

Когда дошел до конца, удивленно вскинул брови.

– О, магистр Крост... что ж, прошу вас, леди, сейчас все подберем. Отправляетесь в школу, да?

Он воровато огляделся и шепотом добавил:

– Как я понял, в Школу темных?

– А это секрет?

– О, нет-нет, просто я подумал, что вам не нужно лишнее внимание других посетителей.

Я не стала спорить, хотя не видела в магазинчике ровным счетом никого. Мужчина оставил меня у прилавка и начал носиться по лавке с такой скоростью, что я не успевала за ним следить. Медленно, но верно гора всякой всячины на прилавке передо мной росла.

Книг оказалось не так много, всего пять штук. К ним добавилось пять блокнотов с твердой обложкой, упаковка тонких свитков из светло-кремовой бумаги. Горка карандашей, перья и чернильницы, какие-то карты, внешне похожие на карты звездного неба, атласы, свертки с неизвестным содержимым и, как вишенка на торте, черный кожаный браслет для крупиц, которых пока у меня не было.

Браслет я надела сразу же, а вот с остальным вышла проблема.

– Желаете, чтобы я доставил покупки домой? – спросил продавец.

Я залилась краской и призналась, что понятия не имею, как называется гостиница, в которой мы с Кейманом остановились.

– О, я думаю, смогу вам помочь, – просиял мужчина. – Пожалуйста, подождите меня здесь. Наш сосед, аптекарь, наверняка знает, где остановился магистр Крост. Я нарисую для вас карту, чтобы на обратном пути вы не заблудились.

Меня очень тронула его искренняя забота. А уж когда я поняла, что не придется блуждать по городу и потом сгорать от стыда перед Кейманом, то и вовсе ощутила, как с души свалился камень. Повеселев, я рассматривала покупки.

И тут звякнул колокольчик.

Он звякнул как-то тревожно, я сразу поняла, что это мелодичное «динь-динь» не сулит мне ничего хорошего. Обернувшись, я увидела парня. Он был моего возраста, а может, чуть постарше. И почему-то при взгляде на него сразу становилось понятно: это не

посыльный и не бедный студент. Не столько по одежде – на нем были простая черная куртка, похожая на мою, и черные же штаны, – сколько по взгляду и осанке. Светлые волосы были по-пижонски зачесаны назад.

Я поспешно отвернулась, пока он не заметил мое внимание. Но увы.

– Эй, ты, – крикнул он. – Дай мне «Теорию темных» для третьего курса.

Значит, старше.

– Извините, но я здесь не работаю, – миролюбиво ответила я.

– А здесь вообще кто-то работает?

Он подошел к прилавку и настойчиво позвонил в звонок. Потом еще и еще. Когда мне надоело слушать истеричную трель, я не выдержала:

– Он вышел. Скоро вернется.

– Я разве спросил, где он и когда вернется? – с холодным удивлением поинтересовался блондин.

– А я разве спрашивала твоего разрешения, чтобы об этом сообщить?

Ну, вот и познакомились. Зуб даю, это внебрачный сын Кеймана.

Проницательный и не очень хорошо воспитанный «вьюноша» просек, что я не здешняя, почти сразу. Смерил меня презрительно-холодным взглядом и сквозь зубы процедил:

– Однажды иномирным все же закроют сюда дорогу.

– Но я-то уже тут.

Пожалуй, стоило помолчать. Представляю лицо Кеймана, если он узнает, что я повздорила с каким-то местным мажорчиком. Но с другой стороны – а как он узнает? Не побежит же блондинчик жаловаться. Главное, не довести дело до драки: фингал под глазом однозначно будет замечен.

На всякий случай я умолкла и отвернулась. Не знаю, хотел ли парень мне что-нибудь ответить: звякнул колокольчик и вернулся продавец.

– Ну вот, леди, я же говорил! Уж кому-кому, а главному сплетнику города известно, где остановился магистр...

Он вдруг умолк, завидев парня, и как-то подобрался. С полного лица исчезла краска, а руки, сжимающие листок, слегка задрожали.

– Лорд ди Файр... – пролепетал он. – Какая честь. Чем могу помочь?

– Для начала выставите отсюда это, – кивнул на меня. – А затем поговорим. У меня важное дело.

Виновато и немного испуганно продавец посмотрел мне в глаза. Весь его вид так и говорил о том, как бы он был рад за меня заступиться, но совсем, совсем не может! Я равнодушно пожала плечами. Главное, что задание Кеймана выполнено и покупки доставят в гостиницу.

– Ваша карта, – пролепетал продавец.

Конечно, где, как не в книжной лавке, разжиться картой города. Выйдя на улицу, я долго изучала причудливую сеть улочек, переулков и тупиков. Мне даже поставили на карте две точки: одну у книжного магазина, а вторую у гостиницы.

Уже через пять минут адски заболела голова. Прыгающие буквы, пусть я и не вчитывалась в текст, а старалась просто рассматривать схему, стояли перед глазами все время, что я шла до какой-то кафешки. Но все же первый самостоятельный выход в мир оказался не таким уж страшным.

Плюс: я разжилась канцелярией, выполнила задание Кеймана, вкусно обедаю и с легкостью найду обратную дорогу.

Минус: я поскандалила с какой-то деловой колбасой и колбаса эта меня явно запомнила.

У горничных есть строгое правило: ни в коем случае не скандалить с клиентом. Даже если он требует невозможного. Даже если только что обозвал тебя толстым чмом или ущипнул за задницу. Все конфликты решаются через администратора, и в большинстве случаев это решение сводится к комплименту для гостя и замене горничной. Правда, стоит отдать должное нашим девчонкам: если какой-то особо ретивый постоялец позволял себе слишком много, молоденькую горничную меняли на какую-нибудь очень опытную и очень пожилую, из тех, при которых не забалуешь, даже если ты крутой бизнесмен. Хотя некоторые все равно умудрялись.

Но вот за пределами отеля я редко молчала в ответ на издевки или приставания. Однажды это точно принесет кучу проблем.

После обеда я неспешно, с удовольствием рассматривая уютные улочки и с интересом – проявления магии, брела к гостинице. Экипаж решила не нанимать, чтобы осмотреть город не мельком, а обстоятельно и в одиночестве. Наедине с собой куда комфортнее, чем с Кейманом Кростом.

Который, к слову, ждал в холле гостиницы, когда я вернулась.

– Думал, ты потерялась. Даже, я бы сказал, надеялся.

Мрачное настроение вернулось к опекуну.

– Сделала все?

– Да. Покупки должны доставить сюда.

– Хорошо. Иди в комнату, приведи себя в порядок. Мы идем ужинать с моим другом.

– С другом?

Миллион вопросов тут же возник в голове.

– Что за друг?

– Просто приятель со студенческих времен.

– И зачем на вашей встрече я?

– Слухи быстро разносятся. Он услышал о том, что у меня появилась подопечная, и жаждет на тебя взглянуть.

– Это так необычно? Что у вас появилась подопечная?

– Да, обычно я не вожусь с малограмотными недوماгами. Как бы то ни было, Сайлеру интересно, так что будь мила и немногословна. Дружба с ним тебе пригодится, он вхож во многие дома.

Все это время мы шли к лестнице, не сговариваясь проигнорировав лифт. Там как раз слышались какие-то разборки двух полнотелых дам в мехах и перьях. Кажется, они не поделили очередность.

– А что мне надеть?

– Удиви меня, – хмыкнул Кейман.

Удивить? Наверное, если я оденусь безвкусно и смешно, он совсем не удивится. Этого и ждет, всем видом демонстрируя снисходительное раздражение. Значит, надо одеться хорошо. Только как? Вряд ли в кипе купленной одежды были глупые наряды, но все же я могу не знать многих нюансов и нарядиться, например, на ужин в платье для верховой езды. Если такое вообще существует.

- Сколько у меня времени? - спросила я, прежде чем отправиться в комнату.

- Часа четыре. Я за тобой зайду.

Четыре часа - это время, за четыре часа можно разработать стратегию. Моя была проста: стоять на балконе и рассматривать, в чем ходит народ. В обеденный час на улице было не так много дам в платьях, но все же рядом с гостиницей находились и рестораны, и лавки, так что кое-какое представление я получила.

Потом занялась пересмотром платьев, попутно вспоминая, во что были одеты дамы, встреченные в вестибюле. Хорошо, что мне не выдали перьев и шляп, с их сочетанием я бы точно не разобралась. Зато среди всех покупок было простое, но очень приятное длинное черное платье. Никаких стразов, никаких лент, только тонкая строчка из тончайшей серебристой нити по краям рукавов и выреза. Платье подчеркивало грудь, облегало талию и расходилось книзу. С ним особенно хорошо получилась коса. У меня не было никакой косметики, так что я собралась намного раньше, чем рассчитывала. И все оставшееся до прихода Кеймана время нервно постукивала костяшками пальцев по столешнице.

Не день, а средоточие стрессов.

Наконец дверь комнаты без предупреждения открылась. На заметку: ночью надо будет прислонить к ручке стул. Вдруг магистр Крост снова изволит бухать?

- Черное? - немного удивленно спросил он после того, как внимательно и неторопливо меня рассмотрел. - Почему именно черное?

- Это неуместно за ужином?

- Уместно. Просто обычно девушки вне школы стараются носить яркие цвета. Школьная форма надоедает.

- Ну, я-то еще ее не носила, - резонно напомнила.

Кейман задумчиво кивнул, и мне показалось, что про форму он это так, отмазался. А истинная причина его удивления в чем-то другом. Мы спустились на лифте вниз, и я все гадала, что ждет меня за ужином. Всеобщий гогот, потому что я нарядилась, как дурочка? Мое фото на стенде «Модные провалы года»?

Но в холле ждал всего лишь мужчина. Обычный, средних лет, слегка сутулый, с цепким и пронизательным взглядом. На нем был серый костюм, ничем не примечательный и полностью лишенный украшений - будто в противовес окружающим. С наступлением вечера в гостиницу потянулись благоухающие дамы в шикарных нарядах и более сдержанные, но не менее важные мужчины. В этом плане быт нового мира почти не отличался от нашего.

- Сайлер. - Кейман пожал руку приятелю. - Это Деллин. Деллин - Сайлер, мой давний друг.

Мужчина склонился и галантно поцеловал мне руку. Хотя нет... сначала он с полминуты всматривался в мое лицо, потом его пальцы дрогнули, словно он чудом подавил порыв меня коснуться.

- Это... она прямо... то есть ну вот такая, да?

- Да. - Кейман усмехнулся. - Она такая.

- И...

- Да, Сайлер, именно.

Я непонимающе переводила взгляд с одного на другого. Сайлер тут же поспешил объяснить:

- Простите, Деллин, я ни разу еще не встречал иномирян. Извините мои любопытство и бестактность.

Странный ужин, и странный вечер. Хотя нормальных в моей жизни не было, не считать же походами в ресторан посиделки в «Маке» или многочисленных недорогих кофейнях. Но я смотрела много фильмов и усвоила одно важное правило: если не знаешь, как себя вести, изображай скромницу и поглядывай на других. Наверное, при взгляде на меня сложно было представить, что еще в обед я самым натуральным образом поругалась с каким-то мажором в книжной лавке.

Кейман отчего-то веселился. Изредка его губы кривила усмешка. И если при взгляде на меня в его глазах загоралось нечто похожее на настороженность, то при виде Сайлера мой опекун откровенно получал удовольствие.

– Деллин, а вот скажите, это правда, что в вашем мире ездят железные экипажи, которые вы называете машинами?

– Да, у нас есть небольшие машины, которые ездят по земле, большой транспорт, человек на пятьдесят, который ездит по определенным маршрутам, а еще машины летают в воздухе или плавают по морю.

За подобное объяснение на Земле меня бы подняли на смех и сделали звездой Ютуба, но неоспоримый плюс того, что ты иномирянка, в возможности нести полную чушь и быть уверенной, что за нее тебя не засмеют.

– Поразительный мир! – восхищался Сайлер. – Взглянуть бы хоть одним глазком. Но Кейман упорно отказывается меня брать с собой.

– Почему? – спросила я.

– Ну а ты представь, что будет в вашем мире с восторженным идиотом, который не знает ни законов, ни правил дорожного движения, – ответил Кейман. – Ему-то опекуна не выдадут.

– Да, чтобы получить санкцию на переход, нужно изучить хоть немного ваш мир. По пустякам туда не бегают, каждый переход – это серьезный риск.

Официант забрал у меня пустую тарелку и вместо нее поставил небольшую креманку с десертом. Под аппетитной и умопомрачительно пахнущей карамелью золотистой корочкой я обнаружила нежный прохладный крем с кусочками чего-то хрустящего и освежающего. Почему-то десерт принесли только мне, словно я была ребенком на взрослом празднике: мужчины ограничились стаканами с красноватым напитком.

– И зачем же рисковать жизнью ради того, чтобы привезти сюда меня?

Сайлер вдруг наклонился ко мне и ободряюще погладил по руке.

– Ваше место здесь, Деллин. Как бы то ни было, вы из нашего мира, и пришло время сюда вернуться.

Десерт встал комом в горле, пришлось сделать несколько глотков из чашки с чаем. Мужчины завели неспешную беседу вполголоса, суть которой от меня ускользала. Появилось время перевести дух и насладиться завершением ужина.

Уже завтра меня ждала новая жизнь в школе. Не думала, что снова испытаю мерзкое чувство ожидания нового коллектива. Пока что причин верить в теплый прием просто не было. Хотя из всех встреченных мной людей непонятная агрессия исходила лишь от Кеймана да от блондинчика в книжном. Но что-то подсказывало, что именно с такими типами мне и предстоит учиться.

По мере того, как вечер вступал в свои права и зал ресторана наполнялся людьми, атмосфера незаметно изменялась. Свет стал тусклее, пространство в центре наполнилось танцующими парами.

– Господа, – Сайлер вдруг вытащил из кармана небольшие бронзовые часы и нахмурился, – боюсь, я вынужден вас покинуть. Деллин, очень жаль, что не успел пригласить вас на танец. Но, думаю, возможность еще представится. Помните, что вы можете ко мне обратиться, если что-то понадобится.

Он подмигнул, пожал на прощание руку Кеймана – и был таков. Я только удивленно моргала.

– Кто он?

– Так, – Кейман пожал плечами, – работает в мэрии. Издержки должности: могут вызвать в любой момент. А ты интересная девица, Деллин. Заиметь поклонника в руководстве города... Идем.

Я с готовностью поднялась: общество Кеймана слегка пугало. Сейчас вернусь в комнату и постараюсь поспать перед дорогой, потому что вряд ли такая возможность представится скоро. На стресс новой школы я навернякаотреагирую бессонницей.

Но Кейман, к моему удивлению, повел меня не к выходу, а...

– Я не умею! – почти в истерике прошептала я, поняв, что он тащит меня танцевать.

– Это ресторан, а не балльный вечер, здесь не надо ничего уметь.

На мой взгляд, он находился слишком близко. Свежие воспоминания о том, как рука Кеймана сжимала мое горло, были настолько яркими, что я поежилась и почти наяву ощутила нехватку воздуха.

– Ну? Что скажешь? Напугал тебя Сайлер?

Кейман смотрел с усмешкой, будто подталкивая меня к честному ответу. Больше всего на свете я хотела пробормотать дежурное «все в порядке, спасибо»! Но вместо этого выпалила правду:

– Вы оба лжете.

– Что? – В показное удивление на его лице я не поверила.

– Сайлер лжет о том, что никогда не видел иномирян. Вы лжете обо всем остальном. Может, вы и правы были, когда сказали, что помимо любви и ненависти есть еще другие оттенки эмоций. Но чем сложнее эмоция, тем сложнее причина, которая ее вызывает. Я, может, в ваших глазах и дура, но задержки в развитии у меня нет. И у вас, и у Сайлера во взгляде... как будто чужая история. Я предполагаю, что она связана с моей матерью.

– Почему не с отцом?

– Не знаю. – Я задумалась.

Потом, через минуту, более-менее внятно сформулировала:

– Потому что так повелось. Сыновья отвечают за отцов, а дочери – за матерей. Сына ненавидят, если предал отец. Дочь – если мать.

– Интересная теория.

Кейман замолчал. Долгие мгновения я слушала тягучую мелодию и ждала, что он скажет что-то еще, но, похоже, сегодня опекун не был настроен отвечать на неудобные вопросы. Но и меня уже несло, зря за ужином мне налили четверть бокала вина.

– Сначала я подумала, что вы мой отец. Я всегда ждала чего-то... его появления в самый неподходящий момент.

– И что тебя заставило передумать?

– Мы не похожи. – Я пожала плечами. – У вас яркая внешность, она наверняка бы нашла отражение в ваших детях. Я совсем не похожа на маму, значит, пошла в отца.

– Логика железная. И когда эта славная мысль пришла тебе в голову?

– После испытания. Мне сказали, что я тоже темный маг, и я присмотрелась к вам повнимательнее.

– То есть то, что я предлагал тебе денег за ночь, тебя не смутило, а отсутствие одинаковых родинок – вполне. Интересного ты обо мне мнения.

А какого я должна быть о нем мнения? Может, в мире Кеймана Кроста и было принято вечно кланяться благодетелю только за одну возможность попасть в Школу темных, в моем мире юношеский максимализм накладывался на девичью гордость, и получался... бум. Взрыв гормонов, невроз и фотография Кеймана, истыканная дротиками, на стене.

– Вы придуривались. Вам хотелось меня задеть. Это предложение было провокацией.

Кейман рассмеялся так громко, что парочка рядом с нами укоризненно покосилась.

– Вот как. Провокация. Ладно, идем.

– Куда? – Я моргнула.

– Ко мне.

– Что?

– Ты слишком часто задаешь идиотские вопросы. Завтра ты превратишься в студентку, которую нельзя раскладывать после томного ужина.

Он с легкостью перехватил мою руку.

– Тихо-тихо, гордая нашлась. Не хватало мне еще публичных скандалов.

– Какой же вы... хам.

– Ух, слова-то какие. Деллин, Деллин, однажды и ты повзрослеешь настолько, что предложение пойти и заняться сексом без обязательств будет вызывать у тебя только положительные эмоции.

– Я надеюсь, меня прикончат раньше, чем я дойду до той стадии, когда положительные эмоции у меня начнут вызывать вы.

– Не научишься держать язык за зубами, – Кейман аккуратно поправил выбившуюся из моей косы прядку, – это случится раньше, чем ты думаешь. Ладно, не хочешь развлекаться, значит, я иду спать. Завтра на рассвете мы выезжаем. Только учти, Шторм, в академии комнаты руководства в закрытом крыле. У тебя последний шанс.

А вот теперь он откровенно издевался.

– Я кину в вас туфлей, – беззлобно пригрозила, чувствуя, что начинает болеть голова.

В комнату поднималась одна, в полной тишине, нарушаемой лишь слабым скрежетом лифта. Прежде чем принять ванну и отключиться, на минутку вышла на балкон, чтобы вдохнуть ночной воздух, поднять голову и посмотреть на диковинные спутники нового мира.

Крост. Таара. Акорион.

Хоть кто-нибудь из них возьмет меня под крыло?..

Глава 3

– Ты в курсе, что у тебя один глаз закрыт? – хмыкнул Кейман, едва карета тронулась с места.

Я только мрачно покосилась открытым глазом в сторону опекуна. Мне не помогли ни свежий воздух, ни расслабляющая ванна. От волнения перед отправкой в школу колотило. Почти всю ночь я валялась на постели, рассматривая покупки и укладывая их в заранее принесенный сундук. Отрубилась только под утро, а уже через два часа, без суда, следствия и завтрака, Кейман вытащил меня из постели, дал десять минут на сборы, и очнулась я уже в экипаже. Сонная и нервная.

– Почему так рано? – спросила я, отчаянно пытаюсь не свернуть челюсть во время зевания.

– У меня есть работа. Иногда она требует моего присутствия. Так даже лучше, приедешь в школу до завтрака, разберешься.

– Вы сегодня удивительно заботливы.

– Миледи хочет кофейку?

– Да! – оживилась я.

– И мне заодно сделай.

Я растерянно огляделась, потом снова посмотрела на Кеймана. Тот или и впрямь был увлечен какой-то книгой, или усиленно делал вид. Можно было спросить. Получить очередную насмешку и снисходительную подсказку. Но в кои-то веки я решила проявить инициативу. Если сломаю им какой-нибудь ящик – сами виноваты, указатели надо вешать.

Под моей скамейкой обнаружился ящик с кучей графинов, бутылочек и флажечек. Эдакий мини-бар, только без этикеток и прайса на продукцию. Методом тыка я все же нашла графин с чем-то похожим на кофе и налила в две чашки, обнаруженные там же.

Еда здесь во многом напоминала нашу, с поправкой на технологии, конечно. Блинчики на завтрак, птица или рыба на обед, морепродукты (не всегда знакомые, но однозначно вкусные) на ужин, и так далее. Во Флеймгорде любили ягоды. Их здесь подавали ко всему: к завтраку, в виде варенья или в небольших пиалках, к чаю, в качестве соуса или гарнира к мясу, из ягод делали напитки и десерты. Других фруктов было меньше, и попробовать мне их не удалось. Чаи по вкусу больше походили на травяные настои, но это их совсем не портило. Кофе пах как кофе, да и на вкус мало отличался от своего земного собрата. Разве что легкий гранатовый оттенок напитка напоминал, что все же я не дома, вокруг совершенно другой мир и... мы несемся по воздуху в карете, запряженной...

– А кто нас везет?

Пришлось почти наполовину высунуться из окна, чтобы рассмотреть впечатляющего и жуткого коня, сотканного из черных глянцевых нитей. Огромные крылья ходили вверх-вниз прямо рядом с окном.

За спиной раздалась отборная ругань, и Кейман силком втащил меня за шиворот обратно в кабину.

– Жить надоело?

– Это ваши?

– Мои.

– Красивые.

– Обычные. – Он пожал плечами.

– Долго нам лететь?

– Часа четыре, если ветер попутный.

Я покосилась в окно, но определить, попутный ли был ветер, не смогла. Допила кофе, устроилась поудобнее и уставилась в потолок. Тоскливо. И скучно. Дома я бы врубил музыку в наушниках или скачала аудиокнигу. А здесь оставалось только предаваться мыслям.

– Когда окажемся в школе, – сказал Кейман, – не надейся, что я буду спонсировать твою магию. Истратишь все крупички – будешь выкручиваться сама. Искать подработку или выпрашивать у сокурсников.

– Да я даже не знаю, как их тратить, – пробурчала я.

Кейман бросил в ответ что-то вроде «это ненадолго» и снова погрузился в книгу. А я отвернулась к стене и закрыла глаза в надежде немного поспать. Казалось, это практически невозможно на узенькой и жесткой скамье, но на удивление сон сморил меня быстро. Правда я предпочла бы мучиться бессонницей, чем вновь оказаться в разрушенном и запустелом зале храма.

Ненавижу такие сны. Когда понимаешь, что вокруг ровным счетом ничего реального, но выбраться не выходит. Растерянно бродишь по залу, слушая эхо собственных шагов.

Порыв ветра сбил дыхание. Ночь сегодня разительнo отличалась от прошлой. Ветреная, холодная, с редкими снежинками. Ветер проникал через разбитые окна и вволю резвился в пустом зале. В поисках укрытия я обнаружила небольшую дверь. В нее мы входили с Кейманом, когда спешили на инициацию. В нее я и юркнула, спасаясь от холода.

Храм и в реальности меня несколько испугал, а во сне, когда все вокруг сделалось еще мрачнее, и вовсе привел в ужас. Сначала я хотела сидеть у двери, не сделав ни шагу во тьму, но затем, ведомая странным чувством, смесью любопытства и злости, сбегала вниз по лестнице и толкнула уже знакомую дверь в зал, где Совет Магов решал мою судьбу.

Сейчас, правда, эта комната выглядела иначе. И вместо бассейна с чернеющей водой посреди зала стоял саркофаг.

Если верить Кейману, я родилась в этом мире, а значит, терпения и благоразумия мне недодали здешние боги. Вряд ли кому-то в голову могло прийти рассматривать жуткий саркофаг в заброшенном полуразрушенном храме. Но я, словно зачарованная, вела ладонью по неизвестным символам, изящным вензелям и странным рисункам, смахивая пыль с поверхности саркофага.

А потом толкнула крышку. Ожидала увидеть внутри что угодно: оживший труп, скелет, гору драгоценностей. Но моему взору открылась лишь тьма. Бесконечная, бездонная, плотная тьма, в которой ничего не было видно. Чем дольше я вглядывалась во тьму, тем сильнее нарастало беспокойство. И когда стук сердца почти заглушил отдаленные завывания ветра, в темноте зажглись кроваво-красные глаза.

Я подскочила на скамейке, хватая ртом воздух, и чуть не врезалась со всей дури лбом в Кеймана, который как раз склонился над полкой, чтобы достать из ящика внизу графин.

– Ты вовремя. Мы уже подлетаем, причешись. Снова снился храм?

– И саркофаг. С красными жуткими глазами в темноте.

По виду Кеймана никак нельзя было сказать, что эта информация его заинтересовала, но я все равно ловила любые намеки, изменения во взгляде, в осанке. Ничего. Может, у меня паранойя?

- Почему он мне снится?

- Я уже говорил, магия просыпается. Она принимает разные формы. Чаще всего это происходит во сне, когда сознание расслабленно.

- А этот храм... это просто фантазия? Ведь мы были в нем. Он идеален, никакого запустения и разрушений.

- Это копия, - вдруг, к моему удивлению, сказал Кейман. - Оригинальный храм был давным-давно разрушен. Вполне возможно, ты слышала об этом, когда была ребенком, а сейчас просто вспоминаешь мелкие незначительные детали.

- А глаза? Саркофаг?

- А вот это, - Кейман усмехнулся, - твои фантазии. Рекомендую попить успокоительное. А сейчас приведи себя в порядок. Ты и так иномирянка. Незачем еще больше портить впечатление о себе.

Вдалеке, среди облаков и деревьев, показались пики башен, при виде которых меня охватила дрожь. По мере того, как экипаж неся вперед, смутные очертания превращались в огромный замок. Наверное, именно так чувствовал себя Гарри Поттер, впервые направляясь в Хогвартс. Правда, с ним не было злобного опекуна, его в школу собирал добрый великан, а компанию в поезде составляли приятные ребята. А мне даже палочку не выдали. И на черном кожаном шнурке пока не болталось ни одной крупницы магии. Так что до Гарри Поттера далеко.

А вот до жертвы холодного взгляда буквально пара шагов. Если бы можно было убивать одними глазами, Кейман давно бы уже размазал меня по стенке кареты. Если в начале пути он казался пусть и язвительным, но довольно миролюбивым, то по мере приближения к школе делался все мрачнее и мрачнее. Будто до этих минут он не до конца верил, что я все же окажусь в его школе. А теперь осознал в полной мере.

Впрочем, совсем скоро Кейман Крост перестал меня интересовать. Мы садились на большое поле перед замком. Затаив дыхание, я наблюдала, как медленно открываются ворота. Крылатые черные кони мягко опустили на землю. Несколько метров вперед - и ворота за нами закрылись.

Вот я и в Школе темных.

Кейман первый ступил на землю, а затем помог вылезти мне. В нос ударил приятный запах выпечки: ближайшие к нам окна наверняка принадлежали столовой. Я посмотрела в серое, готовое к дождю небо и улыбнулась. Красиво. Как будто картинка с туристического буклета Праги или декорации к фэнтези-фильму. Только налет магии виден даже невооруженным взглядом: для фэнтези-фильма все слишком чисто, а для исторической достопримечательности слишком обжито. А еще вместо факелов, освещавших вход в замок, в держателях полыхали серебристые шары, озаряя крыльцо слабым холодным светом.

Двери замка открылись, и к нам поспешила миловидная светловолосая девушка. Я наконец-то увидела воочию форму школы: узкие черные брюки, аккуратные туфли на невысоком удобном каблучке, белая рубашка и пиджак с серебряными застёжками. Выглядело это красиво, но несколько неудобно.

- Магистр.

При виде Кеймана незнакомка сделала нечто вроде книксена: чуть присела, опустив глаза в пол. На моем лице, наверное, отразилось недоумение, потому что Кейман хмыкнул:

- Да, забыл тебе сказать о том, как надо приветствовать магистров. Сделай одолжение, научись сама.

Тут я не выдержала и демонстративно повторила движение девушки, благо ничего сложного в коротком неглубоком поклоне не было. Только при этом я скорчила такую физиономию, что Кейман закатил глаза.

- Оставляю ее вам. Если потеряете в каком-нибудь темном уголке, обращайтесь, помогу отмазаться перед директором.

В воздухе витало легкое удивление, пока мы смотрели вслед Кейману. Исходило оно от девушки.

- Меня зовут Надин, - наконец повернулась ко мне студентка. - Я - председатель общества по приему Школы темных. Идем, я тебе все покажу и помогу устроиться. Ты из другого мира, верно?

Вслед за Надин я вошла в замок. Двери за спиной мягко закрылись, окончательно отрезая от прошлой жизни.

Хоть учеба никогда не была моим любимым занятием, я не могла не признать: атмосфера старинного замка настраивала на нужный лад. Мне даже неловко было говорить в полный голос, то и дело хотелось перейти на шепот. А еще начинала болеть шея, так сильно я вертела головой, чтобы рассмотреть все-все на нашем пути.

- Очень уютно, - отметила я, когда мы поднимались по крутой лестнице на второй этаж замка.

- Да, это один из самых старых замков королевства. Когда-то он был летней резиденцией короля, но позже его величество передал замок для школы. Здесь мягкий климат без серьезных перепадов погоды. Хорошо, начнем отсюда.

Мы остановились в большом зале с множеством скамеек, кресел и диванов. На одной из стен все пространство занимал здоровенный портрет короля, а под ним располагался камин.

- Это главный зал отдыха. Здесь можно проводить перерывы между лекциями, отдыхать во время свободных часов и так далее. Обычно именно здесь назначаются все встречи. Что ты знаешь о школе?

- Ничего. Ровным счетом ничего, кроме того, что здесь работает Кейман Крост, мой... дядя.

Надин слегка сбледнула.

- Ты племянница магистра Кроста? Ого. Seriously. А факультет тебе уже сказали?

Что-то подсказывало: Надин побледнеет еще сильнее.

- Темная магия.

Девушка удивленно присвистнула.

- Да-а-а. А я-то думала, зачем для встречи новичка вытащили председателя? Племянница магистра Кроста, да еще и с темной магией... ну что ж, в нашей школе пять факультетов. Огня, воды, земли, воздуха и факультет темной магии. Мы называемся Школой темных, потому что принадлежим темным - это частное заведение. И учатся здесь сильные маги с потенциалом, который трудно контролировать. Большая часть адептов - богатенькие скоты, которым нечем заняться. Есть некоторый процент одаренных без золотых родительских гор. Как ты понимаешь, я - одна из них. Хотела посоветовать тебе участвовать в жизни школы и зарабатывать авторитет - это единственный способ выжить здесь, но раз в твоей родне затесался Кейман Крост...

- О, - поспешила я ее успокоить, - Кейман строго предупредил, что не собирается спонсировать мои капризы. Так что я с вами, ребята.

Мы дружно рассмеялись. Но от меня не укрылось, как расслабилась после этих слов Надин.

- Видишь три двери? Одна ведет в учебную часть, на ней нарисован свиток. Там - классы, лаборатории. Вторая ведет в спортивный корпус, я тебе его покажу. А третья - жилая часть. Общежитие, классы для самостоятельной работы и столовая. Сначала идем туда.

Вдоль длинного коридора теснились кучи дверок. Надин привела меня к одной, под номером девятнадцать, и решительно ее толкнула. Я ожидала увидеть классическую общажную комнату человек на шесть, но, к собственному удивлению, очутилась в крохотной каморке. На самом деле крохотной, она вмещала в себя шкаф, утопленный в нише в стене, небольшой столик со стулом, кровать на втором ярусе над ними и книжную полку на подоконнике.

– Ого, отдельная комната. Это потому что я – племянница Кеймана?

– Нет, это потому что нельзя селить магов с большим потенциалом вместе. Любой конфликт может обернуться локальными разрушениями. Магистры считают, что у нас должно быть личное пространство. Поэтому комната маленькая, но зато отдельная. Душ и туалет в конце коридора, увидишь латунную фигурку девушки. Рекомендую принимать душ рано утром: мало кто хочет вставать пораньше. Пустота и тишина.

Послышались шаги, и двое мужчин, протиснувшись мимо нас, занесли в комнату сундук с моими вещами.

– Идем дальше, времени не очень много.

– А где все? – спросила я.

– На тренировках и занятиях. Официально учеба еще не началась, но празднующиеся маги слишком опасны, так что всех с первого дня как следует нагружают. Тебе уже сделали расписание, с завтрашнего дня приступишь.

Следующей остановкой на нашем пути стала столовая. Большие двустворчатые двери с витражами сложно было пропустить, вход в столовую оказался в самом начале жилого корпуса. Я насчитала пять с лишним десятков небольших столиков, каждый из них был рассчитан на четверых. Больше всего меня поразило: стеклянный, увитый какими-то интересными серо-голубыми цветами. Должно быть, обедать здесь и впрямь приятно. Понятия не имею, как выглядят частные школы на Земле, но Школа темных определенно стоит своих денег, сколько бы ни стоило здесь обучение.

Надин подвела меня к небольшому стеллажу с кучей полок. На каждой полке стояли черные таблички с именами.

– Здесь все очень сложно, но это традиция школы. Каждый адепт может выбрать себе соседей по столу. Выбор разрешается делать раз в год, осенью. Ты ставишь таблички со своим именем в ячейки тех, с кем бы хотела сидеть, а они потом либо выбрасывают твою табличку, либо принимают твоё предложение.

– Но я же никого не знаю, – осторожно напомнила.

– Именно поэтому изначально твои таблички поставили в пустую ячейку, соответствующую девятнадцатому столу. Если кто-то захочет подсесть к тебе, то попросится. Если ты с кем-то подружишься, то тоже сможешь это сделать. Решение нужно принять в течение недели.

– Надо было взять блокнот и все это записывать.

Или зарисовывать, с письмом у меня тоже не все гладко.

– Ты быстро разберешься. Это затягивает. Традиции, правила, расписание. Здесь не просто учатся, здесь живут.

Мы снова вернулись в холл.

– В учебную часть во время занятий заходить строго запрещено. Поэтому просто сверяйся со своим расписанием. Там указаны все номера кабинетов и время. Ну и спортивный корпус.

Надин жестом пригласила меня зайти в третью дверь.

– Помимо обязательных занятий по специальности, мы должны выбрать спорт. Это, пожалуй, единственная сфера, где огневик может плавать или воздушник – участвовать в

боях. Проводятся соревнования, конкурсы, иногда устраивают турниры между школами.

Мы вдруг очутились в красивом, но немного жутковатом переходе с панорамными окнами. Внизу виднелось идеально зеленое и гладкое поле, вдалеке – лес, а чуть поодаль бурная река.

– Да, – проследив за моим взглядом, сказала Надин, – туда ходить строго запрещено. Течение стремительное, оступишься – и можно заказывать поминальный обед. Но именно там проходят водные спуски – спорт факультета воды. Задача: на небольшой дощечке пройти полосу водных препятствий и не свалиться.

Лыжи? Или серфинг? Надо глянуть на это чудо спортивной магии вживую.

– Поле для боевок, это любимый спорт огневигов. Довольно дикий, потому что нельзя использовать магию, представляешь? Только тренировочное оружие или вообще рукопашка.

Девушка скептически фыркнула, всем видом давая понять, что не одобряет такие варварские развлечения. Ну, мне они тоже не по душе.

– Факультет земли развлекается в лесу, в поиске кладов, захвате флага и ориентировании. Ну а мы...

Переход закончился, и я первая очутилась в небольшой башенке-лаборатории. Сначала показалось, что все полки заставлены какими-то светящимися зельями. Но, приглядевшись, я вдруг поняла, что в каждой такой колбочке, окруженные разноцветным сиянием, неуловимо трепещут крошечные крылья.

– Крылогонки, – с горящими от восторга глазами пояснила Надин. – Наш спорт, воздушников. Хочешь, покажу, что это такое?

Не в силах оторвать взгляд от крыльев, я кивнула.

Надин осторожно сняла с верхней полки колбу и, встряхнув, достала оттуда крылья, а затем подкинула их в воздух. Комнату озарило мягким синим светом, девушку окутал рой сверкающих огоньков, а когда все утихло... я в изумлении открыла рот.

За спиной Надин красовались два нереально красивых, мощных и сверкающих крыла.

– Вот так это и работает. Крылогонки – соревнования между студентами школы. В скорости, изящности и так далее. Мы летаем. Мы свободны.

Она несколько раз продефилировала мимо меня, давая возможность как следует оценить красоту крыльев.

– Хорошенько подумай, в какую секцию записаться, Деллин.

А что я? Я уже подумала. Влюбилась в крылья с первого взгляда.

Мне не хотелось покидать лабораторию с крыльями. Будь моя воля, рассмотрела бы каждую колбочку! Но время не резиновое, Надин потащила меня дальше.

– Завтра запишешься, тебя всему научат. Сейчас тебе нужно получить крупицы.

Пожалуй, только это известие взволновало меня сильнее, чем увиденные крылья. Крупицы выдавали в библиотеке, и это была самая шикарная библиотека из всех! Даже я, человек, чувствующий по отношению к книгам легкую враждебность, прониклась атмосферой большого двухъярусного зала с тысячами самых разных книг. Здесь пахло старой бумагой и кофе. А еще здесь были студенты: несколько человек сидели за столами, склонившись над книгами. Тишину нарушал только скрип перьев.

Завороженно я следила, как строгий библиотекарь в забавных круглых очках нанизывает на мой браслет небольшие черные бусинки. Ровно семьдесят штук, три ряда.

– Это на весь семестр? – удивилась я.

– Да, в первом семестре первого курса не так уж и много магии, – ответила Надин. – Вас

будут учить входить в транс, одолевать эмоции и все такое. Потом квоту увеличат. Но все равно не рекомендую раскидываться магией, если нет денежной поддержки. Крупичи стоят дорого, стипендии едва хватит на половину браслета.

Мы вновь вернулись в холл. Почувствовав, что ноги гудят, я опустилась в кресло у камина. Надин села напротив.

– Есть какие-то вопросы?

– Пожалуй. – Я задумалась. – А как здесь все происходит? Ну... учебный процесс.

Было стыдно признаться, что я не училась ни в колледже, ни даже на завалящих курсах, так что имею лишь смутное представление о лекциях и семинарах.

– В школе четыре блока обучения, три промежуточные сессии и одна годовая. Осенью стартует первый блок. Он заканчивается зачетами и Балом Огня. Все адепты, успешно освоившие блок, могут посетить праздник. Дальше идет зимний блок, который завершается одним экзаменом и, соответственно, Балом Воды. Потом весенний блок с Праздником Земли. Ну и летний укороченный – блок-подготовка к годовым экзаменам, Воздушное шоу – и месяц каникул.

– Сурово.

– Только на первый взгляд. Основной принцип: не отставать. Задания сложные, но реальные, если не откладывать их на конец семестра. Накопишь долгов – считай, вылетела. А это чревато.

Надин многозначительно хмыкнула, и в памяти тут же всплыли слова Совета о специализированном заведении. Так, срочно выдайте мне список заданий, буду делать заранее!

Только как?

– У тебя в комнате есть брошюра с правилами поведения, изучи вечером. Наказания за проступки могут быть пустяковыми, вроде помывки туалета без использования магии, или серьезными, вроде отстранения от занятий. А еще ходят слухи, что магистр Крост может в прямом смысле выпороть. Но так еще никто не косячил. Да, и еще – на выходных мы можем ходить в город. Кто-то ходит развлекаться, кто-то – работать. Я, например, сижу с детьми. Ты тоже можешь что-нибудь подыскать.

– Да, это было бы здорово.

Надин взглянула на часы.

– Вынуждена тебя покинуть. Все, что знала, я рассказала. К семи подходи в столовую на ужин. Отбой в одиннадцать. В девять завтрак, в час обед. Не забудь записаться в секцию!

Последнюю фразу Надин кричала уже из дверей.

Я осталась совершенно одна в огромном холле. А когда осознала это и поняла, что вот-вот он наполнится галдящими адептами, как ужаленная подскочила и рванула в комнату. К знакомству с новым коллективом я точно не была готова. Голова кружилась от обилия информации. Или от голода?

В комнате я разобрала вещи, разложила на столе канцелярию и сделала над собой усилие, прочитав правила жизни в школе. Ничего особенного в них не было. Не драться, не портить имущество, подчиняться преподавательскому и управленческому составу, не нарушать режим и не ронять репутацию школы за ее пределами. Вряд ли я рискую нарушить хоть одно из этих правил.

Потом я быстро сбегала в ванную, чтобы умыться, и переоделась в чистое платье. Правила гласили, что я должна быть в форме лишь в учебное время, так что на ужин могу выходить хоть в гидрокостюме. Прачечная работает два дня в неделю, лекарский пункт – в спортивном крыле.

Черт, как же мне здесь нравилось! Я долго смотрела в окно, пытаюсь поверить, что все

происходит на самом деле. Школа магии, факультеты огня, храмы древних богов. Даже осточертевшая дислексия не могла испортить мне настроение. К семи часам я выдвинулась в столовую, а подойдя к стеллажу, задумчиво уставилась на свою полку: к моей табличке добавилась еще одна. Надпись на ней гласила: Аннабет Фейн.

И что мне делать с этим?

– Если не хочешь приглашать ее за свой стол, то убери. А если хочешь, то поставь вот в эту нишу, – услышала я.

Обернувшись, увидела миловидную девчонку с длинными русыми волосами. Худенькую, бледную, но довольно дружелюбную. Невольно подумалось, что пока страшилки Кеймана остались таковыми: никто из встреченных мной людей не испытывал ко мне явной неприязни на основании того, что я иномирянка.

Пожав плечами – ну хочется некой Аннабет Фейн сидеть со мной за столиком – я не против. Поэтому поставила табличку в небольшую нишу. Буквы засветились и тут же погасли.

– Вот и все! – просияла девчонка. – Теперь мы сидим вместе за девятнадцатым столиком.

– Так это ты?

– Ага. Я здесь уже неделю, а до сих пор ни с кем не познакомилась. Решила ткнуть наугад. А ты давно приехала?

– В обед. Еще не успела разобраться, как тут что происходит. Покажешь?

– Просто пойдем за стол, сама все увидишь. Тебе нужно передать на кухню, если есть непереносимость каких-то продуктов.

– Я понятия не имею, есть ли у меня непереносимость ваших продуктов. Я иномирянка.

Аннабет округлила глаза.

– Да ладно?! Иномирянка? Вот это да! Расскажи! А ты на каком факультете?

– Темной магии.

– Темная иномирянка? Я сейчас грохнусь в обморок.

– Это такой редкий случай?

– Не то слово. Практически уникальный. Обычно иномиряне или на «ты» с магией огня, или с магией земли. Я, кстати, будущий водник. А как ты сюда попала? Спонтанно провалилась в портал?

Я напрягла память. Говорил ли Кейман что-то на этот счет? Про легенду о племяннице я помню, а вот про долгий путь домой мы, кажется, не говорили. Но пока я размышляла, что из произошедшего можно описать новой знакомой, внимание всех присутствующих привлекла компания, ввалившаяся в столовую.

Челюсть отвисла сама собой, а разум в очередной раз подивился нашей общей невезучести. Во главе компашки вальяжно шел тот самый парень из книжного. За ним следовали трое бравых качков и семеняли две девицы в ультраобтягивающих платьях с корсетами. У всех на груди алели какие-то значки, с расстояния не разобрала, какие именно.

– Знаешь, кто это? – спросила я.

– Бастиан ди Файр, – со странным придыханием ответила Аннабет.

– Офигенно пояснила. Кто такой Бастиан ди Файр?

– Огненный король.

– Я начинаю понимать, почему ты за неделю ни с кем не познакомилась. Расскажи

подробнее!

- Его семье принадлежит огонь. Дом ди Файров владеет крупницами магии огня и продает их. Ни один костер не горит без их дозволения. Если у тебя нет крупницы магии огня – ты даже сигару не подожжешь.

Я все-таки не до конца поняла их систему с крупницами, но пока спрашивать не стала. Куда больше интересовала личность этого Бастиана. Интуиция подсказывала: нашу встречу он не забыл.

- Сейчас Бастиан на третьем курсе. Раньше он был просто сыном богатейшего человека в мире, а сейчас... его отец умер в конце весны. И Бастиан получил наследство, но решил закончить школу. Потому и огненный король. Наследников у старшего ди Файра больше нет, помимо Бастиана остались только жена и дочери, а женщины не наследуют магическое состояние.

- Прекрасный мир, – буркнула я. – Давайте замутим феминистическую революцию?

- Что? – не поняла Аннабет.

Еще одно не самое приятное открытие: платить надо не только за свою магию, но и за чужую. Хочешь разжечь костер? Ищи нужную крупницу. Хочешь попить воды? Расчехляй кошелек. Да они должны ходить с чемоданчиком бусин каждый!

- А откуда берутся крупницы? То есть кто закачивает магию в бусины?

Аннабет посмотрела на меня без преувеличения как на идиотку.

- Закачивает? Зачем? Бусины и есть магия. Они сделаны из чистой магической энергии, а маг только использует свои способности, чтобы преобразовать магию в нужный эффект!

- А на вид просто стекляшка, – хмыкнула я.

Даже на зуб одну крупницу попробовала. Почувствовала на себе пристальный взгляд и спешно выпрямилась. Да, это было именно то, чего я боялась: огненный король заметил мое присутствие. Правда, всего лишь одарил холодным взглядом, что внушало надежду. Вдруг магические владыки не общаются с иномирскими плебейками? Было бы круто.

Столовая наполнялась студентами. Все оживленно переговаривались, что-то обсуждали и выглядели вполне довольными жизнью. Большинство явилось на ужин в форме, так что я выделялась и неизбежно притягивала взгляды. Не знаю, сплетничали обо мне или нет. Решила не обращать внимания и просто плыть по течению.

- Расскажи мне о мире, о школе, – попросила я. – Чтобы не было новых сюрпризов.

- А... что ты хочешь узнать? Я даже не знаю, все такое привычное.

- Ну, например, как вам удастся выживать, если вся магия сосредоточена буквально в паре рук? Неужели нельзя добыть огонь трением или с помощью лупы?

- Нет, конечно, как ты добудешь его без крупницы? Каждому человеку королевство выделяет по десять крупниц каждой магии, кроме темной, на личные бытовые нужды, а все, что сверх – покупаем. Поэтому во многих домах постоянно горит огонь, а воду приходится жестко экономить. Ну и работать, конечно. В выходные я собираюсь пойти в город, чтобы подыскать подработку. Студентов охотно берут на небольшую оплату, потому что всегда можно пожаловаться в школу, если что не так.

- Потрясающий мир, – вздохнула я.

- Сносный. Особенно если вытащил лотерею и родился в хорошей семье. Тогда все вокруг играет яркими красками.

- А твоя семья какая?

- А у меня ее нет, я приютская. – Аннабет пожала плечами.

Я поперхнулась картошкой.

– Извини.

– Да ничего. Магистр Ленард привел меня в школу. Я стащила у него браслет с крупичками на рынке, он меня отловил и сдал страже. Потом пожалел, решил вернуть в приют и в процессе рассмотрел дар. Совет долго решал, можно ли мне учиться. Но в итоге пришел к выводу, что стоит дать мне шанс. И вот я здесь.

– И ты ничего не знаешь о своей родне?

– Только то, что мама принесла новорожденную меня к дверям приюта. Я пыталась что-то выяснить, но не нашла ни на какой след. Да это и не важно. Если бы я жила в семье, я бы не попала в Школу темных.

За ужином мы болтали о наших мирах, а к моменту, когда подали чай, начали их даже сравнивать. Так, например, и здесь, и на Земле было принято дарить подарки на праздник зимы. Два мира шли будто рука об руку, неуловимо проникая друг в друга. Или то был результат открывающихся то тут, то там, порталов.

Кормили сносно, даже очень. Без изысков, но сытно и вкусно. Овощной салат, две небольшие котлетки с золотистыми дольками местной картошки, чай и булочка с маком. В завершение всем выдали по небольшому глиняному горшочку, явно с чем-то молочным.

– В комнатах запрещено держать любую еду, – пояснила Аннабет. – Это нужно съесть за два-три часа до сна. Очень полезно. А вообще кухня подстраивается под наше расписание. Если там есть тренировка, то рацион немного меняют, в зависимости от того, в какой половине дня она назначена. Ну и во время экзаменов, говорят, пичкают орехами, фруктами и успокоительными отварами.

Мы закончили ужинать одними из последних. Не могу сказать, что это вышло случайно – мне не очень хотелось вдруг оказаться посреди галдящей толпы. Я неспешно допила чай, а когда столовая почти опустела, взяла баночку с йогуртом и в компании Аннабет вышла в холл.

– Увидимся за завтраком, – на прощание улыбнулась девушка. – Я бы с тобой еще поболтала, но мне уже задали сочинение. Побегу писать, пока не объявили отбой. Они везде гасят свет, ни зги не видно!

Она стремительно унеслась. Я взглянула на часы на камине. Времени до отбоя оставалось прилично. Может, погулять? Идея неплохая.

Прошлась по холлу, спустилась на первый этаж и погуляла немного там, потом обнаружила небольшой уютный балкон и долго любовалась закатом. Солнце садилось за лесом, освещая кроны деревьев красноватым светом. Интересно, здесь Солнце было Солнцем? Или этот мир освещала какая-то другая звезда? Что вообще он собой представляет с точки зрения науки... другую планету? Параллельную реальность Земли? Здесь такими вопросами не задавались.

Красные отблески заката напомнили мне о жутких глазах в темноте. Поежившись, я решила отправиться в комнату. Полакомиться йогуртом и лечь спать, чтобы с утра с новыми силами вступить в бой по завоеванию права на будущее. Хотя здесь мне должно повезти?

До отбоя было еще больше получаса, но во многих местах свет уже приглушили. Да и в самой школе будто не жили сотни шумных студентов. Я помню, какой шум и гам стоял в классных поездках на двухдневные экскурсии в моей школе. Или не все еще приехали к началу занятий, или учебный процесс был организован с тем расчетом, чтобы адепты в изнеможении после ужина ползли к постелям и не громили альма-матер?

Я так погрузилась в мысли, что почти на автомате вошла в жилое крыло. Здесь было еще темнее, горело всего несколько светильников. С трудом, но можно было прочитать таблички на дверях, и я всматривалась в прыгающие цифры, ища свою. Неловко будет, если я в первую же ночь в школе вломлюсь в чужую спальню.

Вдруг свет с негромким хлопком погас. На секунду позже сердце пропустило удар, а потом я почувствовала, как чья-то рука зажимает мне рот. Запястья обвила колючая грубая веревка, и в следующий момент меня втолкнули в какую-то дверь. Под ногами оказалась лестница, с которой я едва не скатилась кубарем, но тот, кто по-прежнему зажимал мне рот, успел перехватить за талию и не дать свалиться вниз. Я несколько раз дернулась в попытке вырваться, но безуспешно.

Глаза не успели привыкнуть к темноте, как меня втолкнули в какую-то ярко освещенную комнату. Я зажмурилась и не сразу поняла, что никто больше меня не держит.

– Какого хрена?! – Хотелось бы, чтобы голос звучал возмущенно, но на самом деле его можно было назвать скорее испуганным.

– Деллин Шторм, – услышала я холодный, надменный и, увы, знакомый голос.

Зрение восстановилось, и я смогла осмотреться. Меня притащили в обыкновенную аудиторию. С рядами деревянных парт, доской и портретами каких-то исторических деятелей на стенах. По обе стороны от меня с невозмутимым видом стояли два здоровых парня. Одного я узнала: он вместе с Бастианом явился в столовую.

Сам огненный король стоял в проходе, всем видом демонстрируя легкое веселье. На губах играла гаденькая улыбочка, а поза так и кричала о том, что он в своем праве. И легко по щелчку пальцев может заставить меня явиться на поклон.

– Ты считаешь, это смешно? – поинтересовалась я.

– Довольно забавно. Мне нравится наблюдать за страхом. Он у всех разный. Кто-то дрожит, аж ноги подкашиваются. Кто-то готов сражаться до последней капли крови. О твоём страхе я пока мало знаю, Деллин Шторм. Но поверь, узнаю все.

– А я думала, ты король огня, а не страшилок. Чего тебе от меня надо?

– Познакомиться. – Он пожал плечами. – Посмотреть, что ты за птица. Обрисовать правила моей школы.

– Твоей школы? А я-то думала она принадлежит темным. Один из которых, кстати, мой горячо любимый дядюшка. Чудом воссоединившийся с дорогой племяншкой. Он так рад, так рад.

Бастиан снова рассмеялся.

– Кеймана Кроста я не боюсь. Да и слухи до меня дошли интересные. Что магистр совсем не в восторге от появления в его жизни необразованной оборванки из отсталого мира. Поэтому можешь не стараться.

– Все, мне это надоело. Счастливо оставаться.

Я развернулась, чтобы уйти, но парни загородили путь к выходу.

– Ты еще не поняла, Деллин? В этой школе все делают только то, что я скажу. Ты пойдешь, когда я закончу.

– По-моему, ты еще даже не начал. Давай к делу, что тебе нужно?

– Кем ты была в своем мире?

– Уборщицей.

– Прекрасно. Поразительная карьерная лестница. Из уборщиц в темные маги. Ну и что? Ты веришь в сказку о том, что бедной и глупенькой полумойке вдруг перепадет магическое наследство и она станет принцессой?

– Ну, тебе же перепало.

А вот это я сказала зря. Глаза Бастиана потемнели – написали бы в земном романе. Но нет, они не потемнели. В них в буквальном смысле полыхнуло пламя, и я невольно отшатнулась.

- Страшно тебе, Деллин? - спросил Бастиан.

Он сделал несколько шагов по направлению ко мне.

- Здесь все делают то, что я прикажу. Большинство живет по принципу «не трогай меня и спи спокойно». Эта масса мало меня интересует. Но тебе такое не светит. Ты или подчиняешься - или уже к первому же балу вылетишь и из школы, и из мира.

- Потому что я иномирянка? И за что же ты нас так не любишь?

Бастиан молчал. Смотрел, чуть сощурившись, будто пытался прочесть мои мысли, и молчал. Огонь в его глазах постепенно утихал, а вот мое сердце билось с каждой секундой сильнее.

- Большинство из тех, кого ты встретишь в этой школе - пустозвоны. Они не способны ни на что из того, чем хвастаются. Всем рулят их родители, которым плевать на разборки в песочнице. Но я - исключение. Весьма неприятное для тебя. Дам тебе неделю на то, чтобы все обдумать и добровольно уйти из этой школы. А если нет... мне нет нужды жаловаться папочке. Мне принадлежит огонь. И я могу обратить его против тебя.

Не знаю, чего Бастиан ждал. Наверное, что я упаду на колени и поцелую носок его ботинка. Или с видом пускающей слюни идиотки прижмусь к широкой груди. Но скорее всего он просто подпитывался страхом, который я старалась не показывать, но все равно испытывала.

Защитит ли Кейман? Ой, сомневаюсь. Скорее поставлю на то, что если меня все же выживут из школы, вместе с ди Файром откроет бутылочку хорошего шампанского.

Но терять мне было нечего.

- Съешь йогурт. - Я ткнула Бастиана в грудь баночкой, которую до сих пор сжимала в руке. - Успокаивает. Да и для кишечника полезно.

На этот раз никто не стремился меня остановить, я беспрепятственно вышла из аудитории и понеслась прочь. Остановилась лишь в холле, в который вышла каким-то чудом. Свет везде уже погас, отбой давно объявили. Пришлось как можно тише проскользнуть в жилое крыло и предвкушать, как я буду на ощупь искать нужную дверь.

Хотя, приблизившись к середине коридора, я вдруг рассмотрела у предположительно моей комнаты темную фигуру. Опять вляпалась?

- И почему я не удивлен? Деллин Шторм в первый же день в школе наплевала на правила и шатается где-то после отбоя.

- И вам добрый вечер, магистр Крост.

- Молодец, - усмехнулся он. - Осталось научиться делать поклон, и я даже поверю, что ты прониклась ко мне уважением.

- Извините, йогурт у меня был только один.

- Что?

- Ничего.

Я устало потерла глаза. День выдался насыщенный, даже слишком. Если сейчас я не лягу в постель, то Бастиану не придется вышвыривать меня из школы, меня из нее вынесут вперед ногами.

Можно было рассказать Кейману о разговоре с огненным королем, но ведь не будет же он защищать меня вечно. Рано или поздно вызовы нового мира придется принять. Если спасовать сейчас, то как я вообще собираюсь жить и учиться дальше?

- В первую неделю тебе дадут поблажку, но потом будешь отвечать за каждое нарушение.

- Я очень устала и хочу спать. Вы что-то еще хотели?

- Нет. Просто решил убедиться, что ты не заблудилась в душе.
- Как видите, заблудилась. Но спасибо за заботу. Спокойной ночи?
- До завтра, - хмыкнул Кейман.

Я долго смотрела ему вслед, вплоть до момента, когда темнота скрыла широкую спину. В громкие заверения о том, что я теперь сама по себе, верилось с каждой минутой все меньше и меньше. Я не сама по себе, я по какой-то причине интересна практически всем.

Свет в комнате вспыхнул, к счастью, с отбоем нас не лишали освещения в комнатах. Потянувшись и зевнув, я вдруг замерла и мысленно выругалась. Похоже, не все сюрпризы этой школы на сегодня закончились.

На постели лежала небольшая черная коробка с золотым бантом.

Ни за что не поверю, что ее принес Кейман! Ну, или поверю, если найду внутри дохлую крысу. Однако зачем-то же Кейман ошивался возле моей комнаты, неужто и впрямь проверял, как прошел первый день в школе?

Я осторожно взяла коробку с постели и села за стол. Долго смотрела на аккуратно завязанный бант. На матовой поверхности не было никаких надписей или символов. Просто коробка, просто лента. А что внутри?

Внутри оказался гребень. Красивый, аж дух захватило. Или старинный, или стилизованный под старину. Гребень украшали удивительные камни, похожие на черные опалы. Такие же переливчатые, необработанные, с серебристой пылью на местах слома. Опалы играли всеми цветами радуги.

Я надеялась найти внутри записку, но ничего, кроме подушечки, на которой и лежал гребень, не обнаружила. Сначала желание примерить накатило с такой силой, что я едва усидела на месте. Потом разум взял свое, и гребень был возвращен в коробку, которую я поставила на подоконник. Если это подарок Кеймана, во что я поверю, только если он лично признается и напишет письменную объяснительную, то все в порядке, но если сюрприз прислал Бастиан или еще кто-нибудь, чья ненависть к иномирным сильнее здравого смысла, то лучше не надевать на себя подозрительные предметы.

Завтра выясню, от кого и по какому поводу презент. Сейчас, если не лягу тотчас в постель, то отключусь прямо на стуле.

Но все же я не смогла удержаться и, прежде чем уснуть, несколько минут смотрела, свесившись с постели, в окно. На звезды, на спутники, на небо чужого мира. Одновременно страшилась и ждала нового дня.

Пальцы медленно, с явным наслаждением, перебирают струны незнакомого мне инструмента. Он чем-то похож на арфу, но в несколько раз больше и причудливой формы. В окно льется свет, который играет на глянцевых поверхностях инструмента и бросает на стены световые зайчики. От каждого моего движения, словно повинуюсь музыке, срывающейся со струн, зайчики скачут по стенам и играют всеми цветами радуги.

Если всмотреться в отражение в стекле, то можно увидеть, как в волосах переливается гребень. Мягкие крупные черные локоны спадают на плечи. У меня никогда не было такого цвета волос, но в отражении я - Деллин, непривычно взрослая, непривычно серьезная.

Руки будто сами по себе. Знают, как касаться струн, чтобы хаотичные звуки складывались в стройную неземную мелодию.

Которую нарушает хриплый, удивленный и немного нереальный голос:

- Ты здесь... ты правда здесь...

Он говорит что-то еще, но я не успеваю расслышать. Оборачиваюсь, и подсознание не дает рассмотреть обладателя голоса – я просыпаюсь.

Глава 4

Вот так началось утро адептки Высшей Школы темных Деллин Шторм.

На кармашке пиджака, под логотипом школы, было вышито мое имя. Форму принесли утром, я даже не слышала когда. Хотя в столовой еда сама по себе появлялась на столах, так что, может, и два комплекта одежды в шкафу образовались из воздуха.

Я собиралась немного нервно, не знала, брать ли с собой учебники, нужно ли надевать форму на завтрак или переодеться позже. Но в назначенное время все же успела занять место в столовой и с удивлением обнаружила на столе конверт с моим именем.

– А, это твое расписание и все остальное. Почту, извещения об оценках, табели и все остальное нам выдают за завтраком, – сообщила Аннабет, прибежавшая минута в минуту.

– Чтобы жизнь медом не казалась?

Было непросто одновременно поглощать жутко вкусную кашу с фруктами и читать расписание.

– Что там у тебя?

– До обеда история королевств, введение в темную магию и встреча с куратором курса. После обеда физподготовка и встреча с преподавателем физподготовки.

– А, сначала тебя погоняют по залу, проверяют, не сдохнешь ли ты, подняв сумку с учебниками, а потом будешь писать заявление на вступление в одну из школьных спортивных команд.

– А ты в какой?

– Пока не решила. Но, если честно, я не очень хороша в спорте, так что в основной состав не попаду. А ты что хочешь? У темных нет своей команды.

– Я уже выбрала крылогонки.

– Отчаянная, – фыркнула девушка. – Опасный спорт. Если тебе не хватит сил контролировать крылья – рухнешь с высоты, как мешок с картошкой.

– Да, я уже поняла, что высшее образование с жизнью несовместимо.

Главная несправедливость оказалась в том, что мои нарушения режима магистр лично укараулил у дверей спальни, а вот Бастиану ди Файру, видимо, прощалось все. Он в сопровождении своей свиты появился, когда нормальные люди заканчивали завтрак. От меня не укрылся насмешливый взгляд, брошенный в нашу с Аннабет сторону.

– Почему Бастиан так ненавидит иномирян?

– А он ненавидит? – немного рассеянно отозвалась соседка. – Ну, иномирян многие не любят. Вы странные, непонятные. О вашем мире ходят разные слухи. Несколько магов привозили и расшифровывали ваши газеты, и там писали жуткие вещи... образованные люди неприязненно относятся к чужакам, считая, что вам не место среди нас и что смешанные браки с иномирянами портят кровь. А необразованные просто считают, что вы приходите из мира тьмы, где живут сплошные чудовища и убивают друг друга.

Я тут же вспомнила несколько фильмов, повествующих о параллельных мирах. В частности, тот, где после открытого портала на Землю полезли гигантские щупальца и плотоядные пауки. Пожалуй, после прочтения некоторых наших газет не надо было быть параноиком, чтобы представить самый жуткий вариант мира из всех возможных. Уж очень велик у нас интерес к теме убийств и других происшествий. И чего путешественники между мирами не сперли «Нэшнл Джографик»?

Но все это не объясняло ненависть Бастиана. Он не был похож на мракобеса, верящего, что в моем мире живут плотоядные пауки. Не хотел учиться рядом с иномирянкой? Этому больше подходит брезгливое презрение, а не ярость, которой он меня окатил.

Хотя кто я такая, чтобы разбираться в душевных терзаниях сильных мира сего. В своих бы разобраться. Главный вопрос в повестке дня: как я переживу первые лекции? Дислексия не лишает нас возможности читать, но все же такой нагрузки, чтобы по три лекции в день, у меня никогда не было.

В свободную минуту стоит выяснить, где медпункт. Голова к концу дня разболится однозначно.

Перед первой лекцией пришлось заскочить в комнату и захватить нужные учебники. Но я пришла на занятие ровно в назначенное время и обнаружила за преподавательским столом полноватого мужчину в издавшем виды сером костюме. Преподаватель с интересом меня рассматривал и слегка взволнованно приглаживал волосы.

– Адептка Шторм, – кивнул он, – прошу, проходите. Мое имя – магистр Симон. Я преподаватель истории королевств, попечительский совет поручил мне немного ввести вас в курс дела, ведь вы...

– Иномирянка, – закончила я.

– Да. Верно. Приступим?

В голове отчаянно билась мысль о том, что сейчас придется читать или писать, и первое впечатление обо мне сложится как о самой тупой адептке в школе. Но, к моему удивлению, магистр Симон произнес:

– Магистр Крост предупредил меня, что у вас есть некоторые сложности с адаптацией к нашему языку, в частности не сняты вопросы чтения и письма. Попробуем провести занятие устно, хотя я все же попрошу прочитать кое-что дома. За неделю мы не успеем пройти весь курс истории королевств, но хотя бы охватим основные аспекты. А после официального начала учебного года в расписании появится история магии.

Я кивнула, а мысленно поблагодарила Кеймана. Пусть он и вел себя как последний засранец, хотя бы предупредил преподавателей, что я не тупица, а просто не очень здорова.

– Всего в нашем мире пять королевств, и каждым... почти каждым, правит свой король. Вместе они образуют Королевский Союз, уже много сотен лет живут в мире и согласии. Силбрис – островное королевство, во главе с водным магом, Его Королевским Величеством Силариусом. Бавигор – второе по величине королевство, с Ее Королевским Величеством Бавалией на троне. Джахней – королевство-пустыня, населенное кочевыми народами. Там сейчас передел власти. Прошлый огненный король был свергнут водником. Вода в пустыне – могучая сила, однако только воздушник может обратить всю мощь песка против своих врагов. Так что мы пока не знаем, кто станет королем Джахнея.

Магистр терпеливо подождал, пока я рассмотрю иллюстрации в книге. В школе я не любила ни историю, ни географию. Но узнавать что-то о параллельном мире оказалось захватывающим занятием. И я была рада, что Кейман велел купить учебник. Без него я бы не узнала, что жители Джахнея, помимо традиционных для кочевников глубоко посаженных глаз, имеют небольшие темные рожки, а острова государства Силбрис находятся не в океане, а над океаном – парят в воздухе, поддерживаемые магией жителей, преимущественно воздушников.

– Поэтому на Силбрисе запрещены любые переселения. Отток магии означает крах королевства. Зато там очень много отдыхающих. Они щедро платят крупными. Это настоящий рай для тех, кто может позволить себе отпуск там. Попечительский совет раз в пять лет каждому магистру оплачивает поездку на Силбрис.

По его мечтательной улыбке стало ясно, что иллюстрация в учебнике – не просто рекламный проспект.

– Вы давно там были?

– Три года назад. Как-нибудь обязательно посетите, вам там понравится.

– Вряд ли мне удастся накопить на тропический рай. И дома-то не удавалось.

На это магистр добродушно рассмеялся.

– Деллин, Деллин, если вы успешно закончите школу, нужды в накоплениях у вас просто не будет. Идем дальше?

Я кивнула.

– Фригхейм – северное королевство, во главе с лордом Фригстелом.

– Все королевские имена созвучны королевствам? – спросила я.

– Это древняя традиция. Каждый король после коронации берет имя с начальным слогом названия в знак величайшего уважения к стране, которой служит. За исключением нашего королевства – у нас берут последний слог.

– Почему?

– Потому что испокон веков трон Штормхолда завоевывали.

– Штормхолда? А... я думала... то есть, моя фамилия...

В принципе, я давно себя убедила, что фамилия Шторм – не самая худшая. Я знала людей, чьи фамилии переводились как «яблоко» или «свинья», так что не слишком злилась на маму за то, что она поменяла фамилию на такую звучную. Она объясняла это тем, что после моего рождения круто изменила свою жизнь и не хотела, чтобы старая ее настигла. Но мне думалось, она просто была обижена на отца и не хотела быть с ним связанной.

А сейчас я подумала, что, возможно, мама сделала нас Шторм в память о королевстве, которое покинула навсегда. Как же ей было сложно, одной, с ребенком, в совершенно чужом мире!

– Деллин? – осторожно позвал магистр. – Вы в порядке?

– Да, я задумалась. Так что со Штормхолдом?

– Трон Штормхолда в результате народного переворота двадцать лет назад получил...

Я перевернула страницу учебника и невольно воскликнула:

– Сайлер!

– Кхм... да, верно, только правильно говорить Его Королевское Величество Сайхолд. Но когда-то Его Королевское Величество действительно так звали.

До меня смутно доходил смысл его слов, я в растерянности смотрела на иллюстрацию, где возле трона, склонив голову, с легкой усмешкой принимал корону Сайлер. В холле, на портрете, я не узнала его с бородой и в длинном плаще, да и художник явно не старался. А здесь... я будто вновь очутилась в ресторане гостиницы, под пристальным взглядом Сайлера и настороженным – Кеймана.

Он тайно познакомил меня с королем, и тот изо всех сил прикидывался, будто во мне его интересует лишь иномирское происхождение. Зачем?

Кейман вряд ли даст ответ на этот вопрос.

За оставшееся время мне кратко рассказали про основные вехи в истории мира. Отсчет у них начинался с года, когда боги покинули мир, и, в общем и целом, прошедшие века хоть и изобиловали магическими событиями, мало отличались от земных. Перевороты, войны, катаклизмы.

Я надеялась услышать на лекции о храме, который видела во сне, но магистр в ответ на вопрос лишь задал мне на дом первое задание:

– Разрушение храма относится к эпохе богов, а ее мы не рассматриваем в рамках основного курса. В библиотеке есть парочка книг, можете ознакомиться.

Мне понравилось слушать магистра. Он рассказывал немного сухо, иногда терял мысль, но в голосе явственно слышалось увлечение. Это была та самая форма индивидуального обучения, которой мне так не хватало в детстве, на которую не было денег. Мне повезло, что первой парой стояла именно лекция магистра Симона, потому что если бы все началось с введения в темную магию, я бы сбежала из школы и остаток жизни бродяжничала и попрошайничала на рынках.

Я провела перемену в аудитории и после звонка еще минут десять скучала, ожидая нового преподавателя. О его появлении возвестил стук каблуков. Ожидая увидеть очень умную, строгую и невзрачную женщину средних лет – именно такие преподавали были в школе, что я закончила, я обернулась.

Рот открылся непроизвольно, потому что в женщине, вошедшей в аудиторию, идеальным было все. Волосы – длинные, блестящие, крупные черные кудри. Губы – естественно подчеркнутые классической красной помадой. Ноги – довольно закрытый и длинный плащ не мешал красоте демонстрировать красоту.

По закону жанра она сто процентов любовница Кеймана. Я готова переехать в сарай для метел, если это окажется не так.

– Меня зовут магистр Яспера Ванджерия. Ближайшие полгода я буду преподавать вам введение в темную магию. Хотя для вас, адептка Шторм, все может закончиться несколько раньше.

Рот открылся во второй раз.

– У вас есть учебник? Отлично. Введение, первый и второй параграфы – ваши. Читаете, конспектируете и со звонком мне показываете. На первый раз без оценки, но в дальнейшем послаблений не будет.

К хорошему быстро привыкаешь: умом я сообразила, что стоит заткнуться и делать, что велят, а вот на лице отразилась вся гамма чувств. Яспера усмехнулась и закатила глаза.

– Да, я слышала о ваших «особенностях». Сказала Кейману и скажу сейчас вам: если не можете учиться, как все, – идите и мойте туалеты в тавернах. А если не хотите махать тряпкой... введение, первый и второй параграфы. Конспект.

Сказала, как припечатала. Со вздохом я притянула книгу и открыла введение, готовясь в очередной раз сражаться с природой, скачущими буквами и рябящими строчками.

Добро пожаловать в Школу темных. Еще раз.

Вот что такое ад. Разрывающая на куски, обжигающая, до искр в глазах, головная боль. Кажется, что единственное спасение от нее – в темноте и тишине, но даже под одеялом я не смогла облегчить состояние. Плотных штор в комнате не было, и я забралась на полку, укрылась с головой, не обращая внимания на жару.

В ушах звучали слова магистра. Когда в конце занятия я подала ей конспект, Яспера презрительно скривилась:

– Боги, сколько ошибок. Стоит уважительнее относиться к миру, который приютил вас.

– Я еще только учу язык, – сквозь зубы процедила я.

В ответ на это магистр лишь скептически хмыкнула. Исчеркала красными чернилами весь лист и отправила меня восвояси.

Шум в коридорах и пронзительный звонок, который застал меня как раз рядом с колоколами, довершили начатое двумя параграфами. Я при всем желании не смогла бы дойти до обеда, в ванной меня несколько раз вывернуло наизнанку, а потом я просто лежала, пока бешено стучащее сердце немного не успокоилось.

Дома такого не было. Дома было проще читать тексты, такого количества незнакомых слов и символов в книгах не было. Похоже, кулон, что дал Кейман, тоже нехило бил по ЦНС, позволяя мне понимать здешний язык. И вместе с дислексией они устроили мне какой-то ужас.

Здесь не было будильников, но я надеялась, что по звонку, обозначающему конец обеда, смогу встать и как-нибудь доползти или до спортивного крыла, или до медпункта. Однако сама не заметила, как задремала.

Сквозь туман и звон в ушах различила негромкие шаги.

– Поднимайся.

Поморщилась и сильнее закуталась в одеяло.

– Поднимайся, я сказал, у тебя занятия!

– Я не могу-у-у, у меня болит голова.

Снова затошнило, к боли добавилось головокружение.

– Деллин, я все равно притащу тебя на пару. Тебе решать, будет это выглядеть, как будто дядя провожает племянницу или как будто тащит прогульщицу за ухо.

Кейман не отстанет, у него в принципе не было такой опции – оставить меня в покое. Пришлось сначала осторожно сесть на постели, а потом неуклюже спуститься вниз. Видок у меня был что надо: пошатывающаяся, бледная (а может, даже слегка зеленоватая), растрепанная и помятая адептка.

– Идем. Ты опоздала на пятнадцать минут.

– У меня болит голова, – еще раз на всякий случай сообщила.

– Я понял. Обувайся.

– Мне надо переодеться в спортивную форму.

– Не надо. Шторм, быстрее, у меня нет времени завязывать тебе бантик и плести косички.

– А вы всех адептов на пары провожаете, если они уснули?

– Нет, только тех, кого привел сюда лично. Сделай одолжение, продержись в школе хотя бы до начала занятий, а не то меня засмеют на Совете.

Благодарность к нему за предупреждение магистрам как-то резко испарилась. Кейман есть Кейман, и даже если он делает что-то хорошее для меня, то все равно остается человеком, который чуть не придушил в коридоре гостиницы.

Радовало только то, что по дороге в спортивный корпус мы никого не встретили. Особенно хорошо, что не столкнулись с Бастианом. Если дать ему такую ценную информацию, как весть о дислексии, капец придет ко мне куда раньше, чем ожидается.

Хотя каков шанс, что кто-то из преподавателей не растрезвонит об этом всей школе? Хотя бы та же Яспера. Более чем уверена, что она уже пожаловалась кому-нибудь на самую глупую и неграмотную студентку в истории школы.

Все же человек – существо нелогичное. За день у меня случились вкусный завтрак, интересная лекция и всего одна пакостная преподша с непомерным чувством собственного величия. Почему так хочется забиться в угол и скулить о несчастной судьбе?

Кейман привел меня в большой зал со стеклянной купольной крышей. Несмотря на то что над школой сгустились тучи, дневной свет все равно резал глаза и они слезились. Приходилось глубоко дышать, чтобы контролировать тошноту.

Из двери, расположенной в другом конце зала, вышел мужчина средних лет, низкий и коренастый, но крепкий. Они с Кейманом негромко о чем-то говорили, изредка поглядывая в мою сторону, а затем оба подошли ближе.

– Адептка Шторм?

У тренера оказался низкий голос и, как мне показалось, он говорил слегка с акцентом.

– Идемте.

Я бросила мимолетный взгляд на Кеймана, но не решилась сказать, что вряд ли смогу не то что кросс пробежать – даже завязать шнурки на ботинке. Но уже через минуту поняла, что мы идем не в раздевалку и не в тренажерный зал, а в ту самую лабораторию, где Надин показывала мне крылья. Головная боль отошла на второй план, я с робкой надеждой затаила дыхание.

Тренер замер перед рядами колб с крыльями. Смотрел то на меня, то на крылья, бормотал себе что-то в пышные седые усы, пока, наконец, не достал с верхней полки колбу, в которой, переливаясь серебряным напылением, красовались нереально изящные темно-синие крылья.

Мы вернулись в зал, и я нервно сглотнула в ожидании того, что будет дальше. А дальше все было просто и одновременно неожиданно: Кейман отдал тренеру бусину со своего браслета, и тот опустил ее в колбу.

– Протяните руку, адептка Шторм.

Мне стало стыдно за дрожь, которую отчетливо было видно. Но тренер будто не заметил и просто перевернул колбу над моей ладонью. Дух захватило от темно-синих вихрей, перемежающихся с серебряными огоньками. Магия разрасталась, окружала меня, оплетала своими нитями, а когда стихла, за спиной трепетали два больших крыла.

Контроль над собой меня оставил: я, как щенок, впервые увидевший собственный хвост, несколько раз повернулась вокруг своей оси, чтобы рассмотреть, откуда эти крылья вообще растут. Тренер усмехнулся в усы.

– Развлекайтесь, адептка. У вас есть сорок минут. Магистр – сделайте одолжение, когда закончите, запирайте зал, у меня занятие с третьим курсом на улице.

Тренер ушел, оставив нас в пустом зале. Меня, Кеймана и крылья, с которыми я понятия не имела, как обращаться. Да и вообще не очень хорошо понимала, что происходит.

– Ну? – Мужчина поднял брови. – Вперед.

– А что мне делать?

– Понятия не имею, Шторм. Можешь стоять возле меня все сорок минут, как пугливый ребенок возле юбки мамы. Можешь все-таки вспомнить, что в тебе есть темная магия, а она слабакам не достается.

Я нерешительно посмотрела вверх, на купол.

– А если я себе что-нибудь сломаю, вы мне срастите кости?

– Я тебе чугунный гипс наколдую. Чтобы тебя даже дракон в небо не поднял. Уж постарайся ничего себе не ломать.

С этими словами он уселся на одну из скамеек на трибуне и погрузился в книгу, неведь откуда появившуюся рядом.

Однажды в гостиницу вселилась семья с маленьким ребенком. Крошечная девочка с забавным куцым хвостиком осторожно вышагивала по мягкому ковру и смеялась. Родители не захотели выходить на время уборки, и, протирая зеркало в ванной, я могла видеть, как девочка учится ходить, как жадно наблюдают за ней родители, запечатлевая в памяти первые шаги.

Сейчас я напоминала себе ту девочку. Прошлась по залу, привыкая к крыльям. Они были совсем не невесомые, очень хорошо ощущались, будто и впрямь стали частью меня. Ходить с дополнительным грузом на спине оказалось непросто. Но стоило только расправить крылья, как неведомая сила буквально потянула меня вверх.

Все же они во многом управлялись магией. Которая еще была мне неподвластна.

Ходить быстро надоело, и я решилась на освоение девайса. Только оглянулась на Кеймана, чтобы убедиться, что позор он не увидит. Или магистр и впрямь читал жутко интересную книгу, или делал вид.

Тогда я разбежалась и подпрыгнула. Зажмурилась в ожидании удара об пол, но в последний момент успела взмахнуть крыльями и с визгом рванула вверх и вперед.

Боги, я как будто напилась и решила полетать! Меня мотало то вправо, то влево, управлять дополнительными конечностями оказалось непросто – я постоянно про них забывала. А когда вспоминала, начинала судорожно махать крыльями и поднималась еще выше, к самому куполу.

– Макушкой не ударься, – крикнул снизу Кейман.

Я вдруг увидела перед собой небольшую жердочку, похожую на трамплин из бассейна, и с облегчением забралась на нее, чтобы перевести дух. Смотреть с огромной высоты вниз было страшновато, так что я смотрела вверх – на грозовые тучи, стекающие к замку.

– А слезать как будешь? – спросил Кейман.

Я не удержалась и показала ему язык в надежде, что с такого расстояния он не заметит.

Напрасно.

Мало кого не пугает высота. Наверное, где-то существует человек, способный бесстрастно взирать вниз, стоя на смотровой площадке какого-нибудь небоскреба. Или идти по хлипкому веревочному мостику над пропастью в горах. Но я таких не встречала и уж точно к таковым не относилась.

Хотя больше, чем высота, меня пугали мысли. Вкрадчивый шепот, на грани безумия, подталкивающий сделать шаг. Навязчивые мысли о том, каково это – несколько секунд ощущать свободное падение.

Я думала, со мной что-то не так, что только я со смесью ужаса и интереса размышляю о том, что будет, если сделать роковой шаг. Но потом прочитала, что это скорее норма, и успокоилась.

Сейчас желание вернулось. Только вместо разумного инстинкта самосохранения, который заставлял до побелевших пальцев вцепляться в перила, за спиной маячили крылья, и...

Я прыгнула прежде, чем успела толком подумать. Две секунды свободного полета остановили на мгновение сердце, а потом крылья замедлили падение и подняли меня наверх. К неистово бьющемуся сердцу добавилось потрясающее ощущение свободы. Когда я зависла в центре зала, под самым куполом, то с удивлением поняла, что почти не чувствую головной боли.

Но увы. Счастье было недолгим:

– Спускайся, время вышло, сейчас здесь будет занятие, а еще скоро гроза, так что третьекурсников загонят в зал.

Момент абсолютной свободы прошел, спускалась я как медведь по склону, пошатываясь. Чуть не налетела на скамейку и с трудом устояла на ногах, когда магия из крыльев исчезла. Они едва не прибили меня с непривычки к полу.

Но все равно я давно не чувствовала себя такой счастливой и уставшей.

– Жаль, что тренер этого не видел, – хмыкнул Кейман.

– Потому что я была хороша?

– Потому что я бы поспорил с ним на бутылку, что ты убьешься о стену или свалишься с крыши.

Кейман провел рукой по моей спине – и крылья исчезли, оказавшись сначала в его руке, а затем и в колбе. Я поежилась от прикосновения и поспешила на шаг отступить.

- Отнеси крылья обратно в лабораторию. И на следующей паре сходи в медпункт. Если у тебя часто болит голова, нужно иметь зелье.

- А вы... вы говорили, что с дислексией можно что-то сделать?

- У нас не существует такой болезни, поэтому пока ничего сказать не могу. Как-то же ты терпела восемнадцать лет. Потерпишь семестр-другой.

Следующий вопрос я задавать не планировала, он вырвался сам по себе и, будучи классическим «не воробьем», обратно залетать отказался. Хотя я бы многое за это отдала.

- Почему вы не сказали, что Сайлер – король?

- Даже короли имеют право на частную жизнь. Уж в твоём-то мире это знают куда лучше, чем в нашем.

- Зачем тогда Сайлер сказал, что никогда не видел иномирянки? Зачем расспрашивал о моём мире?

Кейман задумчиво посмотрел куда-то поверх моей головы.

- Ну, во-первых, раз уж ты выяснила, с кем ужинала, то не Сайлер, а Его Величество. Во-вторых, как ты думаешь, почему ты меня раздражаешь?

Щеки залил румянец, я сжала в руках колбу с крыльями, но опомнилась прежде, чем повредила ее.

- Понятия не имею!

- Правильно, Шторм. Вот и я понятия не имею, какие мысли бродят в голове короля. Спросишь как-нибудь сама. А теперь извини, у меня дела.

Он направился к выходу, а я растерянно хлопала глазами, вновь не получив никаких ответов. Но вот что странно: обжигающая ненависть Кеймана, которую я почти физически ощущала в начале нашего знакомства, будто бы притупилась. Не исчезла, не растворилась – думать, будто общение со мной способно изменить его взгляды, было бы наивно. Но совершенно точно трансформировалась во что-то иное.

Когда шла к лаборатории, меня осенило: Кейман с интересом наблюдал за мной. Именно – с холодным любопытством, в какой-то мере снисходительным. Будто происходящее совсем его не радовало, но при этом, раз уж неизбежное случилось, любопытно посмотреть на последствия.

Впору было разозлиться: все вокруг или лгали, или издевались. Кейман, Сайлер, Бастиан, эта Яспера. Я думала, попаданцы в другие миры их спасают, а не сражаются с ними. С другой стороны, толпу недовольных аборигенов уравновешивают Аннабет, Надин и магистр Симон, так что у нас почти равновесие силы.

Коридор вдруг наполнился голосами и звуком шагов. До двери лаборатории оставались считанные метры, и я почти успела их преодолеть. Не хватило пары секунд: толпа студентов в черной спортивной форме с эмблемами факультета огня ввалилась в коридор.

На дверь, которую я уже дернула на себя, легла чья-то рука.

Ну да, конечно, она не могла принадлежать никому, кроме Бастиана ди Файра.

- Пусти, – процедила я сквозь зубы.

Вместо ответа парень легким движением выбил у меня из рук колбу с крыльями. Стекло вдребезги разбилось, разлетелось тысячей осколков на каменном полу, а сама я едва успела подхватить с пола крылья – не хватало еще, чтобы этот козлина на них наступил.

Конечно, вокруг нас столпился народ, и, конечно, этот народ весьма забавлял вид Бастиана и меня у его ног, собирающей осколки.

Очень захотелось ляпнуть что-нибудь обидное, но в голову, как назло, ничего не приходило. Пространство вдруг озарила вспышка – начиналась гроза. Первый раскат прогремел прямо над школой, от неожиданности я вздрогнула и порезала палец.

– Отсюда вид немного лучше, – сообщил Бастиан, гаденько ухмыляясь.

Интересно, если я ему за шиворот горсть осколков засуну, меня выгонят из школы?

Снова громыхнуло, гроза разошлась не на шутку. Кровь с пальца закапала на пол, помимо глубокого пореза на ладони проявились еще несколько мелких. Хотя болели они не менее обидно.

Пауза затягивалась, народ вокруг ждал моей реакции на издевку Бастиана. К счастью или наоборот, я не успела принять решение. Громкий голос тренера настиг нас раньше, чем он сам:

– Что тут происходит? Что за столпотворение?

– Первокурсница случайно разбила колбу, тренер, – усмехнулся Бастиан. – Хотим проводить ее до лекаря.

– Что, всем курсом?

Тренер остановился возле нас и хмуро оглядел толпу.

– Живо на занятие, я уже минуту вас жду! Ди Файр, проводите адептку к лекарю. А вы...

Он смерил меня печальным взглядом и вздохнул.

– Дайте мне крылья, их нужно вернуть на место. Пожалуйста, в следующий раз будьте аккуратнее.

Нет ничего обиднее обвинения в том, чего ты не делала. Ну, или мне в этот момент так показалось. Ни одна сволочь из толпы не возразила, что колбу не я разбила, а Бастиан выбил из моих рук. Никто не возмутился, когда огненный король почти ласково под локоток повел меня к выходу. А когда мы прошли коридор, толпа уже рассосалась, и из зала слышались команды тренера.

– Видишь? – сказал Бастиан. – Здесь все делают, что я скажу.

– Тебе померещилось.

Как мы дошли до кабинета лекаря и я его не убила – не знаю. Чудо, наверное. Чудо самообладания, которое я проявила. Даже когда Бастиан молчал, он все равно выглядел самодовольным до ужаса. Мама про таких говорила: «Рожа просит кирпича». Наверное, при этом она вспоминала Кеймана Кроста. Преемственность поколений.

– Бастиан! – воскликнула лекарь, когда нас увидела. – Что случилось?

Очень симпатичная пухлая блондинка с кудряшками явно расслабилась, увидев мою руку. И еще порозовела от улыбки ди Файра. Засуетилась, захихикала. Пока доставала из ящичков флаконы и пипетки, все стреляла в парня глазками.

Ладно, если абстрагироваться от того, что я бы с удовольствием свернула огненному козлу шею, наверное, он был хорош. Спортивная школа темных предполагала тренировочные штаны и майку с эмблемой факультета, так что рельефные мышцы на руках можно было рассмотреть очень хорошо. Парень это явно знал и специально встал так, чтобы красоваться перед лекарьшей.

– Тебе на занятие не пора? – поинтересовалась я.

– Не могу же я бросить раненую первокурсницу. Вдруг ей станет плохо от вида крови? Нет уж, надо выполнить распоряжение тренера до конца, проводить тебя до комнаты.

Он понизил голос, чтобы лекарька, копавшаяся в шкафу, не слышала:

– Вдруг спасенная первокурсница жаждет отблагодарить меня особым образом.

- У вас что, мораторий на секс в стране? Только на него и намекаете.

А вот это девушка уже услышала, и я едва удержалась от того, чтобы злорадно не расхохотаться. Она еще больше покраснела и уже не смотрела на Бастиана, а у того на лице промелькнула недовольная гримаса.

Пусть бы уже свалил восвояси! Меньше всего мне хотелось обсуждать при нем головную боль.

Хотя эту проблему почти сразу решила лекарь. Почувствовав, что стремительно теряет позиции, ди Файр решил сходить в наступление налево. Пока я с интересом наблюдала, как маленькие капельки зелья прямо на глазах заживляют порезы, он пристал к блондинке с какой-то ерундой. И получил вполне закономерное бурчание:

- Вот завтра придет главный лекарь, с ним и обсудишь. Все, забирай свою первокурсницу.

Выходит, в школе не дежурил круглосуточно лекарь, на ночь оставляли помощницу. Это было странно: мне казалось, в таком скоплении сильных и неуравновешенных магов каждую секунду что-то да случается. А если серьезная травма? Одно падение с крыльев может стоить сломанной шеи.

Хотя если рядом город, то в случае ЧП лекаря можно и вызвать.

То, что Бастиан отправился меня провожать, можно назвать ЧП? Потому что скоро я его убью!

Всем своим видом он вызывал раздражение. Ухмылочку так и тянуло раз и навсегда стереть с наглой аристократической рожи. Только я пока не придумала, как именно. А еще имела серьезные сомнения в том, что смогу противостоять ему. Уверенность в безнаказанности и абсолютной власти взялась не на пустом месте. Ни за что не поверю, что в жизни огненного короля не встречались дерзкие и строптивые девицы. И если до сих пор никому из них не удалось одержать победу, то плохи мои дела.

Мы остановились у дверей комнаты, и я задумалась, как бы отделаться от Бастиана. Тот совершенно не собирался мне помогать. Вряд ли ему так уж хотелось моего радушия или благодарностей. Он просто выделялся на виду у других студентов.

Нет смысла лукавить: в возрасте от восемнадцати и до двадцати двух – а именно столько было адептам в Школе темных – сложно думать о чем-то кроме секса. Между закрытыми в одной школе парнями и девушками неизбежно возникает напряжение. Так что несложно было догадаться, какие слухи рождались, когда нас видели вместе.

- Твоя репутация не пострадает от моего присутствия? - не удержалась я.

- Мой отец всегда держал парочку иномирянков в качестве любовниц, - лениво откликнулся Бастиан. - Думаю последовать его примеру.

- Так вот с чего ты бесишься от одного упоминания иномирянков. Ревнуешь папочку? Или наследнику каминов не давали его подружки?

- Для адептки этой школы у тебя слишком грязный язык.

- Для короля в тебе слишком мало королевского. А теперь извини, я планирую отдохнуть до ужина. Твое общество меня утомляет.

Я ждала, что ди Файр попытается меня остановить, но он просто позволил мне прошмыгнуть комнату и закрыть дверь. Слишком легкая победа насторожила. Очень насторожила – я не поверила, что Бастиан так просто проглотит оставшееся за мной последнее слово.

Глава 5

– Тебя не было на обеде, – будто невзначай заметила Аннабет, когда я пришла к ужину.

Она старалась делать равнодушный вид, но я все равно поняла, что соседке жутко интересно. Правда, насчет нее я еще не определилась. Очень хотелось хоть кому-то доверять, помечтать о друзьях, но каждый раз, когда я набиралась храбрости и вываливала потенциальной подруге все о себе, это заканчивалось не слишком хорошо.

А вот от предложения прогуляться по окрестностям отказаться не смогла.

Большинство студентов сидело в замке: на улице еще чувствовались сырость и прохлада. Гроза ушла, оставив после себя приятный запах и сумеречный полумрак. На территории школы был парк с извилистыми дорожками, скамейками на тенистых полянках, беседками в живописных зарослях и даже качелями. Правда, сейчас все поверхности были мокрыми и посидеть на свежем воздухе не получилось.

На часть территории после окончания занятий закрывали вход: на стадион, к реке. И, конечно, наглухо запирали ворота. Еще и, поди, заклинания вешали.

– Говорят, способы улизнуть есть, – сказала Аннабет. – Ребята со старших курсов пользуются ими, чтобы покупать в городе спиртное и посещать танцы, но я пока не смогла узнать, что это за способы.

Да и не желала. Школа и прилегающая территория поразили меня размерами и атмосферой, сбежать отсюда совершенно не хотелось.

Неподалеку я заметила небольшое здание с куполообразной крышей, окруженное красивыми синими цветами. Непривычно яркими на фоне послегрозового пейзажа.

– Что это?

– Часовня Кроста. Для тех, кто поклоняется ему.

– А часовни других богов тоже есть?

– Нет, конечно, – фыркнула Аннабет. – Поклоняться богам, которых не существует, запрещено. Только Кросту.

– А я думала, вы верите в богов.

– Конечно, верим! Но что делать, если и Таара, и Акорион давно ушли из нашего мира? Как-то глупо возносить молитвы тому, кто не хочет и не может тебя услышать.

– А Крост, значит, может?

– Наверное. Но он так редко откликается на воззвания, что мы все реже и реже его о чем-то просим. Говорят, гроза – это проявление его гнева. Я редко хожу в часовню. Просить ничего не хочу, а благодарить Кроста мне не за что. Большую часть жизни я провела, не зная, удастся ли еще хоть раз поесть. Когда оказалась в школе, не могла поверить, что еду не отбирают в качестве наказания и дают трижды в день. Я благодарю магистра, который дал мне еду и образование, а не мужика, который гремит и сверкает, когда ему что-то не нравится. Но если хочешь, зайдем. Там красиво.

– Потом как-нибудь, – отмахнулась я.

Встреча с богом, пусть и односторонняя, это слишком. Сначала прочитаю что-нибудь об этом Кросте. Раз Кеймана назвали в честь него, значит, мужик серьезный.

Я могла бы гулять здесь вечно. Теперь я точно знала, что нет лучшего средства от головной боли, чем свежий воздух после дождя. В надвигающихся сумерках мы бродили по аллеям и рассказывали друг другу о наших мирах. Мысль о том, чтобы вернуться в комнату и погрузиться в чтение учебника навевала тоску, которую, конечно, заметила Аннабет. И не преминула спросить, все ли в порядке.

Пришлось сдаться. Долго все равно скрывать не получится.

– Из-за... мм-м... особенностей я не очень хорошо могу читать на вашем языке, – осторожно произнесла я.

Почти правда, почти не соврала. Я знаю Аннабет всего сутки, а в первую нашу встречу она уж очень мечтательно смотрела на Бастиана.

В следующую секунду мне стало стыдно за недоверие:

– Хочешь, я тебе помогу? – предложила соседка.

– Как?

– Почитаем вслух. Я мало что помню из курса древней истории. Меня, помнится, учеба в детстве не привлекала.

Посоветовавшись, мы решили читать в моей комнате. Это оказалось не очень удобно, потому что стул там был всего один, и мне пришлось забраться на постель и слушать Аннабет, свесившись оттуда. Но в учебном классе нас могли застукать. Или мы могли кому-нибудь помешать бубнежом и смехом. Аннабет читала интересно, снабжая сухую историческую сводку комментариями, рассказами и легендами.

– Мы ведем летоисчисление с года, когда мир покинули боги, стоявшие у его истоков: Таара и Акорион.

– А куда ушли?

– Не знаю. – Аннабет пожала плечами. – Наверное, в другие миры. Им стало скучно в нашем, и они ушли. Легенды гласят, что люди еще много лет возносили молитвы и дары, но ни Таара, ни Акорион не отвечали. Только Крост еще хранил нас, хотя и он почти не проявлял себя.

– А как это происходит? Как боги дают знать, что они здесь? Может, Таара и Акорион не ушли, а... не знаю, умерли?

Вот так помрешь в одиночестве, на звонки не ответишь, так мало того, что не помянут, еще и обидятся.

– Боги – это бессмертные маги из древней расы. – Аннабет поежилась. – Они не могут умереть. К тому же о том, что Таара и Акорион ушли, одному из жрецов рассказал Крост. Еще когда откликнулся, конечно. Поэтому им и запрещено поклоняться.

– Обиделись? – хмыкнула я.

– Пожалуй. Представь себе чувства короля, который принес в жертву Тааре свою любимую дочь, а потом вдруг выяснилось, что богиня давно ушла...

– В жертву?! – Я чуть с кровати не свалилась.

– Ну да. Таара – богиня хаоса и мертвых. Каждый король, восходя на трон, отдавал ей в жертву дочь. Девушку наряжали и запирали на ночь в храме Таары. Если богиня принимала дар, то девушка сгорала в Пламени Хаоса в жутких муках, а в мире мертвых занимала место в свите богини. Если нет, королевский род оказывался проклят навечно. Править он больше не мог.

– А если у короля не было дочерей к моменту коронации?

– Такого короля не могло быть. Некоторые шли на хитрости. Воспитывали с младенчества сироток, подменяли девушек ночью. Но тогда проклятье падало на столицу. Таару звали безумной богиней. Правда, не совсем из-за этого...

Аннабет залилась краской и замялась.

– Третий бог, брат Таары, Акорион, покровительствовал тьме. В то время как Таара была женой и возлюбленной Кроста, за его спиной у них с Акорионом был роман.

– А, так я разгадала загадку исчезновения ваших богов, – хихикнула я. – Крост угрожал забодать их рогами, и они сбежали. Живут теперь в альпийских лугах, доят лиловых

коров и предаются близкородственному разврату.

Аннабет насупилась и бросила в меня подушкой.

– Между прочим, Крост все слышит! И накажет тебя, если будешь смеяться.

– Да ладно, – примирительно вздохнула я, – ты еще наши легенды не слышала. Вот уж где разнузданные оргии. Значит, я осталась без покровителя? Раз Акориона нет, придется выкручиваться самой?

– Когда боги ушли, все поменялось, – кивнула Аннабет. – Появились дома. Крупицы стали почти недоступны. Началась грызня за трон, несколько королевств отделились. В Штормхолде вообще не бывает спокойно.

А ведь Аннабет могла что-то знать о событиях, вынудивших маму искать убежище в другом мире. Есть же причина, по которой она увезла меня черт знает куда, не побоялась окунуться в незнакомую жизнь.

– Было беспокойно. – Аннабет пожала плечами в ответ на вопрос. – Его Величество скор на расправу. Может, она боялась, что вас зацепит волнениями. А может, была замешана в измене... кто знает, восемнадцать лет назад многие бежали.

А сейчас Сайлер, прикидывающийся добрячком, целую программу организовал по возвращению беглых детишек. Интересное дело: сначала запугал собственных граждан, да так, что те смылись через дыру в пространстве, а теперь возвращает всех назад.

И что будет, если кто-то из моих родителей действительно замешан в чем-то противозаконном? Хотели бы убить, уже бы убили, на месть это не похоже. Что-то здесь не чисто, но Кейман не скажет, а к королю теперь с расспросами и не пристать.

Аннабет унеслась за полчаса до отбоя, чтобы успеть умыться. А я почти сразу отрубилась, в последнее время мои дни буквально перенасыщены событиями.

Мне снилась богиня Таара – размалеванная лохматая девица, с ломом наперевес гоняющаяся за принцессой из детского мультика «Бременские музыканты». Принцесса истощенно верещала, носилась кругами, а в центре этого хаоса горделиво восседал Кейман, чью макушку украшали шикарные ветвистые рога.

Этот бред хотя бы не пугал так, как сны в разрушенном храме. Хотя и явно свидетельствовал о том, что совсем скоро мне понадобится успокоительное.

На следующий день я впервые испытала собственную магию.

Но сначала испытала шок.

Благодаря не очень здоровому, но очень насыщенному сну про приключения беглой богини и рогатого магистра я пришла к концу завтрака, когда в столовой почти никого не было, в том числе и Аннабет. Прекрасно зная, что ждать никого не будут и со звоном со столов исчезнет все, до последней крошки, я быстро уплетала омлет с беконом. В это время в мою сторону направился парень.

Я мельком видела его, но не сразу сообразила, где именно. А парень хмуро посмотрел на меня сверху вниз и неуверенно спросил:

– Можно я присяду?

– Валяй, – пожала я плечами.

Потом вспомнила и напряглась: он был в свите Бастиана! Новый сюрприз от огненного короля?

Наверное, парень заметил мой настороженный взгляд и вздохнул.

– Ты ведь Деллин, да? Темная иномирянка?

– А ты?

- Эйген Роял, огневик. Я хотел...

Он огляделся, будто боялся, что нас кто-то подслушает. Но вокруг не было ни души.

- Хотел предупредить тебя насчет Бастиана и остальных. Наши семьи дружат, но Бастиана порой заносит. Особенно после смерти отца.

- Не трудись, - хмыкнула я. - То, что он мечтает выпереть меня из школы, я уже знаю. Лично сообщил.

К моему удивлению Эйген мотнул головой.

- Дело не в этом. У Бастиана и остальных каждый год есть развлечение. Они скидываются по кругленькой сумме с носа, выбирают девчонку, и тот, кто первый ее соблазнит и затащит в постель, получает банк. Обычно выигрывает Бастиан. Поэтому не удивляйся повышенному вниманию к себе. Я не знаю, кто точно участвует в забаве, но точно знаю, что в этом году Бастиан указал на тебя. Скоро развернется настоящая охота.

Аппетит как-то резко пропал, оmlет показался склизким и холодным. Гримаса отвращения на моем лице все же проявилась, хоть я и старалась сдержаться. Эйген виновато развел руками.

- У богатых деток дорогие игрушки. Только не говори, пожалуйста, никому, что я тебя предупредил. Бастиан может испортить не только табель с оценками. Он сейчас фактически владеет стихией. Если он узнает, что я слил их забаву и разговоры, мне конец.

- Так и зачем ты рассказал?

- Ты мне не поверишь.

- А ты попробуй. Я доверчивая.

- Я друг ди Файров. Сейчас Бастиану не нужен скандал, а ты не выглядишь трепетной девицей. Почему-то одно твое имя выводит его из равновесия. Я боюсь, что он навредит себе и дому. И сестре.

При этом щеки парня покрылись едва заметным румянцем.

А я сидела над остывающим чаем и думала, что не зря в давние времена гонцам, приносящим плохие вести, отрубали головы. Ну, бесят же, серьезно.

Я не думала об этом всерьез, но все же втайне надеялась, что раз уж мне не надо пока заботиться о выживании и работать сутки через сутки, то, может, и личной жизнью удастся заняться. Неужели в большой школе я никому не понравлюсь? Я никогда не мечтала о свадьбе и розовом домике в пригороде, но хоть на пару свиданий-то рассчитывать могла?

Эйген только что лишил меня всяких надежд. Целый год теперь придется шараться от всех особей мужского пола. А может, и два года - столько Бастиану осталось учиться здесь.

- Да что же я вам всем как кость в горле-то! - в сердцах воскликнула я.

Столы опустели, но, несмотря на то что я успела съесть всего пару кусков, аппетит напрочь пропал. В расписании стояли сразу два одинаковых занятия: основы практической магии. Слово «практической» немного сглаживало мерзкий привкус после разговора с Эйгеном, я с нетерпением ждала начала занятий и надеялась, что препод окажется приятнее Ясперы.

Но он оказался не только приятнее, но и моложе. Эдакая смесь Бреда Питта, Кита Харрингтона и Бастиана ди Файра. Молодой, едва ли сильно старше меня, шатен с заливчатски торчащими в разные стороны прядями волос. Под учительской мантией скрывалось вполне себе тренированное тело, а ресницам могла позавидовать любая модница.

– Адептка Шторм, – кивнул он мне. – Магистр Оллис, буду вести у вас на протяжении всего первого курса основы практической магии. Знаете, что это такое?

Я осторожно помотала головой. Вдруг он только прикидывается милым, а сейчас как примется орать?

– Теория, законы и правила начинают работать, когда маг знает, как распорядиться собственной силой. Когда он знает, что хочет с помощью своей магии сотворить. Мы не задумываемся о том, как читаем. Однажды научились этому и не прилагаем больше усилий, чтобы прочесть главу в учебнике.

Я смущенно покосилась в сторону сумки. Да, кто-то точно не задумывается о том, как читать. А кто-то каждый раз как будто только учится.

– Поэтому маг не должен размышлять над крупичками или энергией, которая высвобождается при их использовании. Прежде чем сотворить птицу для экипажа или защитный купол, нужно научиться высвобождать магию. Об этом и расскажу. У вас на руке есть браслет с крупичками магии. Я думаю, магистр Крост уже объяснил, что тратить их следует экономно, иначе придется покупать. Сегодня нам понадобится буквально несколько крупичек. Отнеситесь внимательно к моим объяснениям, чтобы не потратить слишком много.

Я даже выпрямилась, всем видом демонстрируя неусыпное внимание.

– В каждой крупичке заключена энергия, которую ваши способности могут направить в нужное русло. Не ждите, что у вас сразу получится идеально высвобождать эту энергию и уж тем более направлять. В целом, в первые полгода обучения вы по большей части будете учиться простейшим вещам.

Я подняла руку.

– Да?

– А из чего они? Я просто не понимаю, почему нужно платить за собственную магию? Ведь это талант, способность.

– Крупички состоят из магии. Из чистой магии. Вы любите готовить?

Я поморщилась, и магистр Оллис улыбнулся.

– Представьте, что любите. Вы умеете готовить, делаете это с удовольствием. Способны из простейших ингредиентов создать блюдо, достойное лучших ресторанов. И так далее. Ваше умение готовить, знание, какую приправу добавить к мясу, а какую – в крем для десерта – это ваш талант. Но для того, чтобы его реализовать, вам нужны продукты. Ваша способность к колдовству – талант, а магия, ее крупички – это продукт, из которого вы делаете свои неповторимые блюда.

– А откуда она берется?

– Есть месторождения. Чистую магию сложно добыть и обработать, Дома Стихий вкладывают очень много, чтобы разработать месторождения, но не освоили даже десятой части всех запасов. В основном самые крупные источники магии или под землей, или под водой. Ну а крупички – наиболее удобная форма. Вам предстоит научиться определять, сколько крупичек потребуется на то или иное заклинание, в какой момент магию следует смешать с зельем. Но для начала я расскажу, как вообще использовать эти бусины на вашем браслете. Снимите, пожалуйста, одну.

Я неуклюже расстегнула браслет и аккуратно, почти не дыша, сняла с него одну бусину. Это оказалось не так уж просто, неловкое движение могло привести к тому, что все бусины разбежались бы по глянцевой поверхности парты.

– Это всегда так кропотливо? – спросила я. – А если на меня нападут? Придется попросить маньяка подождать, пока я тут разберусь с браслетом?

– С опытом все придет. Вы сможете использовать крупички, не снимая их с браслета. Адаптировать его под себя. Будете в городе, зайдите в лавку госпожи Дорн, она торгует

браслетами и дополнениями. Оцените масштабы. Все? Готовы?

От волнения снова разболелась голова. Не так сильно, как в первый день, но все же ощутимо. И сердце билось, кажется, с перебоями. А если у меня сейчас ничего не получится и меня выгонят из школы? Хотя это бред, раз уж зачислили, то нет резона выгонять еще до официального начала занятий.

– Возьмите крупичу пальцами, закройте глаза и почувствуйте пульсацию магии.

Я послушно зажмурилась, но почувствовала лишь страстное желание лечь спать, и больше ничего. Крупича на ощупь напоминала обычную, немного шероховатую, пластиковую бусину.

– В кусочке магии, который вы держите, заключена большая энергия. Одной крупичи хватает на то, чтобы поднять в воздух целый экипаж. Постарайтесь почувствовать силу.

Ничего, кроме покалывания пальцев, я не ощутила, а потом поняла, что, наверное, это оно и есть. Бусина будто нагрелась и слегка вибрировала.

– Теперь просто разотрите крупичу между пальцами. Не думайте о том, что у вас не получалось это раньше.

На самом деле желание сжать пальцы сильнее и без указаний магистра нарастало с каждой секундой, поэтому в один момент я просто ему подчинилась. На удивление крупича с готовностью рассыпалась в пыль. Открыв глаза я посмотрела на пальцы и отстраненно подумала, что пыль от крупичи похожа на рассыпчатые графитовые тени.

Небольшое блестящее облачко поднялось над ладонью. Оно послушно подавалось за рукой, подчиняясь даже самым малейшим движениям пальцев.

– Хорошо, – кивнул магистр Оллис. – Даже лучше, чем я думал. Мало кому удастся сделать это с первого раза. Особенно иномирным. Тогда не станем тратить на занятия ваши крупичи, но дома обязательно закрепите это упражнение один-два раза. Давайте тогда приступим ко второй части занятия и научимся медитации, которая восстанавливает внутренний баланс...

Он уставился на мою руку и нахмурился.

– Что-то не так? – спросила я.

– Да нет, все в порядке. В вас, очевидно, много энергии. Обычно слабая магия рассеивается сама, но придется научить вас рассеивать остаточную силу.

Дальше мы немного безуспешно и немного весело пытались избавиться от частиц магии. Я даже прониклась к ним любовью и, когда, наконец, магистру удалось их развеять, ощутила легкую грусть. Зато с удивлением отметила, выходя на перерыв, что голова снова перестала болеть. Интересно, не влияет ли на меня так магия? В прошлый раз все прошло после полета, и я решила, что это лишь влияние физической активности на сосуды. А сейчас даже не знала, что думать.

Но на обед шла вдохновенная и полная надежд. Даже вспомнившийся утренний разговор не испортил настроение. После обеда мы снова встретились с тренером. На этот раз я очутилась практически на обычной паре по физре. После короткой разминки пробежала круг на время, потом отжималась, прыгала в длину, а под конец просто ползла к раздевалке. Звонок настиг меня на пороге, так что во время не уложилась.

Мрачно представляя, как завтра свалюсь с койки на втором ярусе, до ужина успела принять душ и сделала треть конспекта для Ясперы. Сама не заметила, как подошло время ужина, по дороге на который меня и настиг первый охотник за призовым баблом.

– Привет.

Я мельком на него взглянула. Симпатичный, жгучий брюнет с прилизанной прической. С – кто бы мог подумать! – значком факультета огня на груди.

– Привет.

- Ты Деллин, да? С первого курса?

- Нет.

- Как - нет? - опешил бедняга.

- Вот так. Что бы ты ни хотел, мой ответ - нет.

- Я хотел пригласить тебя на выходных погулять. Показать город.

- Нет.

- Почему?!

- С ди Файром знаком? - спросила я.

- Да, а при чем здесь Бастиан?

- Он сказал, в этой школе все делают то, что он скажет. Поэтому без высочайшего дозволения ни-ни. Принесешь разрешение - подумаю.

- А...

Парень так и замер посреди коридора.

- В письменном виде! - крикнула я перед входом в столовую. - В двух экземплярах!

То ли я пришла слишком рано, то ли еще что, но в столовой наблюдалось странное столпотворение. Не пускали их за столы, что ли? А ведь это еще не все студенты приехали, многие явятся только к началу года. Когда я начала пробираться к своему столику то поняла, что народ на что-то смотрит и возбужденно переговаривается. На удивление, меня легко пропустили в первый ряд, и я ахнула, увидев у колонны Эйгена.

Бедный парень стоял, привязанный к колонне, абсолютно голый. И лишь зазорный ананас закрывал причинное место. Ну и на голове красовалась идиотская шляпа из каких-то перьев.

Я пораженно огляделась: никто не спешил его освободить. В основном народ ржал, некоторые нервно переминались с ноги на ногу, но хранили молчание. Очевидно, понимали, чьих рук это дело. Что ж, Бастиан не врал, здесь действительно все делали то, что он приказывал. Даже если он многозначительно молчал.

Если бы я со своими диагнозами училась в местном пансионе, то, возможно, меня травили бы еще хуже. Мне повезло, что у школьников на Земле было не так много инструментов для травли. Эйгену в этом плане удача не улыбнулась, зато бог грозы послал ему меня. Я была не в меру жалостлива и не боялась Бастиана. Точнее, боялась, конечно, но одновременно с этим находила извращенное удовольствие в том, чтобы бесить огненного короля.

Жаль, что в этом мире нет психологов. Они бы объяснили, откуда взялась вредность, граничащая с самоубийством.

Я схватила с ближайшего стола нож и решительно направилась к Эйгену, который встретил меня одновременно с надеждой и страхом в глазах. Но дотронуться до веревки я не успела - она вдруг превратилась в опаляющую кожу огненную нить. Эйген вздрогнул, но ему огонь не причинил вреда, а вот я отдернула руку.

Между нами возник Бастиан. На лице мажорчика играла угрожающая усмешка.

- Я не разрешал его освободить.

- Что он тебе сделал? Ты что, совсем ненормальный?

- Он наказан.

- За что?

- За предательство. Больше тебе знать не положено. Вернись. – Он кивнул на толпу.
- Размечтался. Отойди.
- Хочешь его освободить?
- Хочу, чтобы ты сгинул с моих глаз.
- Придется попросить. Что ты дашь мне взамен?

Он придвинулся так близко, что я ощутила запах пряного и немного кофейного парфюма. Идеальное сочетание огня и крепкого черного кофе с щепоткой корицы и муската.

- Я с тобой не торгуюсь.
- У всего есть цена. И у тебя. И у него. – Бастиан кивнул на Эйгена.

Он был так близко, что желание отступить стало нестерпимым. Стиснув зубы, я заставила себя стоять на месте. Если сделаю хоть шаг назад, этот гад отвоюет все десять. Бастиан наверняка слышал, как бьется мое сердце, потому что ближе придвинуться просто не мог. Он был чуть выше ростом: чтобы смотреть в бесстыжие глаза мерзавца, мне приходилось задира́ть голову. А ди Файр, еще сильнее издеваясь, склонил голову так, чтобы я чувствовала его дыхание на своих губах, когда он говорил.

- Предложи мне что-нибудь, Деллин. Или я сам назову цену.
- Предложить?

Я отвела руку назад, ощупывая стол.

- Я могу быть очень щедрым, если...

Он не договорил. Толпа в едином порыве ахнула, когда я схватила со стола стакан с апельсиновым соком и медленно вылила его прямо на белобрысую макушку гада. Непередаваемое наслаждение – смотреть, как на белоснежную рубашку стекают струи липкой сладкой жидкости. Как офигевший Бастиан смотрит на меня, как замерли все вокруг.

Через несколько секунд парень очнулся. Мне бы смыться прежде, чем он начнет лютовать, но не бросать же Эйгена? Бедняга еще и за меня пострадает.

Бастиан перехватил меня за запястье, сжав с такой силой, что я не удержала стакан в руках. Вместе со звоном стекла по столовой пронесся громовой голос Кеймана:

- Разойтись! Что тут происходит?!

Магистр Крост мрачно посмотрел на нас с Бастианом, затем перевел взгляд на Эйгена и закатил глаза.

- Разойтись, я сказал, хватит глазеть, вы маги, а не деревенское быдло, которому только зрелищ подавай! Каждый, кого не будет за своим столом через минуту, будет наказан! Тарли, Надин – освободите адепта Рояла. А вы...

Он смерил нас не предвещающим ничего хорошего взглядом.

- В мой кабинет! Оба! Немедленно!

Бастиан нехотя выпустил меня, но всем своим видом дал понять, что это еще не конец. Он первый двинулся к выходу, я слегка замешкалась.

- Что-то не понятно? – почти ласково спросил Кейман.
- А где ваш кабинет? – шепотом поинтересовалась я.

В преподавательское крыло запрещалось заходить адептам, и это было чертовски правильное решение. За два дня в школе я уже поняла, что недоученные маги способны

разгромить все, до чего дотянутся. И так как школу громить худо-бедно запрещали законы королевства и устав, то мы громили друг друга.

Во всяком случае, я бы точно не отказалась попортить Бастиану физиономию, вот только он сейчас был наверняка липкий и противный. Зато пах хорошо: кофе с апельсином и корицей. С учетом того, что я так и не поужинала, к концу пути до кабинета Кеймана моя ненависть почти сменилась гастрономическим интересом.

Ничего особенного в крыле преподавателей не было, только таблички на дверях сообщали, кто хозяин того или иного кабинета. Наверное, где-то этажом выше располагались и жилые комнаты и, может, столовая – с нами-то магистры не ели.

Кейман пропустил нас с ди Файром вперед. Парень вальяжно расселся в глубоком кресле напротив стола, мне достался стул, который Кейман почти заботливо придвинул к креслу. Обманчивая вежливость наводила на грустные мысли. Будут бить. Возможно, по почкам.

– Ну? И кто соблаговолит мне объяснить, что за цирк произошел в столовой?

Я угрюмо (и виновато, тут уж не попишешь) молчала. А вот наше огненное величество будто был в своем праве. Лениво пожал плечами и бросил небрежно:

– Понятия не имею.

Кто из них крепче – Кейман или Бастиан, я еще не решила.

– Вот как? – Крост притворился, будто удивился. – А мне показалось, вы привязали адепта Рояла к колонне и ввязались в драку с адепткой Шторм.

– Вам показалось.

– Как жаль, – расплылся в хищной улыбке магистр. – Как жаль, что у меня такой отвратительный характер. Видите ли, ди Файр, когда мне что-то кажется, я начинаю злиться и раздавать направо и налево наказания. Боюсь, сегодня вы – безвинно пострадавший от моего произвола.

– Вам придется найти доказательства, магистр. Нельзя просто взять и наказать главу Дома Огня. Я думал, у нас с вами договор.

– Вот это да, вы подумали? Ди Файр, что с вами, впервые за три года вы воспользовались головой не только для того, чтобы в нее пить? Пожалуй, выпишу вам грамоту.

Кейман действительно достал что-то из папки на столе и размашистым почерком написал.

– Думаю, что делать с этим, вы знаете. Отдайте магистру Симону. Он подберет для вас наказание. И рекомендую повторить свой подвиг на бис и еще разок подумать. Можно о государстве, а можно о том, что не все двери открываются перед главой Дома Огня. В моей школе их не так уж много. Свободны.

Бастиан не двинулся с места.

– Что-то еще?

– Эта... – Он бросил на меня раздраженный взгляд. – Облила меня соком. Я или требую наказания, или подам иск к городскому судье.

Я затаила дыхание, не зная, чего пугаться больше: наказания или суда. Не знаю, как здесь обстоят дела с гражданскими исками, но уже представляю эту картину: гражданин ди Файр обвиняет гражданку Шторм в том, что она ему рубашечку соком испортила. Хотя кто их знает? Может, к словам главного по пожарной части прислушаются внимательнее и мне все же прилетит?

– Как пожелаете, – сказал Кейман.

Быстро начеркал что-то на таком же бланке и протянул мне.

– За что?! – не выдержала я. – За то, что хотела помочь человеку в беде?

– За то, что ведетесь на провокации и не умеете решать конфликты в рамках устава, – отрезал Кейман. – В следующий раз не занимайтесь самодеятельностью. Ди Файр, вы свободны. Шторм, к вам у меня несколько вопросов по поводу табеля успеваемости.

Хмыкнув напоследок, Бастиан удалился. Я обиженно дулась и смотрела куда угодно, но не на Кеймана. Но подозреваю, что ему самому от этого было ни жарко, ни холодно.

– Мне следует беспокоиться по поводу того, что магистр Ванджерия отозвалась о тебе как о совершенно не способной к обучению адептке?

– Да! – не сдержалась я. – Эта магистр... заставила меня читать всю пару. Читать и переписывать параграфы.

– Это было слишком сложно?

– Помимо того, что бесполезно? Я потратила все занятие на то, чтобы справиться с текстом. А Яспера... то есть магистр В., вы поняли, короче, только поиздевалась над ошибками!

Кейман тяжело вздохнул и несколько минут молча меня рассматривал. Листок с наказанием, который я сжимала в руке, теперь показался наименьшей проблемой из всех существующих. Сколько ни жалуйся на магистров, читать я лучше не начну.

– Я же сказал, что решу эту проблему рано или поздно.

– Но неужели она не может хотя бы не издеваться?

– Дорогая моя, никто не станет создавать тебе идеальную среду. В жизни встречаются всякие люди. В том числе и те, которым ты не нравишься. Научись с этим как-то жить. И да, Шторм, с первых дней в школе становиться главным врагом главы Дома Огня – не лучшая идея.

Злость, улегшаяся было после признания, что Кейман в чем-то прав, снова разгорелась.

– Я что, должна была просто стоять и смотреть?!

Кейман хохотнул.

– А почему нет? Зачем участвовать в играх богатеньких идиотов? Я тебе, Шторм напоминаю, что эта школа – частное заведение. И учатся в нем те, кого без денег выперли бы из любой другой школы. Тебя, на мой взгляд, вообще не должны волновать перестановки в свите ди Файра, твоя задача – учиться и выбиться в люди, раз уж мне не повезло с тобой повстречаться. Спасать тех, кто добровольно стал дружить с наследником огня, а потом страдать, что – вот сюрприз-то! – он ведет себя как последний подонок – странное занятие. Впрочем, дело твое. Я не собираюсь запрещать тебе развлекаться, хотя и не понимаю зачем.

– Он мне помог. Эйген помог, рассказал...

Я прикусила губу, чуть было не выпалив о споре Бастиана. Потом подумала – а, собственно, какого черта? Ди Файр нажаловался, что я вылила на его тупую голову сок, а я не могу объяснить причины своего поведения?

– Ну? – Кейман жестом попросил поторопиться.

– Эйген рассказал, что Бастиан на меня поспорил. Назначил награду тому, кто затащит меня в постель.

– И ты оскорбилась.

– А что, это недостаточный повод? Что я должна делать?

– Не спать с кем попало?

Мы из разных миров. И, несмотря на кристалл, болтающийся у меня на шее, говорим на

разных языках. Для Кеймана это игры избалованной молодежи, а для меня – жизнь в коллективе. Студенты каждый год выпускаются, уходят навсегда, не остаются в памяти магистров, но я-то знаю, что если не дать понять, что я могу себя защитить, то четыре года в школе станут адом.

– Я могу идти? – наконец спросила я.

Кейман устало махнул рукой.

– Иди. Лист наказания отдашь магистру Оллису, он решит, какой работой тебя нагрузить. И, Шторм... нравится тебе или нет, но с ди Файром придется считаться. Ну, или убить его. Но за это точно отчисляют, а иногда даже казнят.

Выйдя из кабинета, я тут же взглядом наткнулась на смятую бумажку, валявшуюся прямо на темном ковре. Чутье не обмануло: Бастиан выбросил свое направление, едва за его спиной закрылись двери кабинета Кеймана.

Я взглянула на часы. Еще оставалось полчаса от ужина, хоть что-то перекусить, да успею. Подумав, подняла с пола бумажку и заботливо распрямила. Пожалуй, в чем-то Кейман прав, можно хотя бы попробовать подружиться с одним из самых влиятельных людей в мире магии. И начну с того, что верну ему направление, которое Бастиан наверняка совершенно случайно обронил в коридоре.

Как же он без него жить-то будет?

Глава 6

Готовиться к началу занятий оказалось не таким уж страшным делом, как представлялось в самом начале. Стресс от переезда в другой мир прошел, нервы, расшатанные огромным количеством новых людей вокруг, успокоились, и стало чуть-чуть полегче.

Читать приходилось много, но из всех преподавателей лютовала лишь Яспера. На ее парах я традиционно переписывала учебник, а потом с раскалывающейся головой пыталась вернуть себе человеческое вмняемое состояние. Иногда, если было время, просила разрешения взять крылья. Если тренер был на месте, то разрешал, краем глаза поглядывая, чтобы я не убилась. Иногда шла гулять.

Жизнь потекла размеренно и неспешно. Хотя в скором времени обещала измениться. Во-первых, народу в школе становилось все больше и больше: к началу занятий прибывали адепты. Столовая уже не напоминала уютную кафешку, она походила на гигантский муравейник. К выходным не занятыми остались всего несколько столов.

Во-вторых, придя однажды на ужин, я заметила на своей полке новую табличку, означавшую, что кто-то изъявил желание сесть за наш столик. Интересно, кто вступил в славные ряды камикадзе? Я с самого начала не слишком надеялась на кучу друзей, но после скандала с Бастианом школа разделилась на два лагеря, и оба со мной не общались. Первый по причине здорового опасения: вдруг у меня крыша течет, раз я такое устроила? А второй по непосредственному приказу местной знати.

Я хихикнула, вспомнив, как побагровел ди Файр, когда я вернула ему листок с наказанием и предложила лично донести его до магистра Симона, дабы его величество не напрягался. С тех пор огненный король делал вид, что меня вовсе не существует в его жизненном пространстве. Но я знала: то была иллюзия. Бастиан что-то готовил.

Эйген, к слову, после инцидента с ананасом куда-то пропал. И вот теперь я стояла и смотрела на табличку с его именем.

– Ого, – подошедшая Аннабет заглянула мне через плечо. – Возьмешь?

Я пожала плечами и сунула табличку в ячейку.

– Пусть садится, мне без разницы.

– Пойдем завтра в город? Поищем подработку.

– Да, пожалуй, стоит, – кивнула я.

Пока что деньги мне негодились. В комнате еще оставалась горстка монет, выданных Кейманом. Крупиц я истратила всего четыре штуки, на парах с магистром Оллисом мы тренировали высвобождение магии. Но Аннабет справедливо рассудила, что в следующие выходные, когда сюда понаедет толпа адептов, работы не останется вообще. Но я понятия не имела, кем смогу работать. Аннабет было без разницы, она привыкла к борьбе за жизнь. А я... я тоже привыкла. Но на Земле всем было плевать на горничную в отеле, никто не интересовался, чем она живет и что делает, отпахав смену. А здесь Бастиан и его свора, едва узнают, что я мою полы, устроят мне незабываемую жизнь.

Но прежде, чем предаваться унынию, надо было хотя бы посмотреть список вакансий. А еще я жаждала выбраться в город и как следует там погулять. Пока что ни один минус новой жизни не перевесил огромный интерес к миру магии.

Мы как раз пили чай и обсуждали магистра Оллиса, когда рядом с нашим столиком остановился смущенный Эйген.

– Можно? – спросил он.

– Садись.

Воцарилась неловкая пауза. Аннабет ерзала, Эйген тоскливо ковырялся в тарелке с рагу.

- Спасибо, что вступилась за меня, - выдавил он. - Но ты не должна была подставляться. Сильно влетело?

- Не очень. Магистр Оллис сказал, что наказания начинаются вместе с учебным годом. Сказал, что нужно прибраться в подвальном архиве. Нестрашно. Зато лицо ди Файра, которого отправили клеить старые книги в библиотеку, надо было брать и зарисовывать. Я порой думаю о том, что выучусь в школе и придумаю вам аналог «Инстаграма», чтобы такие ценные мгновения не пропали даром.

- Что такое инстаграм? - живо заинтересовалась Аннабет.

Под мои рассказы об Интернете атмосфера немного сбавила градус напряжения. Аннабет восхищалась индустрией блогинга, а Эйген заметно оживился на части порно.

Мне до ужаса хотелось узнать, за что парня изгнали из секты Свидетелей Бастиана, но он молчал, как партизан. Только уточнил:

- Но не из-за того, что я рассказал тебе. Так что спор еще действует... я полагаю.

- После апельсинового сока условия спора наверняка изменились, - заметила Аннабет. - И теперь награда назначена за твою голову, а не за девственность.

- Я вот даже не знаю, радоваться мне этому или нет.

Когда со столов все исчезло и толпа потянулась к выходу, Аннабет предложила:

- Пойдем в учебку? Позанимаемся.

За первую неделю в школе это стало своеобразным ритуалом. Аннабет было скучно, и она читала мне вслух параграфы из учебников, щедро разбавляя текст комментариями и рассказами. Только благодаря ей я худо-бедно справлялась с заданиями Ясперы. Но в то же время понимала, что вечно так продолжаться не может.

Однако сегодня я бы не смогла выдержать теорию темной магии. И вообще какую бы то ни было информацию. Как же хорошо, что завтра выходные!

- Я прогуляюсь. Голова трещит. Давай завтра встретимся? Сходим в город, а вечером посидим у меня.

Аннабет упорхнула. Я долго смотрела ей вслед, а потом побрела вокруг школы, пытаюсь понять новую подругу. Ее детство прошло в лишениях и борьбе. Она сбегала, воровала, пряталась и бродяжничала. Потом встретила магистра, который ее пожалел и выбил стипендию, а сейчас просто наслаждалась сытой жизнью. Она понимала, какой шанс ей выпал, и прилежно училась. От нее буквально исходили волны позитива и оптимизма.

В чем-то моя история была похожа. Только детство у меня было пусть и бедное, но счастливое. А еще я не бродяжничала. При всех недостатках XXI века, если ты родился в достаточно развитой стране, то надо постараться, чтобы оказаться на улице.

Может, это не так уж и хорошо, потому что сейчас я никак не могла определиться, повезло мне или нет. И чего я хочу, тоже не знала. На Земле уцепилась бы за возможность получить образование изо всех сил. Здесь тоже цеплялась, но чувство, что огромный пласт информации - важной информации - ускользает, не давало расслабляться и пробиваться наверх.

Ноги сами принесли меня к дверям храма Кроста. Я огляделась, но школьный сад был пуст: небо снова хмурилось. Совсем не летний ветер пробирал до костей. Что ж, отличный момент, чтобы прикоснуться к еще одной стороне культуры здешнего народа. Посмотрим, что представляет собой храм бога стихий и грозы.

Тяжелая дверь со скрипом поддалась, впуская меня в просторный зал. Я никогда не бывала в храмах, за исключением пары экскурсий в школьном возрасте. Но с тех времен запомнила мало. Только специфичные запахи старых зданий и атмосферу ушедших веков.

В этом храме такого не было, он вообще смотрелся новым. Небольшой, темный, но не загроможденный лишней мебелью. Я не увидела ни алтаря, ни статуи, подобной той, что во сне. Из центра зала к куполу поднимался столб переплетенных стеклянных нитей, очевидно, олицетворяющих молнии. От них исходило мягкое голубоватое сияние.

Уютно. Тихо. Спокойно. Хотя и немного жутковато: в храме больше не было ни одной живой души.

Роспись на потолке изображала грозовые тучи. Красиво, не вычурно, умиротворенно. Пожалуй, я бы приходила сюда, если станет слишком тоскливо. Только вот как на это посмотрит хозяин храма?

– Зачем я здесь? – тихо спросила, не надеясь на ответ. – Зачем вернулась?

Глупо было ждать ответа от пустой комнаты. Если уж Крост не обращал внимания на тех, кто молится ему годами, не обратит и на новенькую девчонку, задающую идиотские вопросы.

Я со вздохом похлопала нити молний, в следующую секунду собираясь направиться к выходу, чтобы еще побродить по саду.

Показалось, я засунула пальцы в розетку. Раздался треск, комната наполнилась запахом озона и ярким светом, режущим глаза. Пришедший следом за молнией гром был такой силы, что содрогнулись стены. Грохот наверняка было слышно не только в школе, но и в личных покоях короля в столице.

Меня отшвырнуло на метр назад. Я так больно ударилась мягким местом, что из глаз посыпались искры. Руку покалывало, а все остальные части тела потряхивало. В следующий раз буду ходить сюда в резиновых перчатках! Можно было догадаться, что в храме бога грозы нет-нет да и может долбануть током.

– Что, Крост тоже меня недолюбливает? – раздражено пробурчала я, поднимаясь.

Когда вдруг в полной тишине услышала ответ, от неожиданности чуть снова не села:

– Нет. Это хороший знак.

Кейман вышел из тени и как ни в чем не бывало оперся об инсталляцию, которая только что едва не призвала меня к этому самому богу. А почему его током не бьет? Я бы с удовольствием посмотрела. Интересно, если заманю сюда Бастиана, уговорю его лизнуть столб?

Бр-р-р, кажется, от удара мозги слегка сотряслись.

– Хороший знак? Да меня чуть не убило!

– Ты получила ответ на свой вопрос.

– Вы что, подслушивали?

– Ты не удосужилась выяснить, есть ли кто здесь. Я все время стоял там. – Кейман кивнул на единственный угол, который не просматривался из центра зала.

– Он часто так делает?

Я опасливо покосилась вверх. Желание тянуть руки к элементам интерьера пропало, но ведь я потревожила бога. Он может и просто сверху наподдать.

– На моей памяти никто не сообщал о присутствии силы Кроста в этом храме. Адепты не очень любят покровителей. Им кажется, весь мир у их ног и боги не нужны. Но то, что он отметил тебя – очень хорошо. Сила просыпается.

Кейман усмехнулся собственным мыслям.

– А почему Крост отреагировал на меня? Ведь он бог стихий и грозы. А темная магия...

Пришлось напрячь память, чтобы вспомнить, кто заведовал у них темной магией. Я

запомнила только Кроста – здесь его часто поминали всуе, да и фамилия у Кеймана тому способствовала. А вот Таара и Акорион частично стерлись из памяти. Ошалевший от количества новой информации мозг решил не задерживаться на легендах.

– Акорион. Он – родоначальник темной магии.

– Значит, я должна была бы поклоняться ему? Ну, если бы он не ушел.

– Тебе так хочется кому-то поклоняться? – спросил Кейман.

Я почему-то смутилась и украдкой почесала зудящую от удара ладошку о штаны.

– Просто пытаюсь понять ваш мир и его устройство. Вписаться в него.

– У тебя получилось. Крост тебя заметил. Не разочаруй его.

«А то добьет», – хотела добавить, но не стала.

Кейман не так часто разговаривал со мной без неприязни в голосе, не было смысла доводить его дурацкими нервными шутками.

– Я понятия не имею, что должна сделать. И если это и был ответ на мой вопрос, то я ровным счетом ничего не поняла.

– Ты слишком торопишься. Хочешь все и сразу, в первую же неделю в школе. Так не бывает, Деллин. Боги не спускают с неба инструкцию к жизни. И не превращают твоих врагов в горстку пепла после затяжной молитвы. Их знаки нужно уметь толковать, порой на это уходят годы. Ты поймешь, что именно Крост тебе сказал, но прежде пойми хотя бы свою силу, а уж затем переходи к божественной. Все ответы, все решения проблем в тебе.

Если у Кеймана была цель меня запутать, он ее добился.

В зале было тихо, гром смолк, больше не сверкало, но я все равно держала руки по швам, пока мы выходили. Кейман настойчиво подтолкнул меня к выходу, даже если бы я хотела остаться, все равно не смогла бы.

– Ты должна вернуться в школу, скоро отбой. Два наказания за первую неделю даже для тебя слишком.

Пришлось выполнять прямой приказ владельца школы. Кейман лично проводил меня до входа в жилое крыло и удостоверился, что я зашла в комнату. Из окна виднелась верхушка храма, остальная его часть была скрыта за деревьями. Небо снова затянуло тучами, и если раньше мне нравился вид на сад, словно сошедший с открытки, то сейчас все вокруг показалось немного жутковатым.

Мне почудилось, рядом с храмом, в просветах между ветками, мелькнуло что-то темное. Но видение тут же исчезло, и я решила, что произошедшее слишком сильно меня встряхнуло, вот и мерещится что ни попадя.

Ладно, плевать. Что бы ни произошло в храме, какой бы знак ни дал Крост в ответ на вопрос, у меня нет другой дороги. Остается шагать по той, что имеется, и надеяться, что она не заведет меня черт знает куда.

На ладони расплылось ярко-красное пятно. Прикасаться к нему было немного больно, а когда я в темноте перестилала сбившееся одеяло, в воздухе отчетливо просматривались крошечные электрические искры.

Ему не верится, что все получилось. Что он здесь, в ее комнате, смотрит на безмятежное лицо, на подрагивающие во сне ресницы. Может коснуться ее, вдохнуть запах, ощутить тепло, исходящее от тела.

Она ничего не чувствует. Еще слишком слаба, чтобы ощутить его присутствие, но уже желанна. На ней знак Кроста, но что такое защита бога грозы для настоящей темной магии? Игрушка, не более.

Девчонка еще не понимает, какая сила в ней скрыта. Не осознает магическую красоту, которой наградили ее предки. Сейчас в голове Деллин тысячи вопросов, но ни одного нужного.

И ему придется ждать. Иначе Крост все испортит. Иначе он сам все испортит.

Но поиграть ведь не возбраняется? Совсем немного, только на мгновение ощутить ее страх, напомнить о тьме, сгущающейся вокруг, о том, что он совсем рядом, что стоит малышке закрыть глаза, он будет в ее снах, а вскоре и мыслях.

Черные лепестки мягко касаются ее щеки. Падают на пол. Кружатся в воздухе, невесомо оседая на конспектах и учебниках.

Спи спокойно, Деллин. Впереди долгая ночь.

В первое мгновение после пробуждения утро перед выходными напомнило мне утро перед Рождеством. В душе поселилось приятное предвкушение. Сразу после завтрака ворота школы откроются, чтобы выпустить нас в город. Можно будет прогуляться, купить необходимые мелочи и просто сменить обстановку. Я ждала похода в город, как ребенок ждет похода в зоопарк.

Открыла глаза, потянулась и... краем глаза заметила, как что-то мелкое и черное свалилось с постели. Сонливость как рукой сняло, я резко села и ахнула.

Все вокруг было усыпано розами.

Звучит, как романтическое утро прекрасной девушки, но в реальности я еще никогда так не пугалась. Потому что розы были черными, одни головки, без стеблей. Они цветочным ковром покрывали пол, стол, мою постель, даже на шкафу валялись лепестки и бутоны!

Я не знаю, сколько сидела на постели с колотящимся сердцем и огромными глазами рассматривала случившееся безобразие. Пугали даже не розы, не их цвет, а то, что, пока я спала, кто-то побывал в моей комнате. Или не был? Способна ли магия на такую пакость?

Сомнений в том, чьих рук это дело, не было. Я рывком откинула одеяло и спрыгнула на пол. Схватила со стула халат и почти выскочила в коридор, но вовремя опомнилась.

Спокойно, Деллин. Не хватало еще устроить публичный скандал. Ди Файр того и добивается: вывести меня из себя, напугать и показать, кто в доме хозяин.

В дверь постучали, звук получился такой громкий, что я вскрикнула и подскочила.

– Делл? Что у тебя там происходит? – раздался голос Аннабет.

– Ты одна?

– Да.

Я быстро открыла дверь и втащила подругу в комнату. Когда она увидела розы, не удержалась от крепкого словечка.

– Какой кошмар! Выглядит жутковато! Зачем ты их принесла?

– Это не я. Полагаю, наш огненный король открыл для себя волшебный мир языка цветов. Кажется, на нем вот это, – я обвела рукой комнату, – означает что-то вроде «шоб ты сдохла, зараза». Но я еще уточню в словаре.

– Как-то это... даже для Бастиана слишком. – Аннабет взволнованно покачала головой. – Может, расскажем магистру Кросту? Нельзя, чтобы в комнаты мог войти кто вздумается! Ты запираешься вообще?

Тут я задумалась, потому что запирала ли задвижку на ночь, не помнила. Я была так погружена в мысли о случившемся в храме, что вошла в комнату на автомате, да еще и Кейман смотрел в спину.

– Нет. Не знаю, – наконец сдалась я. – Ставлю зуб на то, что забыла. Но желание

забывать впредь отбито надолго. Поможешь все это убрать?

– А все-таки рассказать магистру Кросту?

– Он не раз давал понять, что не будет решать мои проблемы. Я не могу бегать с каждой неприятностью все четыре года обучения. Поверь, максимум, что Кейман скажет – «научись запираяться».

Пришлось изрядно попотеть, чтобы придумать, куда убрать все лепестки и розы, потому что мусорных пакетов в этом мире или не придумали, или забыли выдать мне. Пришлось импровизировать: складывать пакеты из оберточной бумаги, в которой мне прислали покупки.

Потом все это добро мы отнесли на помойку и направились в столовую. Эйген уже с аппетитом уплетал оладьи. В выходные кормили чуть интереснее, чем в будни, на смену кашам и омлетам пришли оладьи, хрустящая пшеница в карамели, крошечные бутерброды с мясом, по вкусу напоминающим язык. Так что никто не торопился быстрее сбежать в город, все были заняты завтраком.

Когда, наконец, со столов исчезли пустые тарелки, мы лениво побрели на выход. Я сжимала в руках кошелек с деньгами и список покупок. В нем первым пунктом значилась небольшая сумка через плечо, я увидела такую у Аннабет и оценила удобство.

Эйген увязался с нами, и меня никак не отпускало ощущение, что, оставшись без приятелей в лице Бастиана и его свиты, он избрал нас своей новой компанией. Не то чтобы я была против, но слова Кеймана крепко засели в голове: ведь Эйген дружил с теми, кто сейчас надо мной издевался. Если он такой приятный и хороший, то почему не свалил от Бастиана до того, как тот привязал его голым в столовой?

Впрочем, нельзя недооценивать силу коллектива.

Городок, к которому примыкала школа, оказался больше, чем я себе воображала. Мне представлялась небольшая деревенька с парой центральных улиц и кучей домишек. Я полагала, что такое учебное заведение, как магическая школа, следовало построить вдали от нормальных людей. Но персоналу, наверное, надо было где-то жить и отдыхать. Если бы магистров заперли с нами в чистом поле, до выпуска никто бы не дожил.

Я с интересом рассматривала аккуратные каменные домики, старалась не слишком глазеть на проходящих мимо людей. Здесь можно было увидеть намного меньше магии, чем во Флеймгорде, хотя кое-где мелькали яркие вспышки. В основной массе народ явно экономил крупницы. Хотя и шокирующей бедности, похожей на ту, что показывал Кейман, не наблюдалось.

Мы прошли по центральной улице, свернули к площади с фонтанами и торговыми палатками, немного постояли на симпатичном мостике через речку. И, едва пробило десять, Аннабет потащила нас в мэрию.

– На подработку нужно записаться, они передадут все сведения в школу. Это инструмент контроля, если что-то пойдет не так, выволочку можно получить сразу в двух местах. С другой стороны, благодаря этому нас не обманывают с оплатой и не заставляют тяжело работать: школа следит за подработками.

– Удобно, – согласилась я.

Эйген, очевидно, в подработке не нуждался и остался снаружи, пообещав нас дожидаться, хотя мы и не настаивали.

Мы оказались первые в очереди на трудоустройство. Помимо нас в аудитории расположились еще одна компания студентов, человек семь, двое мужчин и дородная угрюмая женщина. Всем выдали по листу с вопросами и дали двадцать минут на заполнение.

«Какие навыки у вас имеются? Какую работу вы бы хотели выполнять?» – и все в таком духе. Навыков нет, могу быть официанткой, няней и... не знаю, кем тут еще можно работать? Пришлось обратиться за помощью к Аннабет. Та написала просто – любую. Все листы мы отдали миловидной девушке. Процедура заняла не больше часа.

- И что теперь? – спросила я, когда мы вышли из аудитории в холл.

- Они проверят то, что мы написали, и завтра дадут нам несколько предложений по работе. Мы успели первые, так что предложения наверняка будут хорошие и много. Что будем делать сейчас?

- Мне нужно пройтись по магазинам, а потом я хочу посмотреть город. Может, сходим...

Я не успела договорить, меня за плечо дернул какой-то взъерошенный парень с большой папкой в руках. Он внимательно посмотрел на мое лицо, потом в папку. Потом снова на лицо и снова в папку.

- Да! Леди, а вы не ищете работу?

- Что-то я уже не уверена, – пробормотала я.

Во всяком случае, система с анкетами и мэрией вызывала у меня намного больше доверия, чем странный рыжий растрепанный парень с кучей каких-то листов. Которые он еще и уронил, от избытка эмоций не удержав свою папку.

- Нет-нет-нет! – затараторил парень, догадавшись, что я как-то неверно восприняла его предложение. – Вы меня не так поняли! Все официально, мы сдадим все документы в мэрию. Вы ведь адептка, да? Школы темных? А могу я спросить, с какого факультета?

- Темной магии.

Он чуть в обморок не свалился.

- Невероятно!

- Да в чем дело-то? – не выдержала я. – Что за работа?

- Дело в том, что я – художник. И я работаю на леди Найтингрин. Вы знаете, кто это?

Я, конечно, не знала.

- Леди Рианнон Найтингрин – самый лучший модельер королевства! Ее дома готового платья и ателье уникальных фасонов – одни из самых дорогих и престижных! Совсем скоро леди Найтингрин выпустит новую коллекцию, и нам очень нужны натурщицы для афиш! Работа несложная: в назначенный час вы придете в наш зал показов, вас оденут в одно из платьев леди Найтингрин, сделают подходящую прическу, и следующий час я буду рисовать вас в образе для афиш и каталогов. Пожалуйста, соглашайтесь! Вы идеально подходите для новой коллекции!

- Не знаю даже.

Мы с Аннабет переглянулись, но подруга пожала плечами. Ей предложение парня не казалось странным. Хотя, как мне подумалось, ее немного задело, что он говорил лишь со мной, начисто игнорируя ее.

Я попыталась сформулировать вопросы.

- Как выглядят эти платья? – наконец определилась.

- У меня с собой, к сожалению, только несколько эскизов. Это огненная коллекция вечерних платьев.

Парень протянул мне папку, в которой я нашла симпатичные рисунки самых разных платьев. В основном они были оранжевого, красного и желтого оттенков и действительно чем-то напоминали неповторимые всполохи пламени. Должно быть, богатые маги огня обожали наряжать в такие своих жен и любовниц. Ну, или я придираюсь, потому что из-за одного козла недолюбливаю всех, кто способен зажечь сигарету без абонентской платы.

- Всего шесть коллекций: огненная, водная, земляная, воздушная, светлая и темная. Я предлагаю стать вам лицом темной коллекции леди Найтингрин. Поверьте, такое предложение дорогого стоит! А конкретней...

Он написал какую-то сумму на крошечном клочке пергамента, но я не впечатлилась: порядок цен и уровни зарплат еще не отложились в голове. Зато Аннабет присвистнула и с легкой завистью на меня посмотрела.

– Вас что-то смущает? – спросил парень.

– Да, бесплатный сыр в мышеловке. Такое количество девушек ищет работу и с радостью прискачет на просмотр, а вы ловите модель в мэрии?

– Помилуйте, леди, неужели я похож на сумасшедшего, который осмелится обмануть адептку темной магии? Да за малейшее оскорбление в вашу сторону Кейман Крост превратит меня в ходячее умертвие! Мэри! Эй, Мэри!

Девушка, что раздавала и забирала анкеты, подошла к нам.

– Мэри, подтверди, что дом готового платья леди Найтингрин сегодня подал заявку на поиск натурщицы!

– Да, это так, – равнодушно кивнула Мэри.

– А можем мы найти анкету вот этой леди и отметить в ней, что мы берем ее на работу?

– Можно, если леди выразит согласие.

Я снова посмотрела на Аннабет в надежде, что она даст хоть какой-то знак. И она, чуть подумав, кивнула:

– Платья леди Найтингрин – это бриллианты среди булыжников. Я бы согласилась.

– Вы ничем не рискуете, – добавил парень. – Подойдете завтра, прочитаете контракт, посмотрите наряды – и примете окончательное решение. А информацию в вашу школу мэрия передаст сегодня же после обеда. Ну как?

– Ладно, – вздохнула я. – Давайте попробуем.

Потому что в противном случае мне грозит уборка столиков, уход за домашними животными или прогулки со стариками. И Бастиан не упустит случая меня этим попрекнуть.

В моей анкете дописали работодателя и на моих глазах упаковали ее в конверт на имя Кеймана Кроста, директора Высшей Школы темных. Конверт отправился в небольшую кучку таких же, а мы – на улицу. По дороге парень рассказывал, что я должна буду делать.

– Кстати, меня зовут Марьон, я – художник леди Найтингрин. Воплощаю ее гениальные идеи на плакатах и в каталогах. Уверен, вам понравится образ!

– Деллин Шторм, – в свою очередь, представилась я.

– Итак, Деллин, поскольку мы не можем работать всю неделю, я прошу вас завтра подойти к десяти часам в дом готового платья леди Найтингрин. Вы без труда найдете его на центральной площади. Боюсь, работа займет несколько выходных, но мы предоставим вам обед и все необходимое. Рисовать буду я, так что все вопросы вы сможете решить или со мной, или с моей помощницей. Я могу помочь вам чем-нибудь сейчас?

– Я сформулирую все вопросы и задам их завтра.

– Тогда до встречи, Деллин, – просял Марьон.

И все так же, не обращая внимания на Аннабет, почти вприпрыжку понесся через площадь.

– Салон леди Найтингрин вон там. – Аннабет показала на большое белое здание с колоннами. – Я тебе завтра покажу поближе.

– Думаешь, стоило соглашаться?

- О да! Знаешь, адепт может получить разную работу, но почти всегда она связана с тяжелым физическим трудом. А это приятная альтернатива мытью посуды в таверне. Да еще и более денежная. Повезло, что ты красивая.

Красивая? Я украдкой скосила глаза на ближайшую лужу. Ну... не страшная - это да. Пожалуй, у меня хорошие волосы: длинные, приятного цвета молочного шоколада, с переливами. Здоровые и тяжелые. Ну и немного необычными казались раскосые глаза, навевающие на мысли о том, что в предках намешалось немало интересных национальностей. В остальном я была скорее обычной, но то по меркам Земли, модельный бизнес которой диктовал свои правила.

Нанять симпатичную студентку, нарядить, как захотелось, заплатить чуть больше среднего... может, это и правильная тактика. Экономика должна быть экономной, как говорится.

Эйген встретил нас с двумя большими рожками мороженого, что меня ввергло в смущение, а Аннабет совершенно искренне восхитило.

- Круто иметь в друзьях богатого парня, - прокомментировала она. - Хотя и настораживает.

- Это почему?

- Знаешь, у меня воспитательница в приюте говорила, что большие деньги - большие проблемы, а от людей не своего круга лучше держаться подальше.

- Тогда вам не надо было приглашать меня за свой столик, - весело ответил Эйген, и нам ничего не оставалось, как согласиться: довод-то железобетонный.

- И что за работу вы ищете? - спросил Эйген, когда мы сели на скамейку у фонтана, чтобы спокойно поесть мороженое.

Аннабет прямо распирало от желания поделиться:

- Деллин предложили представлять платья леди Найтингрин!

- Не представлять, а просто позировать для плакатов, - поправила я. - Думается, между лицом коллекции и просто моделькой для каталогов большая разница.

- Это пока! - отмахнулась Аннабет. - Сначала тебя порисуют для плакатов и каталогов, потом пригласят представить коллекцию здесь, а на каникулах позовут во Флеймгорд! Подключатся другие модельеры - и ты станешь настоящей богиней моды!

- Ага, а Кейман повесится от осознания собственной педагогической несостоятельности.

Еще неизвестно, к слову, как опекун отреагирует на предложение Марьона. И почему мне кажется, что не придет в восторг? Только бы не запретил. Мне все меньше и меньше хотелось разносить стаканы. Надежда на лучшую жизнь - прилипчивая зараза. Едва перед носом замаячил призрачный и подозрительный шанс вырваться из нищеты, я тут же размечталась, как наивная старшеклассница.

- Если будет возможность, попроси у леди Найтингрин или ее представителя платье к огненному балу со скидкой, - посоветовал Эйген. - Даже в свите Бастиана наряд от Найтингрин доступен разве что Лорелей.

- Хочешь, чтобы меня ненавидел не только Бастиан, но и его подружки?

- Они и так тебя ненавидят. Они всех ненавидят, а с тех пор, как Бастиана на тебе переключило, у Лорелей и ее подружек появился общий враг. Женская ненависть плачет куда лучше женской дружбы, хочу я заметить.

- А почему ди Файра переключило на Делл? - спросила Аннабет.

- Ну... он не очень любит темных. И иномирянок. А темных иномирянок он не просто не любит... хотя, наверное, Делл первая такая, поэтому он и бесится. С темными сложная история. Бастиан не хотел ехать в эту школу, он считал, что огненному принцу место в

Школе огня. Но сила выходила из-под контроля. Зачисление в Школу темных он воспринял как ссылку и перестал общаться с отцом. Тот умер, так и не попрощавшись с сыном.

- Грустно, - вздохнула Аннабет. - Ну а что с иномирянками?

- Девчонки, - Эйген будто внезапно испугался, - вы же никому не расскажете все, что я здесь наговорил? Иначе ананас на меня не повесят, а забудут в самое...

- Мы поняли, - поспешно прервала его я - на нас уже начали оборачиваться, так эмоционально парень жестикулировал, - никому не расскажем. Даже под угрозой ананаса.

Аннабет фыркнула, чуть не уронив мороженое.

- Отец Бастиана любил развлекаться в компании иномирянок. Некоторые считают, будто девушки из вашего мира более продвинутые в постели, понимаешь? Все дети ди Файров с самого детства жили со знанием, что папа обижает маму, а она не может никуда уйти.

- Еще чуть-чуть, и я пришлю Бастиану кекс с сердечками, - пробурчала я.

- О, не спеши, он достойный сын своего отца, - хмыкнул Эйген. - У нашего величества много скелетов в шкафу. И с ним лучше не связываться. Ну, впрочем, вы это видели.

- А девушки ведь не наследуют титул главы рода? - спросила я. - Почему?

- Так исторически сложилось. На самом деле редко какая девушка обладает потенциалом, сравнимым с мужским. Такова природа. Ну а глава, который слабее любого своего родственника, долго не протянет. К тому же девушки выходят замуж и берут другую фамилию, так и род прерваться может. Поэтому у сильных родов всегда много детей. У Бастиана, например, три сестры, а счет двоюродных сестер и братьев идет на десятки.

- И все ждут, когда юное величество склеит ласты.

Необходимость сражаться за место под солнцем с малых лет хоть как-то извиняет поведение огненного короля. Если уж не воспитали в парне порядочность, то в двадцать с хвостиком внезапно обнаружить в себе это ценное качество практически нереально.

- Девочки любят Бастиана. Между собой, конечно, они почти не общаются, но предпочитают видеть во главе родного брата, а не дядюшку, который существенно ухудшит их жизнь. Брина очень хорошая. Мы познакомились, когда после окончания первого курса Бастиан пригласил всех к себе на летние каникулы.

- Ты уже рассказал ей, что вы... мм-м... поссорились?

- Еще нет, мы должны увидеться на каникулах после первого блока. Но Бастиан наверняка уже донес до сестры запрет на общение со мной. Брина слушается брата, один Крост ведает, что он ей наговорил.

Я встрепенулась, услышав имя бога. Только о том, что Эйген поминал именно покровителя грозы, а не магистра темной школы, я поняла не сразу.

- Бастиан весь прошлый год следил за мной и выяснял, насколько серьезно я отношусь к Брине. А сам... все эти девки вокруг него в любую минуту готовы прыгнуть в постель, даже если встречаются с его же друзьями! Лорелей...

- Эйген, - прервала я его, пока Аннабет от смеха не подавилась рожком, - тебя ананас ничему не научил, похоже. Еще один рассказ о постельных похождениях кого-то из семейки ди Файров, и я привяжу тебя к лавочке. На первый раз - одетым и без фруктов.

Парень накупил, покраснел, но умолк.

Расправившись с мороженым, мы отправились гулять по улочкам. Зашли в магазин с браслетами и крупицами. Меня поразили роскошь интерьера и подход к продаже самого важного атрибута любого мага. Это были не просто шнурки с бусинками, это были

полноценные аксессуары.

Здесь можно было купить браслеты из всех металлов, ремешки и шнурки мыслимых и немыслимых цветов. А сами крупы совсем не походили на те, что болтались у меня. Они могли быть разных форм, стилей, украшенные росписью или позолотой. И, конечно, все это богатство стоило дополнительных денег. Эйген потом показал нам обычный магазин круп и браслетов, где стояли четыре ящика и одна небольшая коробочка. Из них сухонький старичок тщательно отмеривал нужное количество круп. Естественно, они выглядели как обычные стекляшки.

– Ваш мир очень похож на наш, – сказала я, когда мы, закончив с покупками, шли обратно к школе, чтобы успеть на ужин. – Сначала кажется, что они жутко разные, нет техники, нет привычных законов, действуют совершенно другие правила, а еще магия сбивает с толку. Но когда тебе предлагают работать моделью или тыходишь в салон элитных браслетов с магическими бусинами... я прямо чувствую себя как дома.

Возле крыльца трое парней кидались друг в друга комком из грязной бумаги и радостно смеялись.

– Да. Точно как дома.

Но поход в город подействовал на меня как литр энергетика на студента перед сессией: я делала кучу дел, но ни одного полезного. А ночью долго ворочалась, не в силах уснуть. По десять раз прокручивала в голове разговор с Марьоном, представляла завтрашний день, а еще мысленно готовилась к тому, что на выходе из школы меня остановит Кейман. И вместо работы моделью я получу еще один листочек с наказаниями.

Нужно будет завести альбом и заботливо их туда вклеивать, а после выпуска пересматривать и умиляться.

Наверное, я заснула только под утро. И это нехорошо, ведь синяки под глазами редко к какому платью подходят. С другой стороны, в мире магии вряд ли нужен фотошоп.

А еще я трижды проверила замок на двери. И отключилась с мыслью, что если наутро в постели окажетсядохлая кошка, то просто прибью Бастиана ди Файра.

Глава 7

Аннабет и Эйген увязались со мной. Аннабет под благовидным предлогом: зайти в мэрию и узнать список вакансий для себя. А Эйген признался честно:

– Мне любопытно.

Ну и раз уж меня в первый рабочий день сопровождала целая делегация, я решила использовать это во благо: выдала Эйгену задание прочитать контракт вместе со мной, на случай, если я окажусь достаточно тупой, чтобы не понять там ровным счетом ничего.

В назначенный час мы стояли в холле роскошного здания, которое если и напоминало салон готового платья, то только издаleка. Я бы сказала, это был скорее театр, со всеми его помпезными атрибутами: позолотой, вензелями, идеально гладкими и чистыми ковровыми дорожками.

– Деллин! – воскликнул Марьон, который дожидался меня на небольшом диванчике. – Я боялся, ты не придешь!

«А я боялась, что Кейман костями ляжет на пороге академии и не пустит», – подумала я.

К слову, от магистра Кроста в последние дни не было никаких вестей. Или затаился, или, наконец, решил исполнить свою угрозу и перестать за мной поглядывать.

– А это кто? – спросил он, взглянув на Аннабет и Эйгена.

– Мои друзья.

– Боюсь, Деллин, я не могу пустить их. Новая коллекция строго конфиденциальна.

– Я иномирянка, Марьон, я взяла друзей для того, чтобы они вместе со мной читали договор. Не все законы и не все языковые особенности мне еще доступны.

– Ну ладно, – тут же сдался парень. – Но пусть они посидят в комнате отдыха! Если леди Найтингрин узнает, что я показал коллекцию посторонним, меня не просто убьют, меня уволят!

– Потрясающие приоритеты, – пробормотал Эйген.

Аннабет зато умела довольствоваться малым. Если Эйгена не восхищали дорогой интерьер, принесенная Марьоном чашка чая с печеньем и общая атмосфера роскоши и праздника, то Аннабет светилась и сияла, счастливая от соприкосновения с миром денег и благополучия.

Я пока себя понять не могла. Маленькой восторженной девочке внутри хотелось почувствовать себя принцессой и вволю насладиться вниманием. А вот адептка Школы темных, которую с порога не слишком-то ласково встретили, в спонтанное везение не верила. И с осторожностью осматривалась.

Едва Марьон принес контракт, мы склонились над тремя листами плотной бумаги, исписанными каллиграфическим витиеватым почерком.

Здесь ничего не знали о мелком шрифте или занудных формулировках. То ли потому, что леди Найтингрин не было смысла обманывать моделей, то ли потому, что слишком опасно накалывать друг друга при наличии магии вокруг. Но я не увидела в контракте ничего особенного.

Я позирую для иллюстраций в новых платьях и молчу о том, как они выглядят, и получаю деньги, а салоны леди Найтингрин получают взамен мои портреты.

– Ничего особенного, – подтвердил Эйген.

Что, серьезно? Вот так просто – найти хорошую работу, без подвоха? Даже не верилось. Я кое-как накорябала неудобным пером подпись, та вспыхнула золотистым свечением – и Марьон просиял.

– А теперь прошу за мной. Твои друзья могут подождать тебя здесь, через несколько часов мы сделаем перерыв на обед.

Все время, пока мы шли по длинным светлым коридорам к самому сердцу салона, у меня так билось сердце, словно я собиралась не рассматривать платья, а снова инициироваться в Совете Магов. Или сдавать экзамен, хотя это удовольствие в стенах Школы темных у меня еще впереди.

– Ну вот, – Марьон распахнул передо мной двери и пропустил вперед, – думаю, не ошибусь, если скажу, что это одно из самых охраняемых мест в городе. Новая коллекция Рианнон Найтингрин.

Я очутилась в большом светлом зале, полном манекенов, одетых в разные платья.

Леди Найтингрин, наверное, была хорошим дизайнером, потому что ее задумку я поняла сразу. Хотя что с меня взять, я ведь не видела ни одной местной модной коллекции. Пространство зала будто разделилось на шесть зон: огненное буйство красок, нежные переливы, напоминающие лазурное море, серебристо-серые пыльные мотивы, зелень, щедро украшенную цветами, белоснежные воздушные ткани и тьму, будто усыпанную переливчатыми звездами.

В каждом цвете я насчитала по шесть платьев. Одно обязательно было до невозможности роскошным, подходящим какой-нибудь принцессе или даже невесте, еще два, пожалуй, смотрелись бы уместно на красной дорожке, одно по виду больше напоминало легкое пальто и, как пояснил Марьон, являлось дорожным платьем. Ну и последнее, самое невзрачное в каждой коллекции, но исключительно на фоне прочих, повседневное.

– Самое смелое решение Рианнон! – с гордостью произнес Марьон. – Платья выше колен!

Я фыркнула, вспомнив, что в нашем мире платьем выше колен надо еще уметь выпендриться.

– А почему с коллекцией работают здесь, а не в столице? – спросила я.

– Рианнон родилась и выросла здесь. Но в столице коллекция тоже будет представлена. Итак, начнем? Для начала я расскажу в общих чертах суть того, что я хочу увидеть.

Марьон провел меня к темным платьям и, пока я в восхищении их рассматривала, рассказывал:

– На данный момент это самая роскошная коллекция леди Найтингрин. Каждому платью обязательно нужны название и легенда, а всей коллекции – общий концепт. По задумке Рианнон боги спустились к смертным. И именно так они должны быть одеты.

– И во что должен быть одет Крост?

– Ну, – смущенно кашлянул Марьон, – возможно, мы немного отошли от привычных легенд и... это художественный вымысел, понимаешь? Как книги о приключениях драконов. Драконы давно вымерли, и неизвестно, существовали ли вообще, но люди их рисуют, пишут о них книги и так далее. Вот и леди Найтингрин в своей коллекции фантазирует, как бы выглядели богини огня, воды, земли, воздуха, света и хаоса.

– Почему хаоса?

– А чего же еще? – странно покосился на меня Марьон. – Было бы глупо не взять богиню хаоса и смерти! На имени богини Таары можно сделать целое состояние! Собственно, в ее образ тебе и придется сегодня вжиться. Я изучил все легенды и все книги о богах! Я знаю, как из темной иномирянки сделать идеальную темную богиню!

Переодеться в костюм древней исчезнувшей богини смерти и показаться так всему городу на плакатах?

Кейман меня убьет.

– Деллин? С тобой все нормально? Может, тебе принести водички?..

- Не надо, - вздохнула я. - Водичка мне не поможет. Судьба моя предрешена. Так что нужно делать?

- На каждое платье мне понадобится полтора часа. Сейчас Марьяна тебя подготовит - и сразу начнем! Я должен отпустить тебя к ужину в школе, так что не будем терять ни минуты.

Он набрал в грудь воздуха и закричал:

- Марьяна! Мы готовы! Займись моделью!

Где-то в противоположном конце зала открылась незаметная дверка, и из нее выпорхнула худая и бледная девушка в темно-коричневом сарафане и белой рубашке с вышитыми птичками.

- Это моя сестра, Марьяна. Марьяна, это Деллин Шторм, наш образ Таары. Сделаешь из нее красотку? А я пока поставлю мольберты.

Марьяна приветливо мне улыбнулась.

- Ну? С чего хочешь начать?

Следующие часы моей жизни были одновременно самыми странными и самыми захватывающими. Какая девушка не любит красивые наряды? А если эта девушка ничего дороже пайеток и полиэстера не носила? Я чувствовала себя голливудской звездой, если бы в Голливуде была магия.

Марьяна привела меня в гримерку, выставила на полочке перед зеркалом кучу бутылочек и задумчиво пожевала губу, рассматривая мои волосы и лицо.

- Так, хорошо!

Ни кистей, ни помад, ни утомительной процедуры макияжа. Марьяна работала с магией и красотой. Она ловко снимала со своего браслета светлые бусины, и я преображалась. Волосы чуть потемнели («Не волнуйся, все придет в норму после первой помывки!») и лежали тяжелыми кудрями, отливающими странным металлическим блеском. Глаза благодаря темному макияжу стали огромными и какими-то колдовскими. Губы, наоборот, немного приглушили, чтобы образ не смотрелся пошло.

В зеркале отражалась не я. Вернее, у этой девушки было мое лицо, на ней была моя одежда - но и только. Я словно стала взрослее. Даже взгляд изменился. Возможно, мне почудилось, или это тоже было частью магии, но в нем появились какая-то надменность и легкая усмешка.

Затем мы пошли надевать первое платье, и, конечно, я выбрала самое пышное.

Пока Марьяна застегивала его сзади, я невесомо провела руками по переливчатой вышивке. На черной ткани крошечные бусинки сплетались в замысловатый узор, поблескивающий в дневном свете. Я даже не могла описать цвет. Слово «черное» было слишком простым для глубокого темного перламутра.

А еще платье оказалось очень тяжелым. Плотная ткань весила, казалось, целую тонну! Я не сразу поняла, как вообще в этой конструкции ходить.

Ничего лишнего, вроде кружева или блестящих цепочек, на платье не было. Только легкая струящаяся накидка, которая застегивалась на шее. Если смотреть спереди - то она выглядела как ожерелье, а сзади спускалась шлейфом.

Несмотря на то что платье было роскошным, дорогущим и прямо-таки фэнтезийным, я бы не хотела в нем куда-нибудь отправиться. В таком ни повернуться, ни присесть, а как в туалет сходить? Еще и снять без посторонней помощи вряд ли получится.

А вот два других платья мне понравились. Словно созданные для меня, они идеально сидели. Одно облегло фигуру - честное слово, я даже не знала, что она у меня есть! А другое смотрелось не так пышно, как первое, но зато за счет жесткого корсажа и декора на плечах, напоминающего крылья диковинной птицы, показалось мне идеальным.

Серьезно. Я влюбилась в него с первого взгляда, как увидела на себе в зеркале. Даже побоялась спрашивать у Марьона, сколько такое стоит.

Под каждое платье полагалась своя прическа. И чем сложнее был наряд, тем проще мне укладывали волосы. Для первого образа я позировала с крупными локонами. Для второго, облегającego, с высоким пучком. Для предмета моего вождения Марьяна сделала сложную прическу из двух кос.

Особенно меня восхитил процесс позирования. Я вставала на вращающуюся платформу, вокруг которой Марьон установил мольберты. И сразу пять карандашей взмыли в воздух по мановению его руки. Раздался шустрый скрежет: карандаши сами зарисовывали меня со всех ракурсов.

– Ты можешь шевелиться, только постарайся не слишком менять позы. Это их сбивает.

Я в это время размышляла о том, не получится ли у меня так писать лекции. Пожалуй, такая магия спасет от головной боли в конце учебного дня.

– Этому можно научиться? – спросила я.

Марьон пожал плечами:

– Наверное. Но такой метод требует огромного количества магии. Леди Найтингрин оплачивает наши крупницы, без ее помощи я бы так и остался художником в цирке. Рисовал бы афиши и рекламные листовки. Так, повернись чуть-чуть, ага, вот так.

– Сколько стоит такое платье? – не выдержала я, в очередной раз любясь запавшим в душу нарядом.

– О, по цене сравнимо с небольшим домиком в неплохом районе. Первый год после выхода новой коллекции платья существуют в единственном экземпляре. Поэтому каждая владелица уверена, что она – особенная. А уже потом цена снижается, и коллекция продается в домах и салонах леди Найтингрин.

Понятно: о том, чтобы подобрать платье на Бал Огня, и речи быть не может, я столько не заработаю, даже если буду позировать голой и из-под полы продавать картинки в школе. Значит, придется пройтись по магазинам и подобрать какой-нибудь наряд.

– Ну все, перерыв, – спустя три платья выдохнул Марьон. – Часик на обед и чтобы перевести дух. Можешь встретиться с друзьями. Обязательно поешь. Только, Деллин, я прошу, не смывай косметику и не переделывай прическу, иначе мы снова потратим на них кучу времени.

Я как-то засомневалась выходить, но отказываться было поздно. С удивлением увидела в холле Аннабет и Эйгена.

– Вы здесь? Я думала, вы пойдете гулять.

– Мы уже сходили, – ответил парень. – Аннабет забрала свои вакансии, потом мы прошлись по площади, а теперь вот решили тебя подождать, прежде чем сходить пообедать. Я чуть не сдох от голода, думал, тебя непустят. Девчонки, пожалуйста, идемте поедем, а?

Последнюю фразу он почти простонал, и я фыркнула.

– Вот это да-а-а! – Аннабет рассматривала меня так, словно видела впервые. – Ты и домой так пойдешь? Тебе нельзя умываться перед ужином!

– Ты нашла работу? – спросила я, чтобы сменить тему, обсуждение моей внешности всегда вызывало неловкость.

– Так... – уклончиво ответила Аннабет. – Кое-что.

Эйген уверенно шел через площадь, пробивая нам путь через толпу. В выходной день весь город высыпал на улицу. Развернулось шумное и яркое представление артистов, разложили товар многочисленные торговцы. Где-то поднимался дымок: жарили какое-то

лакомство. Вокруг сновали дети, и приходилось придерживать рукой сумку на поясе – на всякий случай.

– Эйген! – воскликнула Аннабет, как только стало ясно, куда он нас ведет. – Я туда не пойду, ты что, головой ударился?

– А что такое? – не поняла я.

– Спокойно. Я угощаю.

С этими словами Эйген буквально впихнул нас внутрь уютного помещения, рассчитанного буквально на десяток столиков. Это оказалось что-то вроде ресторанчика. Сдержанного, но дорогого. Пожалуй, если бы Эйген не решил нас угостить, я бы тоже поостереглась здесь обедать. Это, конечно, не платье ценой в дом, но тоже не мой ценовой сегмент.

А еще в ресторане уже были посетители. Сначала я не обратила внимания на шумную компанию в дальнем углу, но когда мы убрали куртки в шкаф и прошли в зал, я кожей почувствовала на себе чей-то взгляд. А обернувшись, увидела Бастиана.

Вот как в любовных романах и мелодрамах герои умудряются не узнать друг друга в маске или в костюме супергероя? Она вся такая серьезная и целеустремленная, он такой раздолбай и бабник, между ними ненависть. И вот после карнавала они просыпаются в одной постели после бурной ночи, в которой не узнали друг друга?

Да если меня кто-то бесит, я его пятой точкой на расстоянии чувствую! Даже если ди Файр будет в костюме мумии, чтобы его не узнать, мне придется выпить больше, чем способна выдержать человеческая печень. Даже волшебная человеческая печень.

На какой-то миг надежда, что огненный король по-королевски проигнорирует появление подданных, еще была жива. Но она тотчас, едва Бастиан с грохотом отодвинул стул, сдохла в мучениях.

– Что вы здесь делаете? – процедил он сквозь зубы.

Глянул на Эйгена и брезгливо поморщился. Была у меня мыслишка, что Эйген привел нас сюда не случайно. Но даже самый хороший актер не смог бы так помрачнеть при виде бывшего приятеля! Мне показалось, он даже дернулся к выходу. Но минуты моего драгоценного обеда стремительно таяли, так что я уходить не собиралась.

– Мы пришли пообедать. А ты что? Подрабатываешь здесь?

У меня получилось задать вопрос так непринужденно, что даже за столиком Бастиана кто-то фыркнул. Судя по его взгляду, сегодня за ужином за нашим столиком станет тесно: всех неугодных отправят в ссылку.

– Вас здесь не обслужат, – холодно сообщил Бастиан.

Я мельком взглянула на хостес, и по ее лицу поняла, что он, возможно, даже прав. И что делать? Развернуться и уйти, признав, что хозяин этого мира все-таки ди Файр? Устроить скандал и привлечь внимание к себе?

Вот где требуется помощь богов! Не током надо бить гуляющих девиц, а бронировать им столики в ресторанах.

– Ты меня слышала? Тебе здесь не место. Уходите.

Если Бастиан участвует в гонке за призом, то он выбрал неправильную тактику и выигрыш ему не светит.

– Ну, зачем же уходить. – Сначала мы услышали звук открывшейся двери, а вслед за ним и голос. – Я с удовольствием пообедаю в компании адепки Шторм и ее друзей. Или меня здесь тоже не обслужат, а, ди Файр?

Обернувшись, я увидела магистра Оллиса. Мне нравились его лекции, но на них он выглядел дружелюбным и веселым. А сейчас буквально сверлил Бастиана взглядом. По

лицу огненного короля было видно, как нелегко ему дается внутренняя борьба. Огромное желание быть хозяином мира и ресторана, в частности, сражалось с благоразумием. Может, не будь Кейман главой школы, Бастиан бы и вступил в перепалку с магистром. Но и за меньший косяк он уже схлопотал наказание.

Тучи, сгустившиеся было над ресторанчиком, рассеялись. Величество нехотя посторонилось, а магистр Оллис повел нас к столику в противоположном конце зала.

– Вы потрясающе выглядите, Деллин. Если не секрет, в честь чего такая прическа? Подбираете платье на Бал Огня?

– Нет, просто нашла кое-какую работу в салоне готового платья. Нужно быть симпатичной, – ответила я, глазами делая Аннабет знак, чтобы не сдавала меня.

Просто на всякий случай. Вдруг мне повезет и Кейман не узнает, что я позировала в роли Таары?

– Спасибо, что вмешались, магистр Оллис, – сказала я. – У вас не будет проблем из-за Бастиана?

– Проблем? – Оллис усмехнулся. – Какие проблемы могут быть у преподавателя из-за адепта?

– Он ведь не просто адепт, вы и сами знаете. Глава Дома Огня. Притом злобный и мстительный.

Я вспомнила море из черных роз в комнате и поежилась. Еще у него, кажется, с головой не в порядке. Но это я говорить не стала. Быстро сделала заказ и бросила взгляд на часы, чтобы прикинуть, сколько у меня осталось времени, чтобы поесть.

– В магическом сообществе не принято мстить преподавателям, которые наказывали тебя за косяки. То есть я, конечно, не знаю, насколько господин ди Файр планирует придерживаться традиций... теоретически возможно всякое. Но на самом деле мало кто выпускается из школы, одержимый ненавистью. Мы даем путевку в жизнь, учим распоряжаться силой, данной природой. Нам не мстят, к нам ведут детей. На встречах выпускников большинство вспоминают подобные эпизоды со смехом и ностальгией.

С магистрами не спорят, но я слабо представляла себе Бастиана, утирающего слезы ностальгии кружевным платочком. Что-то подсказывало, что едва он выйдет из школы не адептом, а полноценным магом, всем настанет капец. Учиться ему еще два года, придется за два года освоить экстерном темную магию. Иначе можно заворачиваться в простыню и ползти на кладбище.

Принесли заказ. Наверное, в присутствии сразу двух мужчин, весьма недурных как внешне, так и в общении, стоило изобразить леди и заказать салат, изящно потягивая весь обед единственную чашку кофе. Но я половину дня простояла в тяжелых платьях, и предстояло еще столько же! Так что я с наслаждением уплетала кусок сочного, идеальной прожарки, мяса. Правда, отказалась от вина, которое любезно предложил магистр Оллис.

– Ну что, молодежь, уже решили, с кем пойдете на Бал Огня? Я порой жалею, что магистрам запрещено приглашать адептов. У нас, знаете ли, с парами проблемы. Или приводишь из города, или ищешь среди коллег. Правда, единственная коллега, способная танцевать, – магистр Ванджерия. А она, к сожалению, не пойдет ни с кем, кроме магистра Кроста.

Так я была права! Чуть на стуле не подскочила. Стервозная магистр действительно подружка Кеймана.

– Ну, так что, Деллин? Вы уже решили, с кем пойдете на бал?

– Боюсь, что на первый раз одна.

Сначала я хотела ответить «меня еще не приглашали», потом вспомнила о призовых и включила режим «хочу сосредоточиться на учебе». К слову... магистрам запрещено приглашать адептов на танцы, а участвовать в подпольных азартных играх им, часом, не

разрешено? Иначе с чего бы Оллису вдруг помогать нам в ресторане?

Все, Делл, ты становишься параноиком. Эйген неспроста с нами дружит, Оллис не просто так нам помог. Еще осталось задуматься, по чьей наводке меня взял на работу Марьон, и можно вместо школы проситься в психушку.

- Не такое уж плохое решение. Думаю, на празднике вам найдется, с кем потанцевать.

- Нужно купить платье, - напомнила Аннабет. - Идем в следующие выходные?

- Если не будет работы, - кивнула я. - А какой дресс-код?

На меня уставились три пары непонимающих глаз. Я не сразу сообразила, что слово «дресс-код» вырвалось на родном языке. Местного аналога я не знала, а кристалл не смог помочь.

- Что нужно надеть? Любое платье? Или есть правила?

- Никаких правил, кроме одного: на Балу Огня все девушки в платьях огненных цветов.

- Ой.

Целая школа девушек одинаковой расцветки? Да им номерки надо на спины клеить!

- Это что-то типа уважения к другим стихиям, - пояснил магистр. - Мы разные, но живем в одном мире. Поэтому на празднике огня девушки надевают огненные платья, а мужчины - значки факультета.

- А почему мы платья, а вы - значки?

- Потому что если еще и мы явемся разноцветные, то бал превратится в цирк-шапито, - хмыкнул Эйген. - Кто-то же должен оттенять вас.

- На самом деле все проще, - улыбнулся Оллис. - Традиция зародилась в том числе и из-за этого. Как-то так сложилось, что не принято надевать на официальные мероприятия одежду не своего цвета магии. Ну, то есть темный маг может надеть и темно-синее, и черное, это будет воспринято нормально. Но явись он в светлом или, скажем, в красном? Но страсть девушек к нарядам вообще сложно сдержать. А огненные... специфично относятся к покусениям на их индивидуальность и темперамент. Поэтому Совет и решил, что если безобразие нельзя остановить, то нужно его возглавить. Так что теперь в знак уважения девушки наряжаются в соответствии с правилами.

- А если я не уважаю? - Я покосилась в ту сторону, где сидела компания Бастиана.

- То Кейман выпишет новое наказание. Кстати, напоминаю, что первое еще не отработано. Мой вам, Деллин, совет: выберите день среди учебных. Потому что в выходные вы вряд ли выберетесь, да и мне больше нравится во время отдыха обедать с симпатичными девушками, а не надзирать за тем, как они моют полки в подвале.

Даже Аннабет, услышав это, покраснела, а Эйген не удержался от удивленного взгляда. Мое же время стремительно подходило к концу, оставалось всего минут десять, чтобы расплатиться и вернуться к Марьону.

Но достать кошелек мне не позволили.

- Деллин, вы меня обижаете, - усмехнулся магистр Оллис. - Я не способен взять деньги с девушки за обед.

- Спасибо, - улыбнулась я. - За все. Ребят, я побежала. Не ждите меня, встретимся за ужином.

Было жестоко оставлять Аннабет и Эйгена одних наедине с магистром и компанией Бастиана. У дверей я посторонилась, чтобы пропустить девушку с подносом, и невольно бросила взгляд на столик огненного короля. Парень буквально прожигал меня взглядом, задумчиво-злым. Мой внешний вид он явно заметил и, похоже, сделал свои выводы. Не хватало мне еще слухов, что я обедаю с магистрами. Хорошо хоть ребята дождались меня. Без них встреча с Оллисом выглядела бы еще страннее.

- О чем задумалась? – спросил Марьон.

Я как раз позировала в дорожном платье. Пять самописных карандашей усердно скрипели, набрасывая эскизы. На следующих выходных Марьон пригласил посмотреть, что получится из рисунков. На неделе он должен доработать все эскизы и показать их леди Найтингрин. А уж потом, получив высшее одобрение, запустить в работу. Услышав это, я слегка заволновалась. А если владелице не понравлюсь я в роли модели? На оплате это, конечно, не скажется, но все равно будет обидно.

- О Бале Огня, – призналась я. – У нас праздник, на который нужно прийти в каком-то платье с огненными мотивами. Извечная проблема «что надеть».

Хотя в моем случае было бы разумнее проигнорировать бал. В уважение после стычек с Бастианом все равно никто не поверит. Сказать больно труда не составит: Кейман в курсе, что голова у меня болит частенько. А его подружка делает все, чтобы «частенько» превратить в «постоянно».

Но мне хотелось побывать на магическом празднике. В памяти крепко засело увиденное в центре столицы. Дамы в красивых платьях, музыка, всполохи магии, невероятная красота всевозможных праздничных декораций. Хотя одним глазком взглянуть на фэнтезийный бал – разве Бастиан сумеет его испортить?

Вопрос риторический.

- Хочешь, я спрошу, есть ли у нас что-то из прошлых коллекций?

- Спроси. Но, боюсь, даже прошлые коллекции мне не по карману. Неразумно тратить все сбережения на платье.

- Я спрошу у Марьяны, она наверняка знает какую-нибудь мастерскую, где шьют симпатичные и не затасканные платья. Она многих здесь знает.

А вот интересно: если все модницы школы будут заказывать платья в одном городе, не превратится ли Бал Огня в сельскую дискотеку, где за похожее платье можно как следует отхватить от разъяренных красоток? Не всем же в академии шьют на заказ.

К концу дня я была вымотана так, что едва стояла на ногах. Когда Марьон объявил конец, я без сил опустилась в кресло и залпом выпила половину графина с водой. Парень куда-то убежал, а через пять минут вернулся с увесистым мешочком, в котором звенели монеты.

- Твой гонорар. Деллин, я до сих пор нахожусь от тебя в совершенном восторге! Леди Найтингрин очень понравятся рисунки, я уверен! Такой Таары мир еще не видел. Спасибо, что выручила меня. Я и правда почти отчаялся найти идеальную натурщицу.

- Тебе спасибо, – улыбнулась я. – На такую работу я даже не рассчитывала.

- Если будет еще, я обязательно тебя позову. Тебя проводить до школы?

- Нет, спасибо. Я сама, скоро ужин, мне нужно вернуться до него. Побегу.

Марьон снова провел меня через зал с платьями, и я в последний раз с тоской посмотрела на свое идеальное черное платье. Девушка, которая в скором времени будет его носить, настоящая счастливица.

А потом мой взгляд зацепился за манекен в самом дальнем конце комнаты. Не удержавшись, я прошла вперед.

Тоже платье. Из огненной (кто бы сомневался!) коллекции. То, что Марьон назвал смелым решением: короткое, облегающее, но с кокетливой, чуть расширяющейся к подолу юбкой и не свойственными вечерним платьям рукавами до локтей. Цвет ткани напоминал закат над морем: потрясающий градиент от ярко-оранжевого к темному, почти черному. И крошечные частички блесков, которые, играя на свету, создавали иллюзию искр.

- Нравится? – с гордостью спросил Марьон. – Из огненной коллекции. Одно из самых

дорогих. Вот эти искорки – осколки огненных крупиц. Это платье в прямом смысле сияет магией! Жутко дорогое, аж дышать страшно!

– Как дом, – усмехнулась я.

– Как два дома! – вполне серьезно ответил парень. – Если не больше.

Несколько миллионов за наряд на вечер. Так вот ты какая, мода другого мира.

Глава 8

В первые дни учебного года я поражалась тому, сколько на самом деле адептов вмещает школа. Столовая была набита битком, свободные места можно было пересчитать по пальцам. К счастью, одно из них оказалось за нашим столиком. Почему-то никто не желал к нам садиться, но я бы не сказала, что Эйген или Аннабет от этого страдали. Я – тем более.

Расписание, которое все получили за ужином, было намного плотнее, чем индивидуальная подготовка. В день как минимум по четыре пары, всего шесть предметов. Введение в темную магию, история королевств, зельеведение, магическое право, физическая подготовка и основы практической магии. Введение в темную магию все так же вела Яспера, историю королевств и магическое право – магистр Симон, только теперь занятия делились на поточные лекции и семинары. Магистр Оллис значился преподавателем основ практической магии, а зельеведение преподавал какой-то магистр Дайндри, но его пары стояли в последний день недели, сразу четыре штуки.

– Это чтобы времени хватило на зелье, – пояснила Аннабет. – Ну и чтобы отконвоировать к лекару тех, кто сварит какую-нибудь бурду.

Я имела серьезные опасения, что стану почетным автором бурды, но предпочла промолчать и просто дожидаться занятия.

Группа темных магов была одна и насчитывала всего десять человек. Девушек среди них не было. Я смотрелась белой вороной, и если остальные магистры воспринимали мое присутствие спокойно, то Яспера не упускала случая поиздеваться. На самом деле я почти научилась спокойно воспринимать ее подначки и сосредотачиваться на выполнении заданий. Если я одновременно переживала из-за придинок и пыталась построить в ровный ряд скачущие буквы, то позже расплачивалась адской головной болью и тошнотой.

Но в одно из занятий случилось кое-что, превратившее Ясперу из пристрастного и несправедливого преподавателя в лютого врага.

Мы снова писали конспект учебника. Это была ее любимая форма занятия. Не знаю, сколько в такой писанине было смысла, часто суть того, что я писала, от меня ускользала. Позже, в комнате, я не спеша читала пройденные параграфы и даже находила информацию в них интересной. Учебник рассказывал о возможностях темной магии, об известных темных магах, об опасностях и подводных камнях. Исторические вставки я читала, как легенды, а в учебном материале обнаруживала множество невероятных вещей.

Например, некоторые темные маги могли слышать эфемерных существ, заключенных в артефактах. Или духов леса, например. Правда, автор тут же уточнял, что нынче в мире почти не осталось магических мест, которые обладали бы собственной силой, но, тем не менее, кое-где еще можно было услышать, как шепчутся призраки старых замков!

А еще Яспера любила дисциплину. На ее занятиях мы должны были быть идеально ухоженными, на парте должен был быть идеальный порядок. И если кто-то, по мнению магистра Ванджерии, дисциплину нарушал, она вполне могла шлепнуть по руке, заставляя писать аккуратнее, или отпихнуть ногой сумку из прохода. Именно эта ее мерзкая привычка и сыграла с магистром злую шутку.

Я всегда писала как курица лапой по вполне понятным причинам. Шариковые ручки – незаменимая вещь, которую незаслуженно игнорировали в мире магии. По возможности я старалась писать карандашами: они не растекались, не пачкали руки и бумагу. Но с Ясперой этот фокус не работал, приходилось мучиться с перьями. Естественно, в моей тетради были каракули.

Само собой, однажды Яспере это надоело, и она легонько шлепнула меня по руке со словами:

– Адептка Шторм, если вы считаете, что эта мазня достойна оценки, то попробуйте обратиться в школу искусств. А это магическое учебное заведение. Немедленно

исправьте этот ужас!

Неожиданная волна злости поднялась внутри, я открыла было рот, чтобы осадить неадекватную бабу, но вдруг раздался щелчок, аудиторию озарила вспышка – и Яспера отскочила на добрый метр назад, врезалась мягким местом в парту. Вдобавок ко всему от удара током ее волосы в прямом смысле встали дыбом. Вид у магистра был донельзя комичный, и всей группе пришлось прикладывать нечеловеческие усилия, чтобы не заржать.

– В кабинет Кроста, – выдохнула она. – Немедленно.

Так я снова оказалась в кабинете Кеймана. И мне даже было немного стыдно под его суровым взглядом. Но еще и обидно: я все-таки не специально! Хотя, если быть честной с собой, то все еще неплохо повернулось. Я двинула мерзкой Яспере, а теперь откошу (или хотя бы попытаюсь) под соусом «оно само». Рот-то я открывала явно не для того чтобы сказать «Да, магистр, я все сделаю». А отмазаться, что огрызнулась случайно и неконтролируемо, чуть-чуть сложнее.

Правда, из уст Ясперы история звучала так, что я даже посочувствовала бедной женщине, вынужденной преподавать у агрессивных дебилов. По лицу Кеймана нельзя было сказать, поверил ли он ей, но, выслушав, кивнул:

– Благодарю, магистр Ванджерия. Дальше я сам, спасибо.

Не знаю, хотела Яспера присутствовать при казни или нет, но Кеймана слушалась беспрекословно. Тишина висела еще несколько минут. Я делала виновато-смущенный вид, а Кейман явно веселился, потому что... ну, он же темный. Наверняка чувствовал, что я ощущаю совсем не раскаяние.

– Ну и как ты это прокомментируешь? – поинтересовался магистр.

– Руки прочь от темных, – буркнула я. – Кто ее взял на работу?

– Я.

«Заметно». – Я успела прикусить язык и только подумала гадость.

– Магистр шлепнула меня по руке за почерк, я разозлилась. А дальше что-то бумкнуло, и у нее испортилась прическа.

– Что-то бумкнуло? Само?

– Ну да.

А что? Пятачок в мультике тоже не сразу понял, что бумкнул его собственный воздушный шарик.

– Да не хотела я ее током бить! Не знаю, как так вышло.

– А что ты хотела? Честно.

– Честно? Послать ее.

– Ну вот и послала. Дай сюда расписание.

– Что, опять наказание? – вздохнула я.

Кейман молча протягивал руку. Я отдала листок с табличкой, и, взяв перо, он принялся что-то вписывать в пустые строчки.

– Вот, – отдал мне. – Будешь ходить на дополнительные занятия и учиться контролировать магию. Язык придется учиться контролировать самой. Посылать магистров настолько же запрещено, как и бить их электричеством.

Зато я могу изобрести кофеварку. Если как следует разозлюсь. Учительница в школе говорила, что я пойму, как важно образование, лишь став взрослой. Похоже, этот день настал.

– А... – Я открыла рот, увидев в графе «преподаватель» фамилию Кеймана. – К вам на занятия?

– Ко мне на занятия, – спокойно подтвердил магистр.

– Лучше бы наказание, – вздохнула я.

И Кейман даже не обиделся, только хмыкнул.

Итого в моем расписании на ближайшую пятницу оказался час отработки наказания с Оллисом и час индивидуальных занятий с Кейманом. А на следующий день надо было к Марьону, посмотреть получившиеся рисунки и пытаться, где же добыть платье на бал.

Хотя «пятница» – не то слово. Рабочих-то здесь дней шесть, плюс два выходных. И никто не парился с их обозначением: просто ставили дату и месяц, а выходные дни обводили в календарях кружочками. Пока шла на ужин, размышляла, как бы назвать этот шестой день? Постпятница? Предсуббота? Лишнийбудень?

На входе в столовую меня оглушило аплодисментами. Шум стоял такой сильный, что я не сразу поняла, чему все так бурно радуются, и огляделась. Даже за столиками факультета огня раздавались редкие хлопки.

Да-а-а, Ясперу здесь не любят. Ну, или не любят меня и аплодируют тому, с каким изяществом я приблизилась к мучительной смерти и отчислению. Слегка покраснев, я села за стол.

– Мне в расписание надо включить лекции по предмету «Как не привлекать к себе внимания», – пробурчала.

Может, Кейман и этому научит?

– Не могу сказать, что одобряю драки с преподавателями, но разряд могла бы дать и посильнее, – хмыкнул Эйген.

– Почему Ясперу не любят?

– Знаешь, темный факультет – самый малочисленный, но она еще и замдиректора по воспитанию, так что мозги выносит всем. И держат ее тут только потому, что сосет хорошо.

– Эйген! – воскликнула смущенная Аннабет.

– Что? Это не я, это Бастиан так говорит. А у него отец был на короткой ноге с Кростом. Ты думаешь, преподы по ночам с вдохновенным лицом смотрят на луну и пишут стихи? Да у них гадюшник круче нашего, все со всеми переспали, все всех подсадили и дружно попилили финансирование от короны. Кстати, Делл, кто-то уже вбросил в народ карикатуры на взъерошенную и злобную Ванджерия, так что жди завтра новый выпуск «Вестника».

– «Вестника»?

– Анонимный школьный журнал. Картинки и злобные подписи. Никто не знает, кто его выпускает, но все школьные события освещаются там довольно забавно.

– Потрясающе. Я – героиня дня.

– Ты – героиня года. Темная иномирянка, которая сначала на глазах у всей школы пошла против ди Файра, а потом еще и шарахнула молнией Ясперу...

А еще скоро где-нибудь наверняка повесят плакаты со мной в образе поехавшей богини. И это идет первая неделя учебы в школе. А мне четыре года здесь сидеть! Просто полный капец.

После обеда у всех первых курсов стояло занятие по физре. Это показалось немного странным: разве можно заставлять студентов бегать, прыгать и отжиматься, когда они только что поели?

Но нас рассадили на скамейках в спортзале, и тренер откашлялся:

– Адепты. Сегодня у нас будет вводное занятие, на котором мы определим нашу с вами будущую стратегию обучения и запишем вас в секции. Итак, для начала прошу поднять руки тех, кто имеет задокументированные освобождения или ограничения.

Тишина – руку не поднял никто, и это, кажется, обрадовало тренера.

– Тогда переходим к следующему вопросу. Как вы знаете, в нашей школе есть четыре разных спортивных направления. В каждом есть свои нормативы и соревнования, а лучших адептов мы отправляем на чемпионаты между высшими школами. Чем бы вы ни занялись: водными спусками, боевым искусством, ориентированием или крылогонками – сможете попытаться счастья и пробиться в лигу спортсменов нашей школы. А лучшие крылогонщики еще и подготовят показательные выступления в конце года. Это большая честь, зачет по моему предмету тем, кто попал в одну из команд, выставляется сразу. Чтобы определиться со спортом, у вас есть неделя. Можете посетить каждую тренировку и хорошенько подумать. Но если кто-то уже решил... разумеется, менять спортивное направление можно только раз в год, поэтому отнеситесь к выбору ответственно.

– Я уже решила, – Аннабет поднялась, – пойду к земельникам. Бегать по лесу в поисках клада или захватывать флаг интереснее, чем пытаться не утонуть, балансируя на небольшой дощечке. И уж точно безопаснее, чем получать деревянным мечом по носу или сверзиться с крыши на крыльях. А ты что думаешь?

А я и не думала, первый полет на крыльях навсегда влюбил меня в них. Я понятия не имела о правилах крылогонок и изящных программ, просто хотела летать. Поэтому вместе с небольшой частью адептов-первокурсников подошла к столу и записала свою фамилию в графу крылогонок.

Только бы там никак не отличиться!

Таинственный и многообещающий «Вестник», увы, не вышел. Но мне было плевать. На самом деле, даже если бы на школу свалился метеорит, я бы только обрадовалась возможности поспать подольше.

Нагрузка в прямом и переносном смысле сбила меня с ног: первые пять дней учебы я почти не запомнила. Вставала утром, завтракала, затем носилась по кабинетам с лекции на семинар, затем обедала, два часа делала задания на следующий день и два часа потом тренировалась. Сначала тренер просто гонял всю группу то по залу, то вокруг школы, то заставлял кувыркаться, то прыгать в длину и высоту, а потом, после короткого душа, мы разбредались по своим тренировкам.

Халявы, которую мне дал Кейман в первый раз, больше не было. Сначала нас просто учили обращаться с крыльями, потом мы отрабатывали падения с небольшой высоты, учились тормозить крыльями о воздух, чтобы не сломать себе что-нибудь. Я бы еще добавила занятия по отработке ползка в медпункт, но это почему-то мало кого заботило.

К ужину я приходила в практически сонном состоянии, с раскалывающейся головой. С друзьями мы почти не общались: хоть Эйген и был полон сил и энтузиазма, Аннабет пребывала в такой же прострации, как и я.

А еще я поняла, как избавляться от головной боли. Зелье, выданное лекарем, не помогало, зато можно было снять с браслета крупцу магии и растереть между пальцами. Тогда боль проходила, и спала я без задних ног.

Но крупцы следовало беречь, поэтому по большей части я мучилась, просыпаясь каждые два часа с диким желанием как следует поорать.

Учебой и тренировками загружали всех, так что даже происшествий особых не было. Я, правда, с ужасом ждала нового занятия у Ясперы, но оно грозило мне сразу после выходных – хотя бы успею перед смертью отдохнуть.

Ну и еще отработать наказание у Оллиса и посетить занятие Кеймана. Хотя после адской недельки они воспринимались скорее развлечениями, чем работой.

– О, Крост, неужели завтра выходной?! – за обедом, после того, как кончились пары,

простонала Аннабет. – Это было невыносимо. Я сейчас умру.

– Привыкнешь, – фыркнул Эйген. – Второй блок самый жесткий, третий уже полегче, а четвертый весь состоит из подготовки к экзаменам. Чем дальше обучение, тем больше самостоятельности и проще справляться. Хотя, говорят, последний курс из-за диплома и экзаменов адский. Что будем делать завтра?

– Я – спать до обеда, – мечтательно протянула я. – А потом в город, Марьон обещал показать рисунки и подсказать, где купить платье для бала.

– А у меня с утра дела, но днем можем встретиться, – сказала Аннабет.

– Кстати, что за работу ты нашла? – спросила я подругу.

Она как-то уклончиво пожала плечами:

– Да так, ничего особенного.

Это показалось подозрительным, но усталость вытеснила все домыслы. Я с нетерпением ждала момента, когда последняя минута занятия у Кеймана закончится. Наверное, отключусь прямо в его кабинете.

Но сначала отработка наказания. Повезло, что у Оллиса, а не у Ясперы. Правда – это выяснилось буквально через несколько часов, – мне совершенно без разницы, под чьим руководством влипать в истории. И в каком подвале находить загадочные вещи – тоже.

Пришлось спросить дорогу у завхоза, потому что в подвальных помещениях школы я еще не бывала. Туда вела небольшая лестница, притаившаяся слева от холла. Я поежилась, спускаясь в прохладный коридор с обшарпанными стенами. Роскошной и стильной школа была в жилых помещениях, а вот технические оставляли желать лучшего. Даже запах говорил о том, насколько старое это здание. Мои шаги гулким эхом отдавались в полупустом коридоре. То тут, то там встречались пустые тележки, коробки, набитые хламом, швабры, метлы и другие инструменты.

Когда незнамо откуда вдруг вывернул магистр Оллис, я от неожиданности взвизгнула и подскочила.

– Деллин, – улыбнулся он, – извини, напугал. Готова? Идем, покажу фронт работ. Здесь не очень уютно, это правда. Кейман давно грозит поувольнять всех хозяйственников, но не может не признать, что трудовые наказания в условиях школы, полной богатеньких детей, весьма продуктивны. Итак, прошу, это хранилище всякого хлама. Сюда свозят все, что по той или иной причине перестало быть нужным: старую посуду, некомплектное постельное белье, всякие картины и подобные вещи. Периодически интерьеры школы обновляют, а то, что жалко выкинуть, свозят сюда.

– Пожарная инспекция упала бы в обморок в полном составе, – пробормотала я.

Здесь были и шкафы с посудой и с книгами, и огромные стопки картин. Некоторые предметы вызвали любопытство, хотелось рассмотреть их поближе. Особенно статуэтки танцовщиц, сделанные из дерева и вручную расписанные серебристой краской. Но я не решалась начать бродить по комнате и все трогать. Меня ведь не на экскурсию привели.

– Предлагаю тебе начать с книжного шкафа, – сказал Оллис. – Рассортируй книги на те, что нужно выкинуть, и те, что еще могут послужить. Годные экземпляры клади вот на эту тележку. Их потом рассортируют и передадут в качестве благотворительности в какую-нибудь деревенскую библиотеку. А совсем старые издания, со ссохшимися страницами, не пригодные к чтению, нужно выбросить. Их складывай вот в этот мешок. Только прошу, Деллин, не таскай тяжести! И мешок и тележку потом заберут парни, у меня завтра отбывает наказание целая команда боевиков. За то, что сперли из учебки деревянные мечи и развлекали первокурсниц поединком с иллюзорным драконом... Дракон сжег сарай завхоза и выбил окно в кабинете магистра Кроста, так что весь год парни будут помогать по хозяйству и писать рефераты по управлению иллюзиями.

– А Бастиана среди них нет? – с надеждой спросила я.

Мне бы грела душу мысль, что до конца года напыщенный индюк будет копать в

старой ветоши.

- В случае с адептом ди Файром директор соблюдает тонкий баланс между уважением к главе сильного магического рода и преподавательской строгостью. Поэтому нет. Бастиан в качестве наказания работает в другом месте.

Не стала спрашивать, в каком, по лицу Оллиса поняла, что тема скользкая и обсуждать чужие наказания преподавателю с адепткой не стоит.

- Когда закончишь сортировку, протри полки. Вода и тряпка вон там. И можешь быть свободна. Приятно чувствовать выходные, да? Последний шажочек.

- Предпоследний. У меня еще занятие у магистра Кроста. Из-за инцидента с магистром Ванджерией.

- Да, я слышал об этом. Значит, твою силу взял под контроль лично директор?

- Он же мой опекун. Наверное, ему влетит, если я случайно покалечу кого-нибудь.

- Наверное.

Мне почудилось, что Оллис будто бы о чем-то задумался, он даже на пару секунд завис, глядя поверх моей головы. Это его так весть о моих занятиях с Кейманом впечатлила?

- Ну ладно, оставляю тебя наедине, так сказать, дабы во время наказания думала о своем поведении.

Если я буду думать о том, из-за кого вообще попала на наказание, то вместо разбора книг учиню внеплановый демонтаж шкафа.

Но все же хоть я и смертельно устала, уборка стала иллюстрацией той самой поговорки про «лучший отдых – смена деятельности». От меня не требовалось читать названия книг, писать по ним конспекты и обдумывать новую информацию. Взяла с полки, проверила состояние, определила в нужную кучу. Физически я, конечно, вымоталась к концу первой полки, а вот голова хорошо разгрузилась. Может, на занятии у Кеймана я и выживу.

Работала быстро. Большинство книг без раздумий отправляла в мусор. Их не брали в руки так давно, что они просто рассыпались. От пыли и мелких клочков бумаги я чихала, но вода и тряпка немного спасали положение. Через полчаса я уже освободила две верхние полки и почти всю среднюю – оставались три тонкие книжки в темно-синих переплетах. Наверное, какое-то собрание сочинений. Я схватилась за ближайшую и... не сумела вытащить ее с полки. Дернула вторую, третью – они словно приклеились.

Осмотрев стенку и полку, я не нашла ничего, что могло бы помешать снять книги, поэтому обхватила все три и потянула.

Со странным, не свойственным макулатуре скрипом книги поддались на несколько сантиметров. Затем раздался щелчок. И шкаф задрожал, а я невольно отступила на несколько шагов назад.

Медленно, будто скрытый механизм давно не использовался (а так, наверное, и было), шкаф разделился на две половины. Они медленно разъехались, одна уперлась в тележку, и мне пришлось сдвинуть ту в сторону. Между полками, прямо в стене, открылся ход. Уводящая вниз лестница из добротного темного камня слабо освещалась свечами комнаты, в которой стояла я.

Книги оказались фальшивкой. Рычагом, открывающим дверь.

Ну конечно, это же старый замок! Неужели здесь не найдется завалящего тайного хода. Интересно, а Кейман знает о нем? Скорее всего, да, сложно представить, чтобы магистр Крост не знал чего-то о собственной школе.

От любопытства я даже подпрыгивала на месте, забыв и об усталости, и о наказании. Ступеньки, уходящие в темноту, так и манили. Было бы чистым безрассудством спуститься в неизвестность, не умея обращаться с магией, но внутри все аж чесалось!

Поэтому, вспоминая все просмотренные фильмы и прослушанные книги, я достала из сумки лист бумаги и быстро написала на нем две записки:

«Ушла в тайный ход, который открывается, если потянуть на себя три синие книги на средней полке. Было очень любопытно. Деллин».

Одну оставила прямо на полке, белый клочок ярко выделялся на темном дереве. А вторую засунула в сумку. Логика простая: если я войду в ход, а дверь за мной закроется, то меня откроют по записке на полке. А если я войду, а ход закроет какой-нибудь недоброжелатель, то когда будут искать, обязательно перетряхнут сумку. О том, что недоброжелатель мог подглядывать и видеть, куда я спрятала записку, как-то не подумала.

Пахло неожиданно приятно. Как в старой часовне или в какой-нибудь пещере. Света, конечно, не было, но глаза привыкли к темноте. Я осторожно, проверяя каждую ступеньку, шла вниз. Напряженно вслушивалась в звуки, но ничего не происходило: проход не закрывался, никто не выпрыгивал из темноты.

Наконец лестница кончилась, и вдруг стало светлее. Коридор куда-то свернул, и я рассмотрела в его конце большую круглую металлическую дверь с множеством рычагов, заклепок и замков. Тяжеленная, наверное. А самое обидное: заперта. Вот будет смех, если это просто какая-нибудь подсобка, в которой уборщица хранит запасы стирального порошка. А я тут с одухотворенным видом исследую подземные ходы. Если об этом узнают в школе, ржать будут до самого диплома.

Поверх двери шла какая-то надпись. Потемневшие от времени буквы едва различались в тусклом рассеянном свете... чего? Я не нашла никакого источника.

– Входящий, преклони колено перед великими богами, – прочитала я.

Снизу рассмотрела еще одну надпись, поменьше:

– Забытое становится легендой, а вечный сон, как правило, безумен.

Потрясающе. Вряд ли это склад «Фейри», похоже, школа действительно очень старая и это что-то типа храма. В принципе логично: если есть часовня Кроста, то когда-то были и места для поклонения другим богам. Потом боги стали вне закона, часовню закрыли на большую противоядерную дверь и спрятали за шкафом, чтобы деятельные студенты не убили в приступе любопытства сродни тому, который напал на меня.

Но что-то все же смущало, и я никак не могла понять, что именно. Дверь не поддавалась, замки наглухо заклинило. Настало время возвращаться в подвал и домывать полки, иначе опоздаю к Кейману на занятие. Там заодно и спрошу, что это за место.

Я уже развернулась было к выходу, когда вдруг догадка вспыхнула в мозгу. Медленно я повернулась и снова взглянула на буквы.

Они были мне незнакомы. Я неплохо выучила язык с помощью кристалла Кеймана и уж точно запомнила начертание всех символов местного алфавита. То, что я видела на стене, было совершенно мне незнакомо. Но при этом необъяснимым образом я понимала смысл написанного.

А еще буквы не прыгали и не рябили в глазах, как обычно во время чтения. Я впервые в жизни могла читать фразу так, как это делают обычные люди! Это так шокировало, что я, открыв рот, стояла и смотрела на стену.

Потом опомнилась, рванула, спотыкаясь, по ступенькам обратно наверх. Мне срочно нужно было проверить теорию! Схватила сумку, вытряхнула на пол учебники и открыла первый попавшийся. Разочарованно застонала: буквы привычно пустились в пляс.

В коридоре слышались шаги. Действуя больше на эмоциях, я задвинула книги-обманки обратно, и части шкафа съехались, закрыв тайный ход. Почему-то не хотелось говорить о нем Оллису.

– Деллин? – Магистр заглянул в помещение. – У тебя все нормально?

- Да, а что? - Я скомкала оставленную на полке записку и сунула в карман.

- Ничего, просто напоминаю, что осталось пятнадцать минут. Успеешь?

- Да, без проблем.

Я быстро разобралась с оставшимися полками и задумалась. Как бы так замаскировать муляжи, чтобы ни у кого не возникло вопросов, зачем они здесь? Хотя у Оллиса наверняка они рано или поздно появятся. Но, может, я успею поговорить с Кейманом и спуститься сюда еще раз, чтобы выяснить, почему дислексия вдруг отступила. Что-то подсказывало, у Кеймана есть для меня много ответов, но не всеми он готов делиться.

Ничего лучше, чем закрыть книги старыми часами, найденными в углу, я не нашла. В конце концов шкаф невозможно отодвинуть, он - часть механизма тайного хода.

Меня немного потряхивало, пока я переодевалась и мыла руки перед занятием с Кейманом. Читать без усилий, не бросая все силы на понимание написанного, оказалось невероятно. Я шла по внутреннему двору школы с мыслями о том, что если бы дислексия отступила, то учеба показалась бы раем! Так задумалась, что чуть не врезалась в Кеймана, как раз выходявшего из преподавательского корпуса.

- Занятия отменяются? - с надеждой спросила я.

- Размечталась. Идем.

- А куда?

Мне пришлось едва ли не вприпрыжку мчаться за быстро шагающим магистром.

- В лес. Ты же не думала, что мы будем учиться самоконтролю в опасной близости от невинных людей?

- Предлагаю пойти в комнату Бастиана. Там невинных точно нет.

- А вдруг ди Файр бережет себя до свадьбы? - хмыкнул Кейман.

Я несколько раз удивленно моргнула, а потом хихикнула, представив себе целомудренного, чтящего семейные ценности огненного короля. В этой безумной фантазии на нем были круглые, как у Гарри Поттера, очки и белая рубашечка с воротничком. Непременно застегнутая на все пуговицы, под самое горло.

- Знаете, - сказала я, когда школа исчезла из виду и за нами выросла стена деревьев, - фраза «пойдем в лес, я тебя магии обучу» уже не кажется мне привлекательной.

Наконец мы остановились на живописной полянке, словно созданной для какой-нибудь волшебной иллюстрации. Вокруг плотным кольцом сомкнулся лес, кое-где виднелись яркие цветы и крошечные кустики земляники, а поваленное, причудливой формы дерево стало отличным стулом для Кеймана.

Сегодня магистр не надел пиджак, а длинные рукава темно-вишневой рубашки закатал до локтя. Как-то эта небрежность напрягала. Меня же не будут валять по земле?

- Садись, - скомандовал он.

- Куда?

- На землю. В центр. Чтобы тебя случайно деревом не убило.

Но вряд ли мне грозила смерть от шальной елки. Скорее меня разорвет на кучу маленьких Деллин от любопытства и желания поделиться находкой. Наверное, не стоило вываливать все Кейману, человеку, который меня вроде как ненавидит, но из всех в школе я могу поделиться только с Аннабет и Эйгеном, а они вряд ли ответят на вопросы.

- Шторм! - Я вздрогнула, поняв, что Кейман только что выдал мне какую-то информацию, а я пропустила ее мимо ушей. - У тебя всегда такая концентрация?

- А вам что, магистр Ванджерия не доложила? - буркнула я.

Тут же ойкнула и подскочила: руки ощутимо так кольнуло.

– О как, – снова хмыкнул магистр. – Значит, даже ди Файр не приводит тебя в такое бешенство, как Яспера.

– Бастиану я могу ответить. И в зубы дать. А ей нет.

– Не советую давать в зубы Бастиану ди Файру. Это может серьезно отразиться на твоём будущем.

Я закатила глаза.

– Вы ведь понимаете, что я образно! Бастиан – почти ровесник. Ну да, у него есть власть и все остальное, но все же мы в одном коллективе и подчиняемся одним правилам. В теории. А Яспера... то есть магистр Ванджерия – преподаватель. Я не могу ей ответить, как бы она меня ни доставала.

– Значит, тебя злит беспомощность?

– Наверное. – Я пожала плечами.

– Закрой глаза. И сосредоточься на чем-нибудь нейтральном.

– Погодите!

Не выдержала. Я хотела будто невзначай спросить о тайном ходе в конце урока, но любопытство сгубило кошку и мои планы.

– Ну? Что еще?

– Я сегодня отрабатывала наказание, мыла в подвале полки. И нашла там тайный ход. За старым книжным шкафом.

По лицу Кеймана нельзя было сказать, что он удивлен. Скорее, заинтересован. Он склонил голову набок, нахмурился и продолжил внимательнейшим образом меня слушать.

– Я туда спустилась. И увидела большую круглую дверь с кучей замков и всяких выступов. Над дверью и под ней были надписи.

– Какие?

Первые слова, прочтенные без усилий, я запомню на всю жизнь. Они врезались в память и до сих пор стояли перед глазами.

– Входящий, преклони колено перед великими богами.

– Раньше так писали, – кивнул Кейман. – При входе в храмы богов. Когда они еще правили миром втроем, у них были общие храмы, и перед каждым была эта надпись. Смертным запрещалось ступать на священную землю храма. Поэтому у самой двери они опускались на колени.

– А внизу было написано «Забытое становится легендой, а вечный сон, как правило, безумен». Что это значит?

– Понятия не имею. – Кейман равнодушно пожал плечами. – Цитата из древних писаний, возможно. Здание очень старое, ему много веков. Неудивительно, что на нижнем уровне когда-то был храм. В каждом королевском или герцогском замке был такой, власть в Штормхолде всегда шла рука об руку с покровительством богов. Не исключено, что владелец здания специально построил храм, чтобы приносить жертвы Тааре или проводить кровавые ритуалы для Акориона. Ну, или поклонялся Кросту. В зависимости от того, кто ему покровительствовал. Мы забили все ходы в школе, чтобы адепты не шатались по опасным закоулкам, но, видимо, этот пропустили. Я проверю его и закрою. Не хватало нам еще, чтобы кто-нибудь случайно там заперся.

– Слова были написаны на неизвестном языке. Но я их поняла. И... дислексия себя не проявила. Я прочитала фразы, как обычный человек читает обычный текст. Но я не знаю

этот язык.

А вот теперь Кейман позволил себе удивиться. Он взглянул на меня немного настороженно, с сомнением, будто не до конца верил в то, что услышал. А затем извлек из кармана брюк небольшой блокнот и карандаш.

– Символы выглядели вот так? – спросил он, протянув мне блокнот.

В нем было написано «Деллин Шторм» – мое имя. Я вздрогнула, поняв, что снова прочитала написанное без проблем. На секунду даже захотелось расплакаться: ну почему нельзя, чтобы так было всегда?! Почему я расплачиваюсь головной болью за каждый учебный день?

– Да. Вы знаете, почему я могу это прочесть?

– У меня на все один ответ, Деллин. Темная магия принимает разные формы. Это древний язык, от него отказались в пользу более простого и удобного, пришедшего из Бавигора. Очень давно.

– Но я никогда его не видела! И не учила! Так почему понимаю?

– С адептами стихий все просто, – чуть подумав, сказал Кейман. – Когда на первый курс поступает адепт огня, мы точно знаем, что так или иначе его сила будет связана с огнем. Аналогично и с другими стихиями. Со светлой магией тоже все ясно: целители, предсказатели и так далее. А вот темная... мы не знаем, как именно она проявится. Над чем темный адепт получит власть. Власть над древним языком – не самая плохая способность.

– Зато самая бесполезная, – вздохнула я. – Учебников на древнем языке нет.

– Возможно, я смогу перевести для тебя кое-какие материалы.

– Серьезно?

– Это не решит твою проблему, но частично облегчит участь. Как промежуточное решение – сойдет.

– А откуда вы знаете древний язык?

– Изучал, когда был адептом.

– А...

– Шторм. Время идет. Мы занимаемся, помнишь?

– Извините. Я просто удивлена.

– Здесь нечему удивляться. Твои силы раскрываются. Ты просто использовала магию, вот и все. Никаких секретов нет.

– А что за той дверью?

– Ничего.

– Я вам не верю.

– Как хочешь. – Кейман усмехнулся. – Мы засыпали все нижние уровни, чтобы не было риска обрушения. За той дверью глухая стена и ничего больше, лучшие маги Штормхолда укрепляли школу и делали перепланировку.

Я ему не поверила. Просто не поверила, и все, хотя никаких признаков лжи Кейман не выказывал. Но к таинственной двери меня неудержимо тянуло, если бы я не боялась наказания за сорванное занятие, то прямо с поляны снова понеслась бы туда. Хотя объяснение Кеймана и было в какой-то мере логичным, а главное, простым, я все равно отказывалась верить в совпадения.

– Закрой глаза и сосредоточься на чем-то нейтральном.

Нейтральном? Это сложно, когда голова забита всем, кроме «нейтрального». Я стала думать об ужине. О том, как я приду в столовую, сяду за столик, съем салат, выпью чашку чая, а потом вернусь в комнату и развалюсь на мягкой удобной постельке. И просплю до самого обеда, после которого...

Ни с того ни с сего меня вдруг накрыло такой яростью, что перед глазами встало красное марево. Я вскочила на ноги, испуганно озираясь, а над головой что-то гроыхнуло. Раздался треск – и рядом свалилось расщепленное надвое дерево.

– Эт-то я сд-делала? – От неожиданности я начала заикаться.

– Да, – Кейман смотрел даже с некоторым уважением, – это сделала ты.

– Я не знаю, почему вдруг разозлилась, я... Это вы меня заставили?

– Разумеется. В этом и есть смысл занятий со мной. Я не могу научить тебя не злиться, я могу только научить сдерживать спонтанные выбросы магии. Представляешь, если такой молнией ударит кого-нибудь рядом с тобой?

Представила. Поежилась, вздохнула и снова уселась на поляну. Меньше всего мне хотелось отправиться в тюрьму за случайное убийство.

– И как с этим справиться?

– Сейчас посмотрим, на какие эмоции ты реагируешь такими всплесками, а потом будем разбирать каждую.

Следующие полчаса оказались эмоциональным изматывающим адом. Кейман словно влез в мою душу и изнутри нажимал на нужные кнопки. Я снова разозлилась, успев подумать только о том, не обрезать ли для разнообразия волосы. Школьный лес потерял еще одно дерево, а небо затянуло серыми тучами. Правда, погоду я на свой счет не приняла.

Потом настал черед обиды. Накрыло такой жалостью к себе, что я не удержалась и всхлипнула. К счастью, моя обида для общества оказалась неопасной.

– Мне как-то не нравятся такие уроки, – пробурчала я, сморкаясь.

– Что поделать. Помнишь, я говорил, что тех, кто не может контролировать силу, отправляют в специальное заведение? Примерно так все и происходит. Магов годами заставляют эмоционально выматываться, чтобы вся сила просто выплеснулась наружу. Если хочешь лишить человека магии, то нужно постоянно держать его на сильных эмоциях. Никто долго не выдерживает. Магия не успевает восстанавливаться, а что там происходит с человеком – мало кого волнует.

– Это ужасно.

Одна мысль о том, чтобы испытывать такое каждый день в многократно усиленном размере, вызвала панический ужас. Им-то и накрыло не без помощи Кеймана. Страх сработал своеобразно: тучи над головами стали почти черными и нас окатило ливнем.

– И это я?!

– И это ты, – подтвердил Кейман.

Ему пришлось возвести над поляной защитный, переливающийся всеми цветами радуги купол, чтобы не промокнуть до нитки.

Потом было искреннее счастье (я только успела подумать, что согласна испытывать его постоянно, как радость быстро улетучилась). Потом волнение – на кончиках пальцев чуть сверкнули разряды тока. Потом удивление (никогда я еще так не офигевала от мыслей о прогнозе погоды).

А потом...

Тело бросило в жар, голова закружилась, а низ живота свело так, что не ошибешься в определении новой эмоции. Метафора про бабочек в животе никогда мне не нравилась,

но других аналогий я придумать бы не смогла.

Тут я уже не выдержала и вместе с возбуждением вполне определенного толка как следует разозлилась.

– Магистр Крост! Есть же хоть какие-то рамки!

Над головами снова гроыхнуло, а вспышка молнии оказалась такой сильной, что на миг меня ослепила.

– Шторм! – рявкнул Кейман. – Спокойно!

Но если бы я знала, как именно в таких ситуациях успокаиваться, я бы не оказалась на этой поляне. Слишком неожиданная и слишком личная эмоция, спровоцированная наглым вмешательством чужой магии, запустила цепную реакцию, которая от меня практически не зависела.

– Закрой глаза, – приказал Кейман. – Успокойся. Сейчас я тебя не трогаю.

Порыв ветра едва не сбил меня с ног. Тело подчинялось с трудом, я будто заснула и двигалась во сне с огромными усилиями, не понимая ни где нахожусь, ни что должна сделать. Время замедлило ход. В ушах звенело, а к горлу подкатывала противная тошнота.

– Понятно, – словно издалека услышала я усталый голос Кеймана, – перегруз.

Потом отключилась. Ну ее, эту темную магию.

Глава 9

Какое блаженство: выспаться!

Встать не по звонку на занятия, а просто потому что организму достаточно сна и он вновь готов к подвигам. Например, к выбору платья для Бала Огня. Первого бала в новом мире. Разве это не чудесно и не волнующе?

Я проснулась в прекрасном настроении, которое не смог бы испортить даже ди Файр со своими шуточками и издевками. Потянулась, лениво зевнула и вытащила из-под одеяла ногу, размышляя, нет ли в этом мире магической эпиляции. Лазерную-то нужно как минимум раз в полгода повторять, а где я здесь лазер найду? Надо будет расспросить Аннабет о достижениях магической косметологии.

Сейчас оденусь, схожу на обед – и в город. Смотреть на красоту, нарисованную Марьоном, гулять по магазинам и...

Стоп. Это не моя люстра.

И кровать больше, чем обычно. На своем втором ярусе я бы точно не смогла развалиться так удобно, как лежала сейчас.

Я резко села в постели, на всякий случай прижимая к груди одеяло. И не зря: в большой комнате, помимо двуспальной кровати, шкафа и кресел с камином, была рабочая зона. За массивным столом из светлого дерева сидел Кейман. Он склонился над книгой и что-то сосредоточенно там писал.

– А...

– Ты упала в обморок.

– Но...

– Если ты считаешь, что я должен был тащить бессознательную студентку через весь учебный корпус, чтобы полезли ненужные сплетни, то лучше молчи, потому что я еще надеюсь на твои мозги. Другие вопросы есть?

– Почему я без одежды?!

– Потому что у меня постель, а не сеновал. Ты сидела на земле, упала на землю, я должен был устроить в собственной спальне срач?

– И вы... – Я покраснела и решила не задавать этот вопрос. Меньше знаешь, крепче спишь.

– Я что, должен придумать историю о том, как тайно крался по школе к твоей подружке в комнату, чтобы она пришла и тебя раздела?

– Вопросов больше нет.

– Чудненько, тогда проваливай, Шторм. У меня сегодня, знаешь ли, тоже выходной, и я хочу провести его в постели. Один. Тем более что ты заняла всю кровать и не дала мне поспать ночью.

– Извините.

– Ничего.

Моя одежда – кстати, чистая и выглаженная, лежала на краешке кровати. Пока одевалась, с подозрением поглядывала на Кеймана, но тот был полностью погружен в чтение. Больше всего на свете мне хотелось сбежать отсюда как можно скорее!

– Следующее занятие будет в начале учебной недели. Тебе нельзя эмоционально перегружаться, когда ты устала.

– Хорошо. До свидания?

Вместо ответа магистр Крост рассеянно помахал рукой. Мне почудилась в этом жесте легкая издевка, но в состоянии крайнего смущения можно было и привидение увидеть. Более странного эпизода в Школе темных у меня еще не случалось.

На завтрак безнадежно опоздала, а «Кейман-хостел» по системе «все включено» не работал. Пришлось собираться в город в надежде перекусить где-нибудь. Все же хорошо, когда не нужно думать о деньгах. Заработанного у Марьона хватит на семестр, а там я подышу что-нибудь еще.

Сегодня я шла без Аннабет и Эйгена. Подруга наверняка с утра унеслась на работу, а где гулял наш сосед по столу, я не знала. И, честно говоря, была этому даже рада. Я не против друзей, но невозможно же везде таскаться всем вместе. Сейчас мне жизненно необходимо было пройтись в одиночестве и обдумать случившееся.

И найденную дверь, и занятие, закончившееся обмороком.

Кейман лгал, и не в первый раз. Ну, или у меня начиналась параноя. Технически я слабо представляла, как можно засыпать нижний уровень и не заметить дверь, ведущую из подвала. Хотя на практике чего только не случается, не лично же Кейман там махал лопатой. Но как же хотелось снова спуститься и проверить! Интересно, меня убьют, если застукают в подвале после отбоя? Поговорить, что ли, с Оллисом, наприсниться на трудотерапию.

А с занятием еще сложнее. Если вчера Кейман специально проверял, на какие эмоции реагирует мой дар, то впереди меня ждет много всего интересного. Как-то не улыбалось несколько раз в неделю ловить эмоциональный перегруз. Надо срочно научиться контролировать силу! Чтобы хотя бы слишком личные эмоции не валили вокруг дерева.

Но сколько же этой магии во мне, что даже без использования крупниц она лезет наружу, стоит мне разозлиться или испугаться? По эмоциональному диапазону я себе сейчас напоминала крошечную собачку. Таких обычно от любого события начинало потряхивать и колотить.

Утро выдалось серым и пасмурным. Холодало: заканчивалась осень. Уже не хотелось снимать куртку на улице или вальяжно прогуливаться, дыша воздухом. Я плотнее обмотала вокруг шеи шарф и поспешила в центр. Сначала позавтракать, затем – к Марьону, а потом в поход за нарядами. Если повезет, присмотрю что-нибудь, посоветуюсь с Аннабет и куплю.

Мне хотелось еще раз посидеть в чудном ресторанчике, поход в который даже ди Файр не испортил. По воспоминаниям там было очень уютно и вкусно. Сейчас не время обеда, так что вряд ли кто-то из свиты огненного короля мне помешает.

Однако когда я взбежала по ступенькам, то увидела небольшую вывеску с надписью «Закрыто навсегда».

Как жалко. И здесь малый бизнес выживает из последних сил?

Пришлось искать другое кафе, давиться невкусным кофе и вприпрыжку нестись к назначенному времени к Марьону. Он с нетерпением ждал моего прихода, страстно желая похвастаться результатом.

– Деллин! – воскликнул он, едва я вошла.

Схватил меня за руку и потащил вверх.

– Леди Найтингрин очень понравилось! Она просто в восторге! Плакаты вышли невероятные!

Часть меня немного волновалась до этого момента. До сих пор не верилось, что я вот так просто получила работу модели. Не разносчицы в кафешке, не уборщицы или гувернантки, а настоящей модели, пусть и с уклоном в магию.

– Мы должны посмотреть, как отреагируют на твой образ наши поклонники, но если все пройдет замечательно, а я в этом не сомневаюсь, то леди Найтингрин пригласит тебя представлять темную коллекцию на зимнем показе во Флеймгорде!

Я вдруг смутилась и неуверенно покачала головой:

– Боюсь, меня не пустят.

– В школе зимой каникулы, на которые почти все адепты разъедутся. Кто может тебя не пустить? Всем моделям организуют питание и проживание во избежание... ну, ты поняла.

– Наесть килограммов и порочных связей?

– Да, типа того. – Марьон фыркнул.

– И что, мне теперь нельзя набирать вес? Я не готова питаться фасолью. И вообще, темных магов мало, мы должны стремиться к расширению.

Парень оглядел меня задумчивым взглядом.

– Не думаю, что ты способна отъестся до показа. Я не видел еще ни одного толстого адепта вашей школы.

Я вспомнила несколько занятий по физре и тренировку на крыльях и тут же с этим согласилась. Крайне редко кто-то приходил на обед или ужин без аппетита. В основном всех укатывали так, что было совершенно неважно, что мы едим, главное, что просто едим.

– Дело не в школе, дело в опекуне. Подозреваю, на каникулах именно он распоряжается моим временем.

Пробелы в знаниях о мире до сих пор мне аукались. Я задавала вопросы Аннабет, Эйгену, доброжелательно настроенным магистрам. Но вот о том, какие права и обязанности есть у опекуна, ребята не знали, а магистров спрашивать было как-то неловко.

– Я уверен, что леди Найтингрин сможет договориться с твоим опекуном.

На этом разговор оборвался, потому что мы оказались в мастерской. Я ждала увидеть в рабочем пространстве художника традиционный творческий хаос: разбросанные краски, наброски, эскизы, цветные пятна на полу и стенах. Но кабинет Марьона больше напоминал операционную, нежели мастерскую. Идеальная чистота, все инструменты спрятаны в шкафы, а в центре огромного светлого зала стоят шесть подставок с плакатами.

При виде которых у меня открылся рот.

Наверное, во Флеймгорде я видела вывески, похожие на эти, но среди буйства магии и красок столицы не обратила внимания. А сейчас смогла рассмотреть вблизи. Когда я думала о плакатах со своим изображением, я представляла себе стандартные баннеры, какими были увешаны почти все города на Земле.

Это была я. И одновременно не я: у темной богини на рисунке было мое лицо, но образ, взгляд... особенно поразили ее глаза: темнее, чем мои, почти черные, полные надменности и уверенности. Это была словно улучшенная копия меня. А еще с ее руки, изящно протянутой вперед, срывалась магия. Она выходила за пределы холста, окружала его сверкающими черно-синими блестками.

Шесть разных богинь, в разных платьях, но с неизменно гордой легкой улыбкой и чарующими завораживающими глазами.

– Это не я, – только и смогла выговорить.

– Ты, – с улыбкой подтвердил Марьон.

– Нет, я серьезно, я не смогу показать такое во Флеймгорде. Одно дело встать в красивую позу, чтобы ты нарисовал меня в нужном образе, а другое – сыграть такое на глазах у толпы богачей. Я не смогу.

– Ну, разумеется, мы тебя научим, Деллин. Это целая профессия, которую осваивают

годами. Я знаю, что ты хочешь быть магом, но неужели не хочется подрабатывать, пока идет учеба? Получить свой кусочек славы? Это лучше, чем разносить пиво в трактире.

Тут он был прав на все сто. И как ни строй из себя девушку, которой не слишком-то и хочется быть звездой, внутри все равно сидит маленькая восторженная истеричка и кричит: «Аа-а-а! Нас покажут по телику! Пойдем купим красивое перо, чтобы раздавать автографы?»

– Ладно, я попробую, если леди Найтингрин действительно считает, что это хорошая идея.

Марьон просиял, и остаток часа мы пили кофе на балконе с видом на центральную площадь. Узнав, что я не завтракала, парень быстро сообразил бутерброды и пирожные. А еще Марьон пообещал, что плакаты к Балу Огня уже будут висеть.

– Мне осталось отрисовать еще светлую и водную коллекции. Затем мы отправим все плакаты на копирование, а потом разошлем по салонам леди Найтингрин.

И еще я получила адрес салона, в котором можно заказать пошив платья:

– Их не так много в городе. Наш салон готового платья и «Звезда Штормхолда» – салон пошива. Все остальное – мелкие магазинчики со скудным ассортиментом и космическими ценами. Девушки побогаче везут с собой платья из столицы, закупаются на каникулах. Ну а остальным остается то, что остается.

Поблагодарив Марьона, я сразу же поторопилась в салон, чтобы закончить с делами в один день и завтра просто отдыхать. Возможно, не выходя из школы. Я бы с удовольствием погуляла в лесу или просто поспала. Или уломала тренера дать мне на часок крылья...

Салон «Звезда Штормхолда» оказался небольшим домиком, напоминающим кукольный. Аккуратный, яркий, совершенно не похожий на роскошный и гляцевый салон леди Найтингрин, он стоял чуть в отдалении от площади, на одной из улочек, ведущих к центру. Здесь было не в пример тише и спокойнее.

Когда я вошла, звякнул колокольчик. Девушка, сидевшая за письменным столом, встрепнулась и подскочила. Сначала ее лицо озарила улыбка, но затем вдруг потухла. Интуиция тут же почувала неладное.

– Здравствуйте, – осторожно произнесла я.

– Здравствуйте. Я могу вам помочь?

– Да, мне нужно платье на Бал Огня в школе. Я бы хотела сшить его у вас.

– Нам очень приятно, что вы выбрали именно наше ателье, однако я вынуждена с сожалением вам отказать. Мест на пошив уже нет.

Я настолько не ожидала такого ответа, что, как полная идиотка, зачем-то переспросила:

– Совсем нет?

– Извините.

Мне почему-то вдруг показалось, что она врет, но прежде, чем я задумалась над этой мыслью, где-то в глубине здания раздался женский смех, а затем дверь за спиной девушки открылась, выпуская ди Файра и его неизменную спутницу – блондинку Лорелей, следовавшую за огненным королем прямо как верная фрейлина. Она и в школе всегда крутилась там, где был Бастиан.

При виде меня лицо Лорелей презрительно скривилось, а вот парень... ди Файр прямо лучился радостью. Фирменная, с издевочкой, улыбка не сходила с его лица. Я тут же пожалела, что не умею делать лицо, как у Таары с плакатов.

– А она что здесь делает? – Лорелей в гневе обернулась к растерянной девушке. – Я ведь велела ее не пускать!

– Ты велела? – нахмурилась я.

– Моя мать – одна из попечителей «Звезды Штормхолда». Тебе здесь не место, проваливай.

– Потрясающе, Бастиан. – Я даже в ладоши похлопала, хотя на самом деле больше всего на свете хотелось развернуться, сбежать куда-нибудь и вволю пореветь. Достали.

– А при чем здесь я? Желание дамы – закон, – усмехнулся он и демонстративно развязно обнял Лорелей за талию.

– Что в тебе не так? Почему ты так бесишься от одного моего вида? Влюбился?

Лорелей покраснела от злости, а вот у ее короля выдержка была получше. Ну, или его просто не задевали мои неубедительные попытки постоять за себя.

– Иди, выбирай платье в лавке подержанных вещей, Деллин, – лениво бросил Бастиан. – Там тебе самое место.

Я не придумала достойный ответ. Хотелось бы сказать, что я оставила за собой последнее слово, а затем гордо покинула салон, но нет. Под рукой не было апельсинового сока, а события последней недели вымотали настолько, что я просто развернулась и ушла. Закрывая дверь, слышала звонкий голос Лорелей, отчитывающей девицу.

Потом долго бесцельно бродила по улицам. Реветь перехотелось, злость на ди Файра уже казалась даже привычной. Глупо было полагать, что травля от его компашки закончится так быстро. В конце концов, я на нее вполне отчетливо нарывалась.

Трагедия невелика: ну не будет у меня пошитого платья на бал, и что? Куплю обычное, готовое. В конце концов, работа у леди Найтингрин хоть и дала почувствовать себя звездой моды, не превратила меня из небогатой сиротки в обеспеченную красавицу.

Пора возвращаться на землю. Как бы обидно это ни было.

За ужином не было ни ди Файра, ни Эйгена, но я все равно старалась есть быстрее, чтобы ни с кем из них не столкнуться. И, едва почувствовала, что наелась, сразу же рванула к себе в комнату.

На кровати лежала очередная коробка, на этот раз темно-бордовая. Сердце пропустило удар, а первым порывом было идти к Кейману и все ему вывалить, заявив, что я устала от идиотских шуточек. Но что-то все же заставило взять коробку и посмотреть, что внутри.

Я думала, сюрпризы на сегодня кончились, но портреты и стычка с Лорелей оказались лишь началом. Сомневаясь, не сон ли вообще все происходящее, я достала из коробки платье.

Видела его лишь однажды, но влюбилась с первого взгляда. Закат над морем – таким мне показался его цвет в залитом солнцем зале салона леди Найтингрин. А сейчас, в полумраке студенческой спальни, он больше напоминал языки пламени на фоне звездного неба.

Когда я доставала платье, выпала записка. Подняв ее с пола, я прочитала:

«Даже в темных порой горит огонь. Увидеть тебя в этом платье – одна из вещей, которые стоит сделать прежде, чем умереть».

Без подписи.

Капец! Полный!

Я узнаю эти сны по первым секундам. Они другие, не такие сумбурные, как прочие. Короткие и яркие, неизменно запоминающиеся, уж очень правдоподобны в них ощущения.

Постель закрыта полупрозрачным пологом, в который вплетены едва заметные блестящие нити. Ткань колышется от ветра, и кажется, будто я сижу в вихре

блестящих пылинок. Мягко втираю ароматный крем в руки, пряный и будоражащий запах окутывает меня, проникает в легкие, дарит приятную расслабленность.

Мужская рука обвивает талию, а горячие губы прикасаются к плечу.

– Что ты делаешь? – улыбаюсь.

Я знаю его. Но никак не могу узнать – вот в чем самая большая проблема этих снов. Узнаю прикосновения, узнаю запах и голос, но самая главная информация от меня просто ускользает. Впрочем, с каждой последующей секундой я все сильнее отключаюсь, подчиняясь медленным дразнящим ласкам.

– Нельзя!

– Тебе можно все. – Я слышу улыбку в голосе.

Чувствую горячие руки под рубашкой – и меня накрывает медово-сладкой дрожью предвкушения.

– Адептка Шторм! – услышала я сквозь дымку сна. – Адептка Шторм!

Яспера предупредительных выстрелов не делала: со всей дури магистр хлопнула линейкой по моей парте, отчего вся группа подскочила. Некоторых жизнь ничему не учит: под потолком что-то сверкнуло, и люстра опасно закачалась. Яспера, впрочем, не обращала внимания на незначительные угрозы собственному здоровью.

– Вы что, спите? – почти ласково поинтересовалась она.

– Извините, пожалуйста, – пробормотала я, пытаюсь протереть глаза.

Меня все еще потряхивало от неожиданно всплывших в сознании образов.

– Выходные, я так понимаю, прошли продуктивно.

Если бы! Я не спала уже две ночи. С того вечера, как принесли платье, я все пыталась логически осмыслить это событие. Кому понадобилось дарить мне его? Да еще и из коллекции, которую даже не выпустили в продажу! Не представили на показе. Как вообще это возможно?

Сначала я подумала на ди Файра. С него станется лишить меня возможности шить наряд, а потом подкинуть заколдованную вещицу, чтобы вволю повеселиться на балу. Но на его счет правильно высказалась Аннабет:

– Брось, Делл, даже Бастиан не станет выбрасывать целое состояние, чтобы над тобой поиздеваться.

Но Аннабет вообще странно отреагировала на новость: лишь восторженно щебетала, как все стервы из свиты огненного короля утрутся от одного моего вида на балу.

– А сам Бастиан навеки влюбится! – Подруга мечтательно закатила глаза.

– Ну, спасибо тебе, дорогая. Даже не знаю, что хуже: попытка убить или опозорить заколдованным платьем или пылкая во всех смыслах влюбленность. Причем у ди Файра самые большие шансы на любовь до гроба со мной, потому что гроб мне пришлют буквально сразу же, стоит ему заикнуться о том, что я больше не вызываю в нем жажду крови.

Эйген подтвердил: на платье не было никаких заклинаний, так что я исключила из числа подозреваемых ди Файра. Оставался Кейман. Даже не знаю, пугало это или наоборот.

– Адептка Шторм! – снова вернула меня в реальность Яспера. – Повторите, о чем сейчас шла речь.

– Мм-м... скоро будет открытая лекция профессора из Бавигорской Магической Академии.

– И какова тема этой лекции?

Тут-то я и срезалась: если первая часть речи Ясперы худо-бедно пробилась сквозь сон, то потом меня отвлекла резкая смена рейтинга на «почти восемнадцать плюс», и тему открытого семинара я пропустила.

– По древним языкам, адептка. Если не способны запомнить, запишите.

Магистр вернулась на кафедру и оглядела группу строгим взглядом.

– Для рассчитывающих на положительную оценку по моему предмету присутствие обязательно. Остальным, – она задержала взгляд на мне, – по желанию.

В общем-то, прямее намек не придумаешь: даже если я спасу почтенного профессора от неминуемой гибели и внесу свой посильный вклад в развитие науки, получить зачет будет сложнее, чем победить дракона.

– У нее жалованье, что ли, от явки зависит? – недовольно бурчали одногруппники.

– Некому писать конспект семинара.

– Давайте скинемся ей на парня?

Я брела по коридору к аудитории по зельеведению и вполуха слушала возмущения однокурсников. Но мысли витали где-то далеко, сонливость никуда не исчезла. Кофе бы, а еще лучше – часок перерыва, но кто же даст мне целый час посреди учебного дня? Тем более вместо первого практического занятия по составлению простейших зелий.

Уже когда я села за парту, вдруг дошло: семинар по древним языкам! Как тот, что я увидела в подземелье!

– Ну что ж, господа хор-р-рошие. – Сухонький профессор зельеведения всегда почему-то тянул буквы «р», будто когда-то давно картавил и теперь боялся снова сорваться.

А еще он часто отвлекался на лирические отступления.

– Сегодня у вас важный день. Будем готовить пер-р-рвое в вашей жизни зелье!

Он поднял палец к небу, видимо намекая на торжественность момента. Я украдкой зевнула.

Аннабет все уговаривала рассказать о розах и платье Кейману. И это я еще умолчала про подаренный гребень. Но меньше всего мне хотелось разговоров на такие темы с опекуном. Если это его шуточки, то вряд ли признается. Гораздо надежнее на выходных сходить к Марьону и выяснить, как платье из новейшей секретнейшей коллекции попало ко мне в спальню. Уж он-то явно в курсе имени заказчика. А вот если нет, будем думать дальше. До бала еще шесть с лишним недель.

– Р-р-рецепт вашего пер-р-рвого зелья на доске! И тот, кто ответит на воп-р-прос, получит оценку на балл выше. Что это за зелье?

Мы с дружным непониманием уставились на доску. Это что, слет экстрасенсов? Как можно угадать назначение зелья по составу?

Хотя на первой паре магистр долго распинался на тему ингредиентов зелий, типов зелий и всего такого. Думай, Деллин, ты же всю пару мурчала от удовольствия, что ничего не надо писать, а просто слушать! Ну, слушай, может, хоть трояк получишь. Балл плюсом к двойке как раз «удовлетворительно».

Но из всего списка ингредиентов я вспомнила только два: сапфировую пыль – о ней магистр говорил долго, ее по большей части добавляли в чай. Некоторые сорта травяных напитков обладали невероятным вкусом, но жутко тонизирующим, вплоть до риска сердечных проблем, действием. В такие чаи для нейтрализации побочных эффектов добавляли сапфировую пыль – этот характерного синего цвета порошок. Получался он путем какой-то хитрой сушки каких-то не менее хитрых цветков. Это я уже не запомнила.

Ну и второй ингредиент – корень забавной травки чисхи – еще на прошлой лекции по свойствам напомнил валерьянку и ею же был обозван.

– Успокоительное? – не слишком уверенно предположила я.

– Легкое снотвор-р-ное для детей, – подтвердил профессор. – Самое безвр-р-редное целительное зелье из существующих. Я уже гово-р-рил, что не стану пр-р-реподавать вам углубленный кур-р-рс зельеведения, потому что без магии земли вам не свар-р-рить даже пр-р-ротивопр-р-роклыйный настой, но, господа адепты, базовые вещи нужно знать. У всех вас, я полагаю, будут дети, котор-р-рые будут плохо спать. Поэтому готовимся ко взр-р-рослой жизни.

– А если я считаю, что дети – забота жены? – хмыкнул парень на задней парте. – Я не собираюсь вникать во все эти бабские штучки про детей и их здоровый сон.

Профессор посмотрел на него поверх очков.

– Вы можете зелье не вар-р-рить.

– Че, правда?! – От такой халявы парень даже опешил.

Я бы на его месте не радовалась.

– Ну, р-р-разумеется, – с готовностью подтвердил профессор. – Более того, адепт, посещение моих занятий совер-р-шенно необязательная вещь. Хотите – пр-р-риходите, хотите – нет, главное др-р-ругим не мешайте.

– А когда за зачетом?

Вокруг народ уже откровенно ржал, а я стремительно избавлялась от иллюзии, что Школа темных – это школа лучших. По большей части это скорее школа сильных и богатых. Про мозги в условиях поступления, по ходу, ничего не было.

– За каким зачетом? – наивно удивился магистр.

Или он был гениальным актером, или действительно легко и просто относился к жизни.

– По зельеведению.

– А-а-а, за этим. Ну, в конце года, р-р-разумеется. Повер-р-рьте, юноша, я не валю адептов на экзаменах. Если все зелья сданы и пр-р-ровер-р-рочные р-р-работы написаны – зачет для вас лишь фор-р-р-мальность. Ну что? Все? Вопр-р-росов больше нет?

– Вы же сказали, что зелья можно не сдавать!

Мне показалось, старичок даже закатил глаза.

– Адепт Кор-р-рви, к сожалению, посоветовать вам не вникать не только в «бабские» вопр-р-росы, но и в вопр-р-росы р-р-размножения, было бы непедагогично. Однако я смею выр-р-разить надежду – исключительно в качестве лир-р-рического отступления от темы нашего занятия, – что подобный сплав глупости и магического потенциала мне до заслуженной пенсии чер-р-рез тр-р-ри года больше не встр-р-ретится. Хотя, помнится, когда я еще был всего лишь аспи-р-рантом, мы летали на конфер-р-ренцию зельеведов в Бавигор-р-р, и...

Он снова пустился в воспоминания, забыв и про нас, и про зелье. На задней парте шло бурное обсуждение того, является ли сказанное магистром оскорблением, а я все думала о том, что некоторые в моей группе – мини-копии Бастиана. Только у них власти нет, поэтому они тихо выпендриваются на задней парте и мечтают, как будут строить жену и детей, а у Бастиана ресурсов больше.

И он строит меня.

В варке зелья не оказалось ничего сложного. Если следовать инструкции и не щелкать клювом, то ничего не взорвется и не выкипит. Правда, я едва разобралась с управлением котла, но в итоге все же замешала сносную базу. Потом добавила главные ингредиенты, прогрела и приготовилась насыщать зелье магией.

Тут нервы немного сдали. Я не знала, как поведет себя магия в контакте с зельем. Профессора явно занимал этот же вопрос, потому что он с интересом следил, как я растираю над котлом крупицу.

– Ну что ж, – магистр задумчиво понюхал пар, поднимающийся с поверхности, – неплохо, неплохо. Вполне достойное зелье. Я не вижу никаких ошибок.

Он вдруг с совершенно невозмутимым видом извлек из кармана ложку, зачерпнул варево и попробовал. Кажется, магистру даже понравилось.

– Все вер-р-рно, адептка Штор-р-рм. Все вер-р-рно.

– К деторождению готова, – раздался сзади взрыв хохота.

Потрясающее чувство юмора. Здесь есть стендап? Вот ему туда очень надо.

– Ну-с-с-с, адепт Кор-р-рви, давайте посмотрим, что вы тут навар-р-рили.

Он шустро поспешил к весельчаку, который заметно приуныл и явно расхотел дальше шутить. А я, воспользовавшись тем, что внимание всей группы было приковано к «галерке», откопала в наборе для зельеведения пустой флакон и отлила немного зелья. Мне не мешает чуть-чуть правильно сваренного детского успокоительного.

– Зелье еще греется! – сзади шло оживленное обсуждение. – Оно не готово.

– Ничего-ничего, детям гор-р-рячее вр-р-р-р-р...

Магистр завис, как старое радио. Смотрел ошарашенно в котел, откуда валили плотные зеленовато-коричневые клубы едкого дыма. В аудитории мгновенно стало нечем дышать, и, подхватив со стола сумку, я ломанулась в коридор, кашляя и чихая.

Остаток пары мы дружно провели у лекаря. Пили какую-то настойку против отравления, промывали глаза и успокаивали дергающиеся веки магистра. Ну а шутник-шовинист отправился на ковер к Кейману.

Мерзкий привкус дыма ощущался вплоть до ужина. Зато на этот раз шептались не по мою душу. Корви наверняка хотел пошутить, добавив в зелье какую-то гадость. И шутка удалась – правда, ржали все как раз таки над ним.

На столах, когда мы пришли, лежало расписание. Оно всегда появлялось, если вносились какие-то изменения. Я без удовольствия отметила, что Кейман перенес занятие на завтра, а перед самыми выходными нас ждет открытый семинар по древним языкам. Разумеется, под предводительством Ясперы. Под это дело даже отдали всю вторую половину дня.

Когда я с наслаждением жевала блинчики, над головой раздалось мерзко-язвительное:

– Шторм, ты уже решила, с кем пойдешь на Бал Огня?

– Ну конечно, с тобой, Бася, – ласково отозвалась я. – А тебе что, не передали мое любовное послание?

– Боюсь, что девушка в картофельном мешке – не самая большая моя сексуальная фантазия. Кстати, Фейн, – он вдруг обратил взор на мгновенно залившуюся краской Аннабет, – ты хоть танцевать-то умеешь? Или тебя учили прислуживать на балах, а не наслаждаться ими?

– Съешь блинчик, а? – Я улучила момент и сунула ди Файру в рот последний нетронутый блин.

Хотя надо было засунуть обкусанный. И не в рот, а...

– От правды не спрячешься. – Бастиан с довольным видом прожевал добычу.

Он по-хозяйски облокотился на спинку моего стула.

– Правда в том, мои дорогие, что вас там никто не ждет. Но чтобы это понять – мозгов не

хватает. Поэтому будете позориться. Но запомните этот миг: я вас предупреждал. Кстати, Роял, у меня для тебя есть сюрприз. Скоро порадуешься.

– Ну разве мы можем пропустить явление главной принцессы вечера? Ты уже выбрал себе платье, ди Файр? – спросила я.

Бастиян сделал вид, что задумался.

– Язык у тебя длинный. А ты им пользоваться умеешь? Может, пойдешь на бал со мной?

– Тебе сейчас Лорелей вилку в яйцо воткнет.

– Что?

– Вилку, говорю, в лицо воткнет, – нарочито громко проорала я, словно Бастиян глухой. – Подружка твоя!

– Когда вы уже опуститесь до стандартных оскорблений? – К нам вдруг подошла Надин. – Я слушаю вас минуты три и дико извиняюсь, что мешаю брачным играм, но Деллин, завтра внеплановая тренировка по крылогонкам. Из-за приезда делегации из Бавигора закрывают стадион, так что мы отрабатываем занятия на неделе. В расписание внести забыли.

– У меня пара у Кей... кхм... магистра Кроста.

– Индивидуальная? – живо заинтересовался Бастиян.

– А что, тебя не позвали?! – Я делано удивилась и даже всплеснула руками. – А магистр сказал, там будут самые умные и талантливые...

– Занятие через час после ужина. Ты успеешь. – Надин закатила глаза. – До свидания, девочки и мальчики, я улетела.

– Задница ничего, – прокомментировал огненный король, проводив ее взглядом. – Да, Роял? Тебе теперь можно смотреть. К моей сестре такой трус, как ты, не подойдет ни на шаг.

Тут я уже не выдержала:

– Бастиян, явление короля подданным затянулось, а блинчики у меня кончились. Слил яд? Теперь ползи в гнездо.

Напоследок демонстративно вытерев пальцы о мою салфетку, Бастиян с достоинством удалился. Видимо, несмотря на то что последнее слово все же осталось за мной, удовлетворение от испорченного настроения перевесило. Гад пополз к себе.

Аппетит окончательно испортился. Доедать блин мне перехотелось. Эйген вообще сидел чернее тучи, а Аннабет – красная, как рак. И что-то краснота мне эта не нравилась.

– Только не говори, что он тебе нравится.

– Он многим нравится, – потерянно произнесла подруга. – Ты просто не видела его в деле. Как он дерется. Как говорит, когда выступает перед аудиторией. И без рубашки. Ты видела его без рубашки?

– Знаешь, я не сомневаюсь, что ди Файр при каждом удобном случае норовит расстегнуть штаны, но избавьте меня от этого зрелища.

Больше всего мне не понравилась его угроза в адрес Эйгена. А еще зацепили слова про труса. Что-то подсказывало: в ссоре Эйгена с компанией Бастияна виновата не только чья-то болтливость. Я не стала расспрашивать и без того мрачного парня на болезненную тему. Но крепко задумалась, как оградить его от неадекватности огненного короля.

А вот без рубашки увидеть Бастияна довелось буквально на следующий день: не только нас выгнали на улицу отрабатывать пропущенный день, но и боевиков, в числе которых был и ди Файр. С десятков бравых ребят со всего факультета огня, раздевшись по пояс,

отрабатывали выпады и кувырки с деревянными мечами наперевес.

Но перед этим было еще занятие у Кеймана.

На этот раз я шла до леса сама, снедаемая сомнениями. Раз и навсегда прояснить, опекун ли прислал мне платье, мешал страх, что это действительно он. И что Кейман признается в подарке, а мне придется как-то на это реагировать.

Поэтому я меняла свое решение каждый час. Но в итоге остановилась на варианте с Марьоном. Спрошу у него, кто купил платье, и дальше буду действовать по обстоятельствам.

Кейман встретил меня на уже знакомой полянке. Поваленные в прошлый раз деревья куда-то убрали. Эдак я им весь лес прорежу до каникул.

– Садись, – кивнул магистр на центр поляны.

– Погодите. У меня есть условие.

– Вот это новость. Чему вас там вообще учат на парах? Какое еще условие?

– Я не хочу, чтобы вы специально своей магией вызывали у меня последнюю эмоцию с прошлого занятия.

– А ты еще сложнее ребус придумать не могла? Какую конкретно?

Он все понял! Понял и смотрел с хитрым прищуром, как я мнусь и краснею.

– Ну? Учись говорить, что тебе нужно. Иначе не получишь вообще ничего.

– Ладно. Хорошо. Я не хочу испытывать рядом с вами возбуждение.

– Магическое или естественное?

Над головой сверкнуло, воздух разрезала ветвистая такая молния.

– Ну вот, уже злишься, а я даже не начал, – усмехнулся Кейман.

Мне очень хотелось запустить в него елкой, но такого вопиющего нарушения субординации Кейман бы не потерпел.

– Я могу не заниматься с тобой отдельными эмоциями, но подумай, к чему это приведет. Я не строю иллюзий относительно того, что в моей школе adepts прилежно грызут гранит науки и хранят невинность до свадьбы. Ну или хотя бы до выпускного. Не боишься, что какого-нибудь любовничка приберет в самый ответственный момент?

– Как-нибудь разберусь.

– Ну как знаешь. Садись, времени мало. Сегодня будем разбирать страх. Это одна из самых опасных эмоций, потому что именно страх способен парализовать человека, маг он или нет. А еще, как ни странно, страх проще всего контролировать. С него и начнем.

Проще всего контролировать? Я задумалась. До какой-то степени – да. Я могу обуздать страх, входя в темную комнату или глядя на гигантского мохнатого паука. Но вот что делать со страхом смерти, например? Перед глубинным, поднимающимся из самых темных уголков души страхом?

Об этом и спросила у Кеймана.

– Такой страх, как правило, не грозит ближайшему твоему окружению немедленными разрушениями. Но он намного опаснее, потому что может начисто лишить силы. Разберись сначала с обычным.

Как? Вопрос хороший. Я ровным счетом ничего не поняла из объяснений Кеймана. По всему выходило, что реакцию нужно просто довести до автоматизма. Раз испугалась – над головой что-то щелкнуло, два испугалась – упала елка, три – снова сверкнуло. И так пока не надоест, пока при очередной, вызванной сторонним вмешательством панике, не

произойдет ровным счетом ничего.

– Запомнила это состояние? – спросил Кейман, когда я осторожно открыла глаза и осмотрелась.

– Да. Я задолбалась. Мне теперь все время задолбанной ходить, чтобы никого не покалечить?

– Ты необучаема.

– Я учусь две недели, – напомнила я. – И пока не понимаю, что вы от меня хотите.

– Хорошо, объясню проще. Сдержанность – вот что важно. Если ты сидишь на лекции и вдруг громко хлопает окно – ты сделаешь все, чтобы сдержаться и не заорать. Потому что неадекватная истеричка, пугающаяся громких звуков, не соответствует образу серьезного мага. Ты вздрогнешь, запнешься, уронишь ручку – но не будешь орать как оглашенная. Так и здесь. Ты просто сдерживаешь эмоции. Как только начнешь их сдерживать, перестанешь разрушать все вокруг. Это основа работы, никому не нужен неуравновешенный маг. Поэтому еще раз закрой глаза и сосредоточься. Запомни момент, свои внутренние ощущения от выброса магии и постарайся ее сдержать. Механизм такой же, каким ты сдерживаешь страх или злость.

Пришлось подчиниться и ловить момент. Момент не ловился, у меня то получалось справиться с накопленным страхом, то накрывало так, что волосы вставали дыбом. К концу отведенного часа я была еле живая и, по собственным ощущениям, абсолютно бестолковая. Но Кейман, к моему удивлению, сказал:

– Для начала нормально. Иди на тренировку. И пытайся применять все это на практике. Чем чаще будешь тренироваться, тем быстрее справишься.

Ну, я и пошла тренироваться... во всех смыслах этого слова.

Перед тренировкой завернула в комнату, переоделась в форму и собрала волосы в хвост. Потом понеслась за крыльями – и на улицу, где Надин уже нетерпеливо качала головой, глядя, как я бегу от замка к площадке. Как капитан школьной команды по крылогонкам, Надин часто вела занятия, если тренер был занят с другими группами. Хотя он всегда наблюдал, чтобы прийти на помощь в случае чего.

– Извини, – запыхавшись, проговорила я, – занятия у Кроста.

– Надевай крылья, – кивнула Надин.

И, повернувшись к остальным, громко произнесла:

– Итак, господа! Раз уж нам сегодня не дали под полеты зал, используем время с толком! Мне хочется верить, что вы записались в команду по крылогонкам не просто потому что увидели красивые колбочки с крыльями. И каждый из вас приложит максимум усилий, чтобы стать лучшим. Крылогонки – это гонки с препятствиями. Мастерски управляя крыльями, вы должны преодолеть полосу препятствий быстрее противников. А значит, в ходе тренировок мы будем постепенно учить вас этому непростому делу.

Она обернулась к тренеру и махнула ему рукой. По мановению руки в воздухе появились снаряды: кольца разного размера и нечто типа лабиринта из сияющих линий.

– Два самых простых препятствия: кольца и лабиринт. Задача крылогонщиков пролететь сквозь кольца, не задев ни одно и не запутаться в лабиринте, опять же, не коснувшись границ. Делается это так.

За спиной Надин развернулись шикарные сиреневые крылья, и девушка изящно взмыла в небо. Она стремительно облетела площадку для занятий, разминаясь, а потом легко, будто играючи, пролетела через ряд колец, то прижимая крылья к себе, то чуть расправляя их, чтобы набрать скорость. С такой же грацией она преодолела и лабиринт, я даже не успела проследить за полетом – так быстро мелькали крылья и менялись траектории.

Не зря Надин была капитаном команды, и не зря тренер доверял ей вести занятия. Она с

улыбкой опустила ровно на то же место, где стояла, и сложила крылья.

– Сейчас мы вместе потренируемся в воздухе, а потом...

Девушка нахмурилась и укоризненно покачала головой, заметив, что несколько девчонок из группы совсем не обращают на нее внимания. А смотрят в сторону другой площадки, где с упоением тренируются боевики.

– Девушки, соберитесь!

– Надин, можно до конца боя? – взмолилась кудрявая рыженькая Ами. – Пожалуйста! Это же ди Файр!

Тут уже и я заинтересовалась. Действительно, участники школьной команды по боям сидели в кругу, а в центре кружили две фигуры, по пояс обнаженные. Кажется, это называлось спаррингом. Они дрались на длинных деревянных мечах, и что-то мне подсказывало, эти игрушки только казались невесомыми: все мышцы боевиков находились в напряжении.

Бой смотрелся мощно. И красиво. Элегантную смертоносность у Бастиана было не отнять: он так стремительно и ловко уходил от ударов, нанося при этом свои, что я даже на миг забыла, какой сволочью он может быть. Просто любовалась красивым боем.

Ну а потом вспомнила и из вредности начала болеть за его противника. К несчастью, безуспешно: Бастиан справился с ним буквально за две минуты. И Ами рядом со мной едва слышно вздохнула.

А ди Файр, словно почувствовав взгляды, обернулся и одарил нас самодовольной усмешкой. О, как я хотела, чтобы его противник в этот момент поднялся да зарядил огненному королю рукоятью по темечку! Но мои молитвы, к сожалению, не были услышаны.

– Полюбовались? А теперь живо в воздух! – крикнула Надин.

Мы поспешно надели крылья и поднялись.

Всего в команду крылогонок записалось сорок первокурсников, но нас делили на четыре группы, чтобы в воздухе мы не напоминали разноцветных попугаев и не мешали друг другу. На первом занятии тренер предупредил, что после Бала Огня нас ждет реорганизация: успешных крылогонщиков переведут в сильную группу и начнут натаскивать на соревнования, а самых слабых распахнут в группы здоровья. Мне, конечно, хотелось попасть к спортсменам, но держалась я еще не очень уверенно.

Некоторое время мы учились складывать и расправлять крылья в полете. Мы с боевиками поменялись местами: теперь они наблюдали за нами. Не сказала бы, что это добавляло мне уверенности.

– Хорошо. А теперь по одному через кольца! – скомандовала Надин.

И я первая устремила к препятствию.

От высоты и неустойчивости захватывало дух. Крылья нет-нет да замирали, и я опускалась на метр-другой вниз, отчего сердце ухало в пятки. Быть первой сложно, но висеть в воздухе и смотреть, как неуклюже пытаются планировать твои товарищи по команде, еще сложнее.

Я неплохо подлетела к первому кольцу и сосредоточилась. Как учила Надин, сложила крылья, устремившись прямо в центр сияющего круга, и... меня словно порывом ветра отбросило в сторону. Ощувив кожей легкое жжение от прикосновения к магическому препятствию, я зашипела и выругалась.

– Деллин, соберись! – крикнула Надин. – Давай еще раз!

Пришлось зайти на второй круг. На этот раз я с успехом преодолела первое кольцо, но перед вторым кувыркнулась в воздухе и потеряла ориентацию в пространстве. Чудом удалось вернуться в вертикальное положение в нескольких метрах от земли.

Теперь за мной наблюдал уже и тренер. На всякий случай.

- Деллин, что такое? - спросила Надин. - Ты здорова?

- Понятия не имею, что происходит, - пробормотала я.

В один момент крылья словно переставали мне подчиняться. Может, они испорчены? Или я недостаточно тщательно растерла крупцу? Такое вообще возможно?

Потом я перевела взгляд на боевиков и все поняла. Бастиан даже не скрывался, просто сидел на траве и теребил свой проклятый кроваво-красный браслет с крупцами. Поймав мой взгляд, он ухмыльнулся.

- Ладно, - сквозь зубы процедила я. - Контроль эмоций.

Крикнула Надин:

- Еще попытка!

И пошла на третий круг. Но до колец я даже не долетела, меня начало мотылять из стороны в сторону так, словно вокруг бушевал ураган. Раздался смех. Наверное, со стороны это и впрямь смотрелось комично.

Когда меня перестало раскачивать, я вдруг резко развернулась и буквально на космической скорости понеслась в ди Файра! Даже не знала, что крылья вообще так умеют!

- Деллин! - раздался крик Надин.

- Адептка Шторм! - Тренер неся к нам через все поле.

Но я уже снесла охреневшего от такого поворота огненного короля, и... в небе над нашими головами сплелись две магии: огненная, подарившая лесу красноватые отблески, и светло-голубая, молнией разорвавшая небо на несколько частей.

Вот так мы и попали к Кейману в кабинет. Снова.

Что-то в его облике подсказывало: придется туго. И часом смахивания пыли с полок в подвале мы не отделаемся. Кейман был так зол, что в воздухе, казалось, пахло электричеством. Хотя вообще это была моя прерогатива - вырабатывать электричество.

- Я просто сейчас восстановлю ход событий. - Кейман встал из-за стола и прошелся туда-сюда по кабинету. - Адепт ди Файр, отдыхая после тренировки, развлекался тем, что мешал адептке Шторм тренироваться летать. Адептка Шторм это заметила и намеренно врезалась в адепта ди Файра на скорости. А потом вы подрались. Я ничего не упустил?

Я опустила глаза. Было очень стыдно. Собственно, мы и не сказать, чтобы подрались: парни из группы Бастиана и тренер разняли нас почти мгновенно. Так что краснеющие на лбах шишки - результат столкновения, а после драки Бастиан разве что чуть почесывался, а у меня на пальце вздулся здоровый пузырь от ожога. На наше счастье, потрепать друг друга сильнее мы не успели.

Кейман взял со стола одну из объяснительных, что тренер заставил нас написать.

- Итак, адепт ди Файр, вы утверждаете, что адептка Шторм из-за испытываемой к вам неприязни намеренно врезалась в вас. И в результате воздействия ее магии, проявившейся в виде разряда электричества, вы испытали - я сейчас цитирую - незапланированные эмоции. Что, позвольте узнать, это значит?

Бастиан, вальяжно развалившийся в кресле, ухмыльнулся.

- Ну... может, я кончил?

- Так быстро? - не удержалась я.

- ХВАТИТ! - Кейман вдруг со всей дури хлопнул по столу, я аж подскочила.

Мой маленький успех – ничего не взорвалось и не щелкнуло – остался незамеченным.

– Вы достали меня. Оба. Похоже, я совершенно напрасно прыгаю перед вами на задних лапах, пытаюсь дать образование и превратить в нормальных людей. Вы доводите преподавателей, подвергаете опасности жизни и здоровье своих же товарищей, нарушаете правила и постоянно собачитесь. Мне это надоело, мое терпение лопнуло, ясно вам? Я к обоим обращаюсь.

– И что вы сделаете? – фыркнул ди Файр. – Отчислите меня?

Кейман улыбнулся. Так нехорошо, что мне вдруг стало плохо.

– О нет, Бастиан, я тебя не отчислю. Зачем? Мне выгодно, когда ты здесь. Я просто свяжусь со своим приятелем, магистром Бернсенем, директором Школы огня, где учится Брина. И поверь, сдать экзамены твоя сестра не сможет, даже если вы зубрит наизусть каждый символ из каждого существующего учебника. Ясно тебе, ди Файр? Ты больше не будешь отвечать за свои проступки. Это будет делать твоя сестра. Брина будет счастлива, как думаешь?

В руке Бастиана на миг полыхнуло пламя, от которого я в страхе отшатнулась. Парень вскочил на ноги.

– Только попробуй! – рыкнул он.

– И что? – Кейман смерил его насмешливым взглядом. – Подпилишь ножки у моего стула? Пришлешь мне ананас? Сядь!

Я честно надеялась, что меня обойдут стороной, но магистр Крост разошелся не на шутку. Его ярость чувствовалась даже на расстоянии, и я бы отдала многое, чтобы оказаться сейчас как можно дальше от него!

– А тебе я с этого момента запрещаю даже смотреть в сторону крыльев.

Мне показалось, что я ослышалась. Вдруг стало очень тихо, и оставалось только порадоваться, что я сидела – земля под ногами опасно зашаталась.

– Но...

– Что?

– Я просто...

– Что ты просто? – Кейман смотрел в упор, буравил меня взглядом, от которого дрожали руки. – Ты не умеешь обращаться с крыльями. Тебе в руки дали серьезный магический инструмент. А ты использовала его для сведения счетов. Опасные игрушки детям не дают. Можешь забыть о крыльях в моей школе. Раз и навсегда, вплоть до самого выпуска.

На глаза навернулись слезы. Я настолько не ожидала ТАКИХ последствий своей выходки, что теперь меня не пугало даже присутствие Бастиана.

– Но это единственный способ избавиться от головной боли...

– А тебя это волновало, когда ты неслась на всей скорости, игнорируя приказы тренера? – почти ласково спросил Кейман. – Ты вспомнила, что тебе нужны крылья не только для того, чтобы в свалке участвовать? Нет, ты же решила, что с тобой будут возиться, как с маленькой любимой дочуркой, да? Что меня будет волновать твое самочувствие. Что я буду делать тебе поблажки из-за болезни. Зачем думать головой, если Кейман все равно разрешит полетать, даст зелье и переведет все книги на удобный язык, да?

– Нет.

– Не похоже. Я трачу время и деньги, чтобы ты могла учиться. Сажу в свободное время над твоими учебниками, чтобы ты смогла их прочитать и не сдохнуть. А ты, похоже, принимаешь это как должное. Мне плевать, как ты будешь решать проблему со своей

головной болью. За драку в моей школе принято платить. Ты заплатила крыльями. Впредь будешь думать, чего еще готова лишиться ради минутного удовлетворения.

Кейман отвернулся от нас и уставился в окно. Его голос звучал бесстрастно и холодно:

– Вы под домашним арестом. Покидать жилой корпус разрешено только для учебных занятий. Бои и крылогонки для вас отныне закончились. А присутствие на Бале Огня – под вопросом. Если до конца блока у меня не будет к вам претензий, получите право посетить праздник. А если возникнут – просидите все время в своих комнатах. Все понятно?

Мне казалось, меня только что пришибло собственной молнией. Даже с Бастиана слетела обычная спесь.

– Еще раз спрашиваю: все понятно?

– Да, – нестройным хором отозвались мы.

– Да, магистр Крост, – поправил Кейман. – Вон отсюда.

Вот блин. Похоже, в этот раз я и вправду перешла границу.

– В следующий раз, когда захочешь быть сверху, раздевайся заранее, я не люблю терять время, – зло сказал Бастиан, едва мы вышли из кабинета Кеймана.

Будто это я виновата во всем!

Но сил спорить не было, я просто продемонстрировала огненному королю средний палец и отправилась туда, куда послали: в комнату. Дабы вволю пореветь и поругать себя за несдержанность.

Неужели все действительно так? И за борьбой со всем миром я не заметила, как обесценила то, что для меня сделали. Кейман предупредил: поблажек не жди, мир встретит агрессией. И я с первого дня была готова защищаться. А теперь вышло, что за войной я не заметила ничего хорошего?

В дверь постучали.

– Делл? Ты здесь?

Мне не хотелось сейчас говорить с Аннабет, так что я притихла и сделала вид, будто в комнате никого.

– Да ладно тебе, – услышала голос Эйгена, – скоро вернется, а мы тут вот...

Дверь вдруг открылась, и я встретила взглядом с ошалевшим Эйгеном.

– Это что, проходной двор?! Вообще любой может вломиться в мою комнату, что ли?

– Не любой. У меня в арсенале есть пара приемов. Делл, мы ведь от чистого сердца!

– Да к вам у меня нет вопросов, меня пугают перспективы.

– Ну... не все владеют такой магией. Да и посторонним вход в школу запрещен.

Он умолк под моим взглядом и как-то стушевался. Прекрасно! В любую комнату в школе может проникнуть кто угодно, обладающий умением вскрывать замки. Просто потрясающе!

В руках у Аннабет и Эйгена были какие-то бумажные пакеты.

– Сильно влетело? – спросила подруга.

Конечно, о произошедшем между мной и Бастианом уже говорила вся школа.

– Сильно. Крылья запретили.

– Совсем? – ахнул Эйген.

– Совсем. А ди Файру – бои. Еще назначили домашний арест до конца блока и под вопросом Бал Огня.

– Ничего себе. – Аннабет так и села. – Крост с цепи сорвался? Да здесь постоянно кто-нибудь да дерется и ругается!

– Ну, по справедливости, они не просто дрались, они магией сцепились. И Делл снесла Бастиана на крыльях.

– Ну, спасибо, поддержал.

– Извини. – Эйген смущенно поник. – Но мы принесли вкусностей! И земляничного пива.

– Вот да, мне еще пьянки в комнате не хватало! Вы хотите, чтобы меня выгнали? Тогда реально придется пойти уборщицей в трактир. А может, даже и туда не возьмут.

– Брось, Делл, никто не проверяет комнаты. Кейман не дурак, он понимает, что лучше давать послабления в мелочах, чем дергать за каждую ерунду. Поэтому на вечерние чаепития смотрят сквозь пальцы. Ну а пиво... да оно легкое!

Видя, что не убедил, Эйген добавил:

– Я не попру его назад. Seriously, тебя уже наказали. Я клянусь, если мы услышим шаги, то все это исчезнет в момент.

Аннабет забралась рядом со мной на верхнюю полку, а Эйген разместился в кресле. Помимо забавных красных бутылочек они принесли какую-то еду: хрустящее печенье, орехи, картофельные дольки в панировке, аппетитные зажаренные кусочки сыра. Хотя сейчас мне меньше всего хотелось лакомиться незнакомой едой.

– Почему Бастиан назвал тебя трусом? – спросила я.

Эйген замялся и отставил в сторону бутылку.

– Да там так было... это из-за Кроста. Мы с Бастианом и остальными немного... заигрались. В городе был парень, который приставал к Лорелей. Встречал на выходных, дарил цветы и все такое. Ну, мы немного его помяли. Объяснили, чтобы не лез. Он пошел жаловаться Кейману, лиц он не видел, но Кейман сложил два и два. Вызвал нас всех и попытался заставить признаться. Мы молчали, и тогда он начал вызывать всех по одному, а когда дошла очередь до меня, сказал, что все знает. Доказать не может и не будет, но последствия неизбежны. А еще сказал, что ему меня жаль и что я гроблю будущее, волочась за Бастианом. И он мне поможет. Прямо так и сказал: сейчас тебе это не понравится, но хочется верить, лет через десять скажешь спасибо. После этого он меня отпустил и остальных наказал, представив все так, будто я признался.

– Педагогичненько.

Эйген только пожал плечами. Что ж, план Кеймана сработал на все сто, теперь Эйген дружит не с Бастианом, а со мной. Правда, не факт, что это хорошая компания в понимании магистра Кроста. Но другой, похоже, не нашлось. Подозреваю, возиться с первокурсницами Эйген стал лишь по одной простой причине: мы понятия не имели, в каких играх огненного короля он был замешан. Сложно себе представить, что в толпе подонков один Эйген был пай-мальчиком. Вряд ли его ждали с распростертыми объятиями те, кого Бастиан травил.

За окном совсем стемнело, а от пусть и легкого, но все же алкогольного пива меня начало клонить в сон. Может, и к лучшему. Посплю, и наутро катастрофа будет казаться пустяковой неприятностью. Жила ведь я как-то без крыльев раньше.

– Не кисни, Делл, – сказал Эйген, – придумаем что-нибудь. Я стащу ключи от зала, и полетаешь ночью, пока никого нет.

– Нет, хватит с меня. Кейман прав, Бастиана мне не победить, а закончить эту школу и выпуститься надо. Я не готова попрощаться с миром, в который только-только окунулась. С этого момента я не лезу ни в какие авантюры, не ведусь на провокации и занимаюсь

исключительно учебой.

– Надолго ли? – хмыкнул Эйген.

Я стою на краю обрыва. Внизу – темно-серое, почти черное море с белоснежной пеной. Волны бьются о скалы, брызги поднимаются вверх и касаются босых ног. Над головой штормовые тучи, но гром еще где-то вдалеке. Прежде, чем гроза придет сюда, пройдет еще немного времени.

Чувствую чужое приближение. Дыхание на затылке и мягкий, вызывающий дрожь поцелуй в шею.

– Прекрасная сегодня погода, любовь моя.

Я смеюсь. Мне легко и хорошо, хотя это и странно.

– Я приготовил тебе подарок.

Он касается моей спины, и позвоночник пронзает адской болью. Сильные руки не дают рухнуть со скалы, я жадно хватаю ртом воздух и, хоть боль быстро утихает, никак не могу успокоиться. Все это время чувствую на себе чужие прикосновения, запах, смутно знакомый.

– Поднимись.

На нетвердых ногах я выпрямляюсь и снова смотрю вперед, туда, где все сильнее чернеют тучи и сверкает ветвистая красноватая молния.

За спиной медленно раскрываются большие черные крылья. Я пораженно смотрю на блестящие в отблесках вспышек перья, чувствую мощь, заключенную в подарке. Это не привычная наколдованная иллюзия. Сильный толчок сбивает меня с ног, и сердце уходит в пятки: я стремительно несусь вниз. Лишь в паре метров от воды расправляю крылья и взмываю в воздух, прямо в гущу темных облаков. Навстречу шторму и грозе.

Глава 10

Я продержалась долгие четыре недели. Не влипала в неприятности, не лезла на рожон, прилежно училась и слушалась магистров. Правда, моей заслуги в том было немного: домашний арест оказался реально арестом.

Завтрак, обед и ужин теперь появлялись на моем столе в комнате. Утром я вскакивала от негромкого хлопка: на столе возникала тарелка с кашей, блины или какие-нибудь сырники, кружка с чаем. После лекций я возвращалась в комнату и заставляла чуть остывший обед. Если после него была физра, то шла на тренировку и по большей части тоскливо косилась на крылогонщиков, соревновавшихся на поле. Мой запрет Надин прокомментировала так:

– Ну, ты даешь, Шторм! Когда я увидела, как ты разворачиваешься и к нему несешься, я уже мысленно выиграла ученический кубок Штормхолда! Крост что, сумасшедший, лишать нас шанса на победу? Нет, я с ним поговорю, это же и ему выгодно!

Судя по грустному виду Надин впоследствии – поговорила. И в процессе разговора выяснила много интересного.

В общем, в распоряжении Кеймана был хороший действенный поводок. За все время мы с ди Файром ни разу не пересеклись ни в коридоре, ни в аудиториях. Хотелось верить, что именно благодаря моим страданиям академия была надежно защищена от волнений и споров.

Если бы ко мне не заходили Аннабет с Эйгеном, я бы совсем поехала крышей. Они являлись как штык после ужина, и мы или вместе занимались, или просто болтали. На самом деле я проникалась к Эйгену все большей и большей симпатией. Может, он и был придурком в период дружбы с Бастианом, но учился при этом хорошо. Задания становились все сложнее, и он с ними помогал. Уже было недостаточно просто растереть крупицу и почувствовать магию. Теперь мы учились формулировать желания и придавать магии форму.

Оллис был самым дружелюбным и интересным преподавателем, так что его задания я выполняла с удовольствием. Но из магических языков пламени, цветка и птицы у меня пока получался только невнятный комочек.

Приезд делегации из Бавигора перенесли. Кейман вообще, едва назначив наказание, куда-то смылся и очень долго не появлялся в школе. По-моему, все вздохнули с облегчением.

Но все же нас пригнали на семинар. До Бала Огня оставались считанные недели, и народ пребывал в радостном возбуждении. Парочки договаривались о свиданиях после бала, девочки обсуждали платья, а я даже не знала, пойду ли вообще. Разумом понимала, что вариант это неплохой, но девчоночья натура была готова рыдать от мысли, что первый школьный бал пройдет без меня.

На семинар по древним языкам пригнали всех, от первого курса до четвертого. Из-за домашнего ареста я пришла одной из самых последних: дверь жилого блока открывалась для меня строго по расписанию, за десять минут до начала занятия. Я заходила в аудиторию, как сапер на минное поле. И сразу же увидела Бастиана, развалившегося на первом ряду. Дабы не нагнетать, я уселась на самую верхнюю, не затребованную никем скамью. В больших поточных аудиториях на последние парты почему-то почти не садились. Подозреваю, чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Адепты, – магистр Ванджерия поднялась на кафедру, – я рада вам представить профессора Риткинса из Бавигорской Магической Академии. Профессор – выдающийся специалист в области древних языков. Прошу вас с вниманием и уважением отнестись к его лекции.

Взгляд, подаренный нам, адептам, был красноречив: кто выбесит заморского гостя, тот будет работать на зачетку лишний год. Прониклись все, особенно впечатлительные даже достали блокноты и перья: конспектировать.

К Яспере присоединился профессор Риткинс, и выглядел он под стать почему-то

показавшейся забавной фамилии: худощавый, лопухий, совершенно лысый и с огромными очками в золотистой оправе. Он был похож на ученого мыша из какого-нибудь мультлика. Подумав об этом, я устыдилась. Тоже мне, красотка нашлась, зато в отличие от меня он умеет внятно читать и писать.

Рядом на скамейку кто-то опустился. Скосив глаза, я вдруг поняла, что это Кейман. Новая волна иррациональной обиды поднялась внутри, и я сделала вид, что не заметила опекуна. На что он скептически хмыкнул.

- Дуешься? Ну, дуйся. Потом спасибо скажешь.

Скажу ли я спасибо за отнятые крылья? Это вряд ли. Мне каждую ночь снилось, как я летаю. Даже просыпаясь, я еще долго чувствовала мощь черных крыльев за спиной. Подсознание шутило со мной очень зло. Не имея возможности подниматься в воздух днем, я все свои сны проводила в полете.

- Ну что ж, молодые господа, - профессор окинул нас задумчивым взглядом, - приступим. Как вы знаете, по всему миру принят единый язык. Благодаря ему мы можем не бояться, что подданного Штормхолда не поймут в Бавигоре, а отдых на прекраснейшем Силбрисе будет омрачен языковым барьером. Но...

Он поднял вверх указательный палец.

- Так было не всегда.

Я вздрогнула, когда Кейман вдруг протянул руку и пальцем коснулся моего запястья рядом с хорошо поредевшим браслетом. На нем остался всего десяток бусин, и последние два дня я только и думала, как бы решиться попросить Эйгена или Аннабет купить еще. Вообще продадут ли магу огня темные крупы? По идее, должны.

- Так быстро кончились? - спросил Кейман.

Сначала я не хотела отвечать, а потом подумала: пусть ему будет стыдно!

- Это единственный способ избавиться от головной боли. Магия ее унимает.

- До определенного момента каждое государство имело свой язык, и все эти языки брали начало с древнего, который я и исследую.

Боги, как занудно он вещал! Подумалось, усну прямо здесь! Только Кейман взбодрил: снял со своей руки браслет и, с самым невозмутимым видом, повесил мне на запястье. Я судорожно огляделась, чтобы убедиться, что этого никто не видел.

- Вы что?!

- У меня всегда есть запас. - Кейман похлопал по карману.

- Я заработала денег на крупы.

- Не сомневаюсь. Занятия по контролю над магией продолжатся с завтрашнего дня.

Я хотела было спросить, могу ли пойти на бал, раз уж Кейман сегодня проявил чудеса человеколюбия, но Яспера обернулась и шикнула на нас. Правда, потом увидела Кроста и аж позеленела от злости, но Кейман с усмешкой принялся внимать.

Профессор тем временем демонстрировал изображения какого-то камня с нанесенными символами.

- Работы по расшифровке шли больше года. Предварительно мы считаем, что это - древняя карта, по которой путешественники ориентировались на территории, которую сейчас занимает Штормхолд.

- Ничего не смущает? - склонившись ко мне, спросил Кейман.

- Даже не знаю, то ли то, что путешественники в их представлении таскали за собой по лесу здоровую каменюку, то ли то, что на ней написано о похождениях какого-то любвеобильного рыцаря.

О да, я понимала каждый символ и отчасти даже была к этому готова. С интересом всматривалась в надписи, которые не пускались в пляс, повинувшись дислексии. Профессор демонстрировал все новые и новые изображения каменных плит.

– Это своего рода книги? – спросила я.

– Не совсем, – ответил Крост. – Когда мы говорим о древних языках, мы не подразумеваем, что люди жили в пещерах и рисовали на камнях. Книги в то время уже существовали. Это что-то вроде... развлечения для детей. Небольшие зарисовки на камнях. Приятные на ощупь и простенькие в сюжетах. Чтобы дети учились читать и писать.

– А вы понимаете, что там написано?

– А как ты думаешь, зачем я сел рядом с тобой? Переводи давай. Только тихо, а то если профессор поймет, что потратил девять лет на изучение того, что тебе дано природой, мне придется бегать за ним по школе и отбирать веревку, пока Яспера прячет все табуретки.

Я фыркнула, и магистр Ванджерия резко выпрямилась. Да откуда у нее такой феноменальный слух-то?!

Потом мысли перескочили на Кеймана, и я вдруг поняла: да он врет! Ну, или не врет, а привирает, потому что сам же сказал, что переведет для меня учебники.

Немного помявшись, я все же поняла, что если не спрошу сейчас, то другой возможности не представится.

– Можно мне пойти на бал?

– И с кем же ты собираешься туда идти?

– Как будто хоть у кого-то был шанс меня пригласить. Я хочу пойти одна.

– Если не вляпаешься за оставшиеся недели – можно. Но, Шторм, только попробуй устроить на празднике очередную свалку с ди Файром. Я не ограничусь домашним арестом.

Пока я размышляла, что может быть хуже, чем безвылазное сидение взаперти, Яспера буравила нас взглядом. Похоже, магистр была в шаге от того, чтобы закричать: «Шторм! Крост! Вон из класса!» Но статус директора защищал его от преподавательских наказаний. Высшая несправедливость: мне нельзя болтать на парах, но если с Кейманом – то сразу можно.

– А теперь, господа, – профессор поправил очки и разулыбался, – мне будет нужен доброволец. Магистр Ванджерия, есть среди ваших студентов ответственный и аккуратный юноша, который мне поможет?

– Я думаю, адептка Шторм с удовольствием станет вашей ассистенткой.

Честно – я даже не удивилась. Кейман только хмыкнул, будто его это все забавляло. И чего он все время то хмыкает, то усмехается? Весело ему.

– Самоконтроль, Деллин, самоконтроль, – тихо бросил он мне вслед.

И тут я поняла. Я иду не ассистировать чудаковатому профессору со слабым знанием древнего языка. Я иду зарабатывать путевку на Бал Огня.

Когда я подошла к профессору Риткинсу, он поманил меня за кафедру, где в нише обычно лежали всякие материалы для лекции, раздаточные книги, ну или – если проходило занятие по земледелию – котлы. Но сегодня там стояли папки с плакатами и одна большая коробка.

– Вы уж простите, что дергаю, милая девушка, но возраст, понимаете, уже не позволяет носить ничего тяжелее ручки. Пожалуйста, пронесите эту плиту по рядам, чтобы все могли поближе увидеть уникальнейший артефакт древних верований!

Не сказать, чтобы круглая каменная плита была тяжелой. Скорее, неудобной: защитная пленка на ней превращала шероховатую поверхность в глянцевую, из-за чего держать плиту было неудобно и страшно. Хоть бы не расколотить древний артефакт впопыхах. Из-за этих опасений я не сразу взглянула на плиту – и очень напрасно.

– Подождите, пожалуйста, – попросил профессор, – несколько вступительных слов.

Я остановилась у кафедры, под пристальными взглядами Ясперы, Кеймана, Аннабет и Бастиана. Все остальные смотрели на профессора.

– Сейчас мы с милой барышней продемонстрируем вам удивительный артефакт! Одно из последних свидетельств существования архиязыка, прообраза всех древних наречий. Да-да, того самого языка, о существовании которого до сих пор спорят! К сожалению, из-за масштабных войн и катаклизмов свидетельств такой письменности осталось немного. Но кое-что моей группе все же удалось обнаружить.

Тут я уже с интересом посмотрела на плиту, и чуть было не выругалась. Выщербленные в камне буквы оказалось сложно понять из-за состояния плиты, пролежавшей в земле многие сотни лет, но смысл символов оказался так же понятен, как собственное имя.

Потому что они и были моим именем: на камне было высечено «Деллин».

Я почувствовала себя героиней ужастика, в котором таинственный маньяк пишет кровью на окнах своей жертвы. Только вместо маньяка – куча жутких совпадений. Черные розы от Бастиана, платье от Кеймана, гребень неизвестно от кого, древние языки и эта дурацкая плита.

Приходилось крепко держать каменюку в дрожащих руках, хотя соблазн уронить ее на Бастиана был огромен. Когда я проходила мимо, он едва слышно сказал:

– Принеси лучше кофе, а?

Все adeпты с интересом и одинаковым непониманием рассматривали плиту, и лишь у Кеймана я задержалась надолго.

– Что? – Он заметил, как я смотрю.

Профессор в это время рассказывал об экспедиции и трудных поисках – эта часть лекции оказалась поинтереснее перевода древних карт, так что на меня уже почти никто не обращал внимание. Подозреваю – за исключением Ясперы.

– Здесь мое имя! – шепотом сказала я.

– И что?

– Откуда?

– Деллин – древнее имя из нашего мира. Так звали с десяток принцесс и с пару сотен более-менее значимых исторических личностей. Откуда в тебе эта паранойя?

Действительно, и откуда во мне эта паранойя! Подумаешь, ди Файр в попытке запугать завалил мне комнату черными розами, а опекун, который и рад бы придушить, да законы не дают, прислал дорожное платье. А если я неправильно определила виновника этих безобразий – то впору нестись и писать заявление на преследование. Или как здесь страже жалуются? Плюс невесть откуда взявшаяся способность к древним языкам, мое имя на дурацкой табличке и удар током от бога грозы, после которого я вынуждена раз в неделю ходить валить лес.

И правда, чего это я такой параноик?

– К сожалению, мы пока не знаем, что написано на данном артефакте, однако предполагаем, что это – часть какой-то летописи. Ну, или часть интерьера какого-нибудь древнего замка. Адептка, пожалуйста, верните плиту на место, и огромное вам спасибо за помощь.

Я вымученно улыбнулась профессору. Не знаю, заработала ли я право пойти на Бал

Огня, но головную боль – определенно. Кейман весьма вовремя, хоть и неожиданно, поделился крупичками.

В середине лекции всем организовали кофе-брейк. Только назвали двадцатиминутную паузу по-простому: перерывом. Народ высыпал в коридор и разбрелся меж столов с кофе, печеньем и фруктовыми нарезками. Большинство восприняло это как облегчение. Я размешивала сахар в чашке, когда к столу с напитками подошел Кейман.

– А вы не слишком часто рядом со мной третесь? – не удержалась я. – Пойдут слухи.

– Шторм, что за выражения в адрес преподавателя? Я не трусь, я воспитываю подопечную. На тебе лица нет, очнись, ты увидела плитку со своим именем, а не привидение.

– Просто это выбивает из колеи. Я до сих пор не понимаю, какая у меня роль в вашем мире и почему у меня проявилась способность читать древний язык. И это электричество.

Кейман устало вздохнул.

– Единственная беда твоего пребывания в нашем мире – сила, данная природой. Так уж получилось, что она большая. И по мере твоего обучения, а может, и в течение всей жизни, будет раскрываться новыми гранями. Язык и молнии – только первые пласты, лежащие на поверхности. Нравится нам с тобой или нет, но темный дар будет удивлять. Эта магия непредсказуема.

– Да, я помню, надо учиться ее контролировать.

Все это я читала в учебниках, слышала от магистров и понимала собственным умом. Но на уровне интуиции будто каждую минуту ждала подвоха. Как с Сайлером – другом, оказавшимся королем. Как с подвалом, в который я так и не рискнула снова спуститься, боясь еще одного наказания. Как со случившимся в храме. Вокруг что-то происходит, а никто не видит, что именно. Или видит, но делает вид, будто все в порядке.

Порой мне хочется прийти к Кейману и выложить все как на духу, но я вспоминаю его руку, сжимающую горло, и желание испаряется. Директор школы не враг, но и не друг. Все, что я говорю Кейману Кросту, стоит подвергать тщательному анализу.

– Почему профессор так слабо понимает тему, на которой специализируется? – спросила я, чтобы отвлечься.

– Потому что у него нет дара интуитивно понимать написанное. Нет словарей, только скудные остатки древней литературы. Он двигается в полной темноте и по большей части гадает, а не исследует. К тому же древние языки – самая нефинансируемая короной часть магической науки. Они никому не интересны, потому что не приносят выгоды.

– А откуда язык знаете вы?

Кейман пожал плечами:

– Темный дар есть не только у тебя.

– А...

– Деллин, спроси прямо, что хочешь. Я не люблю играть в угадайку. Тебя интересует, почему ты получила такой дар? Потому что в твоём роду, вероятно, были очень сильные маги. Хочешь узнать какие? Получи диплом – и беги проводить расследования и составлять родословную. Твое ли имя написано на плите? Это маловероятно, разве что в древности жил какой-нибудь прорицатель, ну или это мое прошлое воплощение предупреждает меня о головной боли, свалившейся из другого мира. Что еще? Привет от Кроста в храме? Это не редкость. Дар сильный, то, что бог вмешался и помог его раскрыть – значимое событие, но не тревожное и не уникальное. Еще вопросы?

Открыв рот, я так и стояла, продолжая помешивать давно растворившийся сахар. Кажется, я довела Кеймана своими подозрительными взглядами.

- На бал пойти можно?

- Можно. Не забудь про платье.

Я поперхнулась кофе и закашлялась, а Кейман, собравшийся было к столу с фруктами, похлопал меня по спине.

- Что? - сдавленно переспросила я.

- Платье должно соответствовать тематике бала. Не забудь.

- Хорошо.

Еще и язык обожгла!

По мере приближения бала школа сходила с ума. Кажется, не осталось ни одного адепта, который не думал бы о предстоящем празднике и не обсуждал его в свободное время, между парами, на парах, а иногда и вместо пар. Аннабет объяснила это так:

- Бал Огня - один из двух масштабных праздников в школе. На зимний Бал Воды большинство уезжает по домам, и бал больше напоминает посиделки у камина. Праздник Земли отмечается ярмаркой, танцев и вечерних туалетов на нем нет. Ну и Бал Воздуха, он же выпускной, к нему тоже готовятся заранее. Но они разные. Бал Огня - это такая передышка, возможность выплеснуть энергию. А Бал Воздуха - торжественное и ностальгическое мероприятие.

У нас у всех не было пары. Сначала я подумала, что это не проблема. Ну кому в современном мире интересно, одна ты идешь на танцы или с кем-то? Оказывается, я забыла, что мир хоть и современный, но все же другой.

Аннабет не приглашали, совсем. Отчего она с каждым днем впадала в тоску. Я все разгадывала этот феномен, ведь подруга казалась мне очень симпатичной. Потом, посмотрев по сторонам, я поняла: бедных адептов не приглашали. Это, блин, было не престижно!

- У большинства в этой школе есть богатые родители, которые не одобряют такие связи, - немного виновато пояснил Эйген. - Я бы пригласил кого-то из вас, но...

- Да ладно, - отмахнулась я, - ты влюблен. У тебя отмазка железная.

Он, похоже, все еще надеялся вернуть расположение сестры Бастиана.

Меня пригласили пару раз, но по понятным причинам пришлось отказаться. Хотя мысль о том, что поход на праздник не дает автоматического согласия на секс после праздника, преследовала меня вплоть до дня X.

- Не дает, - согласился Эйген. - Однако Бастиан из-за тебя под арестом, и с него станет подослать кого-нибудь, чтобы тебе досадить.

В общем, я решила не искушать судьбу и просто насладиться хотя бы тем, что меня на этот самый праздник все же отпустили. Тем более что потанцевать там будет с кем: парочки на балу - весьма условная вещь, все равно все перемешаются.

Только вот танцевать-то я и не умела. И зачем только так рвалась? Выгулять платье, что ли?

Казалось, даже преподавы махнули рукой на обезумевших студентов. Лютовала только Яспера, но к ее вывертам все привыкли. Кейман на занятиях нашел новый способ влезть в мою голову: теперь, едва я закрывала глаза, как тут же оказывалась в аудитории, и каждый раз проигрывалась сцена, как магистр Ванджерия бьет по моей парте рукой, обзывает неучем или просто и незамысловато орет. В один момент я даже возмутилась:

- Нет, ну вот сейчас вы на нее наговариваете. Она, конечно, не святая, но подзатыльник мне ни разу не давала.

Один раз Корви, правда, получил. Но он пошутил про сиськи. И вся школа с тех пор знала: в присутствии Ясперы про грудь не шутить. Даже про сферическую в вакууме.

- Я предпочитаю работать на перспективу, - туманно отозвался Кейман.

Из чего я сделала вывод, что ненависть у магистра Ванджерии ко мне только росла.

Новая тактика дала свои плоды: я настолько привыкла к тому, что Яспера меня достает, что током больше ее не била. Вот только по этой же причине ее воспитательные меры стремительно теряли эффективность. Красивее писать и быстрее читать я не стала, а вот упреки выслушивала с каменным лицом.

Интереснее всего было на парах Оллиса. Мы использовали магию: освещали темную комнату, передвигали предметы силой мысли, часто смеялись и свободно бродили по аудитории. Пожалуй, основы практической магии стали моим любимым предметом. Там никогда не ругали.

Даже магистр зельеведения порой сокрушенно вздыхал, глядя, чего я там наварила. Мне казалось, однажды он скажет что-то вроде: «Ну вот, адептка Шторм, хотели сварить зелье, а получился снова борщ».

Но это сказывалась усталость от первого учебного блока, получившегося очень насыщенным. Накануне бала я уже понимала, почему все с таким нетерпением ждут возможности потанцевать, оторваться и не спешить в комнаты к отбою.

В утро перед балом очередь в душ пришлось занять с самого рассвета. И упасите боги эту очередь покинуть!

- Они что, месяцами не мылись, а теперь решились на подвиг? - раздраженно пробурчала я, когда пошел второй час ожидания.

Аннабет только зевнула. Из-за душа мы пропустили завтрак и к обеду вышли злые и голодные. Зато чистые. Очень хотелось назло всем соседкам просидеть в душе столько же, сколько и остальные, да совесть не позволила.

- Девушки, - Эйген сегодня был до ужаса любезен, - что будем пить?

- В смысле? - Я покосилась на чашку с чаем.

- На празднике. Какие пожелания по алкоголю?

- Пожелание одно: никакого алкоголя.

- Делл, не будь занудой. Я предлагаю вам не деревенскую брагу, а элитное вино. Или элитный виски!

- А Кейман потом мне предложит элитную собачью конуру вместо общежития школы.

- Как будто магистр Крост не догадывается, что студенты на праздниках пьют и ночуют в чужих комнатах, - закатил глаза парень. - Ладно, я понял, на мой вкус.

- Если я выпью, то Бастиану или кому-то из его шайки будет проще достать меня. Хочу контролировать ситуацию.

Вообще ощущение, будто я иду не на бал, а на войну. Как мантру повторяю: быть на людях, не пить ничего из чужих рук, контролировать эмоции и стараться не обращать внимания на издевки.

- Да брось, - сказала Аннабет, когда я вытаскивала из шкафа платье, - Бастиана там не будет. Его же не выпустили с домашнего ареста.

- Ты веришь, что Бастиан пропустит бал? - хмыкнул Эйген.

- Напомни мне, почему я с тобой общаюсь, а? - вздохнула я. - Ты меня не поддерживаешь!

- Я тебя поддерживаю, я готов весь вечер охранять тебя от недоброжелателей.

- Да, потому что сам боишься их же.

– Жалко, что прогуляться не выйдет, – вздохнула Аннабет и кивнула на тучи, которые собрались над школой.

– Ну, как всегда.

– Не припомню столько гроз за одну осень. Обычно они уже кончаются к этому времени.

Я задумчиво промолчала. Не рассказывать же, что грозы вполне могут быть непрозрачными намеками одного бога стихий. Интересно, вон тот раскат грома означает «удачно повеселиться, Деллин» или «кончай думать о вечеринках и начни об учебе, наконец»?

– Так, ребята, я побежала, нам после обеда назначили тренировку. – Аннабет быстро расправилась с едой и унеслась.

Я тоскливо проводила ее взглядом.

– Скучаешь по крыльям? – спросил Эйген.

– Да, это было очень здорово.

– Я уверен, что Крост вернет тебя в команду.

– Он не похож на человека, который отказывается от принятых решений.

– Но и на дурака он не похож. Ты же знаешь, что это за школа. Мы должны сбрасывать энергию. Пара месяцев без боев для Бастиана – наказание, а вот дольше... это наказание для всех, кто его окружает. Спорт здесь – не привилегия, это еще один способ укатывать нас в ноль. Чтобы не шатались по школе ночами, а приползали и спали.

На это я промолчала. Что тут скажешь? Если однажды Кейман скажет, что я снова смогу летать... я сделаю все, чтобы никогда больше не потерять эту возможность.

– Ну что, пришла пора собираться? – Эйген тоже заторопился. – Чисти перышки, Деллин, а я добуду тебе самое лучшее вино! И приглашу на третий танец.

– Почему на третий?

– На первый приглашают любимых, на второй – родных, на третий – друзей.

– А на четвертый?

– А больше трех медленных танцев подряд мужик выдержать не может.

С этими словами Эйген тоже куда-то сбежал. Я осталась одна готовиться к балу. До шести еще была куча времени, так что я неспешно прогулялась, наслаждаясь снятым арестом, потом вернулась в комнату и вытащила платье. При виде него каждый раз захватывало дух. Часть меня до ужаса боялась его надевать и, пожалуй, с большей охотой оставила бы его в шкафу. Но другая часть считала минуты.

Возможность хоть на один вечер заткнуть рты тем, кто считал меня человеком второго сорта, опьяняла. Наверное, Кейман на это сказал бы что-то вроде «не платье определяет твой статус в обществе», но это потому что он никогда не был восемнадцатилетней девушкой.

Сначала ты живешь на Земле и видишь идеальных актрис, идеальных моделей, смотришь на чужую роскошную жизнь. Потом почти смиряешься с собственной неидеальностью и учишься ценить, что имеешь. Затем вдруг происходит чудо и... ты снова смотришь на лучших. Только теперь они не только красивы и богаты, но и сильны.

Наверное, используя силу, я смогу поднять свой статус. Но хочется-то сейчас! Чтобы хоть на минуту, но Лорелей, Бастиан и вся компашка богатеньких уродов заткнулась и молча смотрела, открыв рты.

Пожалуй, сегодня на это были все шансы.

Платье сидело как вторая кожа. Идеальное, невесомое, очень легкое и в то же время

совершенно не теряющее формы. Оно красиво поблескивало даже в угасающем дневном свете, а уж в бальном зале, среди магических огней и мерцающих свечей, оно превратится в сказку. А я в нем – в принцессу. В настоящую Золушку на балу.

Главное, чтобы никто по тыкве не дал и туфли не спер.

– Делл? – Аннабет заглянула в комнату. – Ты готова?

Подруга выбрала классическое красное платье в пол. Оно подчеркивало изящную фигуру, хотя, на мой вкус, и было немного темновато. Но Аннабет не дарили дорожные наряды. Она покупала то, на что хватало денег.

При виде меня подруга восхищенно присвистнула.

– Вот это но-о-оги!

– Ноги?! Платье!

– Платье потрясающее. Но ноги в нем... Я, пока шла сюда, видела Лорелей. Она в желто-красных перьях и бриллиантах. Ужасная безвкусица. Так что на месте ди Файра я бы бросила эту швабру и запала на ноги. Так... стоп, ты что, пойдешь с такими волосами?

– Ну да.

Я тщательно расчесала волосы и, осмотрев себя в зеркале, сочла, что они смотрятся неплохо.

– Нет, так не пойдет. Это все равно что к такому платью надеть грязные садовые ботинки!

– Ну, спасибо, сделала подруге комплимент.

– Я не о том. – Аннабет отмахнулась. – Тебе нужна прическа.

– Я не люблю все эти пучки и кандибоберы на голове.

– Хорошо. Не хочешь быть роковой соблазнительницей, будешь дерзкой принцессой.

– И почему это звучит как описание каталога девочек по вызову?

Но сегодня Аннабет было не смутить. Она уверенным и властным жестом велела мне сесть на кресло и принялась творить. До начала бала оставалось полчаса. Полчаса до первой в моей жизни магической вечеринки.

– Ну что ж, господа, наступил момент истины. – Кейман усилием воли оторвался от созерцания вечернего дворика школы и повернулся к магистрам: – Все готовы?

Нестройный хор голосов возвестил, что дольше тянуть уже некуда и проигравшие с достоинством примут свою судьбу. Тогда он выставил вперед руку с карандашами, и магистры по очереди подходили, чтобы вытянуть жребий.

Короткие карандаши достались Оллису, Симону и профессору с факультета Земли, Кейман снова забыл, как его зовут, – он вообще плохо запоминал новеньких. Они часто сбегали после первого же учебного блока.

– Ну что ж, примите мои соболезнования. Желаю вам спокойного дежурства.

Те, кому короткого карандаша не досталось, изрядно повеселели, предвкушая вечер. Какая славная преподавательская традиция: ходить в бар во время Бала Огня! Единственный день, когда ни одного адепта не будет в городе! Наслаждение в чистом виде.

– Ну что? – Яспера поднялась. – Выдвигаемся, пока адепты ничего не учудили?

Да, стоит поспешить. Едва Кейман выйдет за территорию школы, все проблемы станут головной болью дежурных. А то, что эти проблемы будут, вопрос почти решенный. Не могут несколько сотен магов, запертых в одной школе, не создавать проблем. Самый

мерзкий возраст: хочется одновременно колдовать, трахаться и свершать революции.

Веселой гурьбой магистры направились к городу. Ежегодная традиция выбираться всем коллективом в бар нравилась Кейману. А вот балы и шумные праздники – не очень. Хотя в этом году было немного боязно оставлять Деллин. Что она там натворит? А ведь еще есть запертый в комнате ди Файр. Хотя в том, что огненный наследничек все же явится на бал, Кейман не сомневался. И даже просил дежурных не выставлять Бастиана, если тот будет вести себя прилично. Зачем портить измученным детям праздник?

Но в благоразумии Бастиана он сомневался.

– Нервничаешь? – спросила Яспера.

– Что?

– Она там одна осталась. Посреди стаи голодных волков. Я думала, в этом году ты сам вызовешься дежурить.

– Оллис и остальные способны справиться с неумной энергией адептов. И Шторм здесь совершенно ни при чем. Зачем ты к ней цепляешься?

– Она мне не нравится. – Яспера сердито поджала губы.

– Тебе много кто не нравится. Это не повод гнобить студентов. И хватит уже заставлять их переписывать книгу.

– А что мне еще делать?!

На миг ее зрачки из небесно-голубых стали изумрудными и вертикальными, а белые аккуратные зубы заострились.

– Попробуй научить их тому, что знаешь.

– Им не нужны мои знания. Особенно ЕЙ.

– Хватит беситься. Деллин – просто адептка. Она закончит школу и уйдет из твоей жизни навсегда.

– Уж конечно. Мне-то хотя бы не лги, Крост! Я же вижу, как ты на нее смотришь. Стоит ей повзрослеть – и ты уйдешь к ней, едва появится возможность.

– Оставь свои фантазии, – с легким раздражением отозвался Кейман. – Они не имеют ничего общего с реальностью. Давай просто отдохнем, выпьем, а потом вернемся ко мне. Завтра до обеда спальня в нашем полном распоряжении.

Яспера насупилась, но промолчала. А Кейман почувствовал, как настрой на веселый вечер с коллегами стремительно угасает. Женщины... они с такой легкостью бьют в уязвимое место, с какой и находят его. Особенно такие, как Яспера.

Когда-то ему понравилась красивая, дерзкая и сильная темная. Когда-то он рассмотрел в ней не просто странную адептку с неконтролируемым даром. Научил пользоваться своей особенностью, превратить слабость и боль в силу. Обращенная демоном в юности, Яспера стала не забитой и затравленной сверстниками жертвой, а одной из самых сильных темных магичек. И если бы не наказание, заставляющее ее преподавать под полным контролем Кеймана, она бы добилась очень многого.

Она бесится не столько из-за его внимания к Деллин, сколько оттого, что видит в ней себя. А ревность мужчины к улучшенной копии тебя – мощный катализатор темной энергии.

Со вздохом магистр посмотрел в темное небо, где снова сгустились штормовые тучи. Казалось, вот-вот нагрянет очередная Штормхолдская гроза.

А затем он перевел взгляд на здание на площади. Оно располагалось прямо напротив бара, и рабочие как раз вешали новые плакаты на белоснежные идеально ровные фасады.

Сначала Кейман Крост не поверил собственным глазам.

- Новая коллекция Найтингрин? - услышал он голос Ясперы. - А это... Кейман...

- Да твою же мать, - сквозь зубы выругался он и резко развернулся в направлении школы.

Глава 11

Золушка шла на бал в волшебных хрустальных туфельках и обычном, пусть и очень красивом, платье. А я – наоборот. Туфельки на мне были самые обычные, одни из тех, что купил Кейман, а вот платье – наколдованное невидимой феей. Или феем. Или маньяком. Но в нем я тоже чувствовала себя так, будто сейчас должна по-быстрому потанцевать с принцем, договориться с ним встретиться завтра у ЗАГСА и сбежать, пока карета не превратилась в тыкву.

А еще вспоминалась книга Стивена Кинга: та самая, где на выпускном героиню облили свиной кровью. Там, помнится, тоже платье было. Пусть и не из последней модной коллекции.

Входя в зал, я даже наверх на всякий случай посмотрела. Хотя если бы там и впрямь оказалось ведро с чьей-нибудь кровью, то внимательность меня бы не спасла.

Пожалуй, впервые до меня дошел масштаб финансирования Высшей Школы темных. Внутренние интерьеры старинного замка я восприняла как нечто само собой разумеющееся: ни в одной прослушанной мной книге адепты магических академий не жили в дырявых общагах с крысами и тараканами за сорок минут езды на трамвае от места учебы. Но выкинуть кучу денег на школьный бал... я уже примерно представляла, сколько стоит такое.

Мы словно оказались посреди огненного калейдоскопа. Под потолком то вспыхивали, то угасали вихри из языков пламени и мелких блестящих искр. Посреди зала установили платформу, на которой, причудливо изгибаясь и двигаясь в такт музыке, танцевали три девушки с золотисто-красной краской на коже. Взгляды многих парней были прикованы к тренированным и пластичным телам в эффектных нарядах.

В противоположном конце расположились столы с закусками и напитками. На входе нам с Аннабет вручили по бокалу игристого вина: единственная вольность для адептов. Давали по одному бокалу на человека и лично в руки. И даже вино было в общий тон: оранжевое, с отблесками перламутра.

– Мне кажется, что я пью шампунь, – призналась я.

Жидкость в бокале действительно напоминала какой-нибудь гель для душа или бальзам.

То тут, то там, вспыхивала магия: едва сменялась музыка, огненные птицы, кувырнувшись в воздухе, становились драконами, а огненные цветы – прекрасными танцовщицами с осиными талиями и юбками-лепестками.

Адепты наряжались кто во что горазд. Платья у девушек были пышные, строгие, короткие и средней длины, ярко-красные или черно-оранжевые. Платья девушек с факультета огня, конечно, всю привлекали внимание световыми эффектами, а адепки с других факультетов так или иначе стремились подчеркнуть свое отличие.

Парней наряжать не стали: в основном все были в костюмах со значками факультета огня на груди. Кто-то в удлиненных пиджаках, кто-то просто в рубашках.

Но всех их объединило одно: они дружно замолчали, когда я вошла.

Я постаралась унять дрожь в коленях, тем более, что платье их не закрывало. Но сердце все равно стучало с такой силой, что даже становилось страшно.

Надо думать, Лорелей с подачи Бастиана растрепала всем, что у меня нет платья. В последние недели я хоть и не привлекала внимания, все равно была на слуху: скандалы с участием ди Файра долго обсасывали.

К слову, сама Лорелей стояла в сторонке, в стайке своих подружек. Перья действительно щедро украшали ее пышное красное платье. Но даже они не портили образ так, как кислое, с примесью бессильной злобы, лицо.

Я с улыбкой отсалютовала ей бокалом. Совру, если скажу, что не испытала удовлетворения при виде этой картины. И хотя под многочисленными взглядами идти к

столику с закусками было немного неуютно, я рада, что меня пустили на бал и мысленно готова благодарить того, кто прислал платье.

Если выясню, кто именно, и эта личность придется по душе – поблагодарю вслух. Только надо дождаться конца бала, чтобы без сюрпризов. Эйгену я, конечно, верила, на предмет того, что платье чисто от магии. Но вдруг?

– Не хватает только Бастиана на огненном троне, – заметила Аннабет, осматриваясь.

– Сплюнь!

Спасибо хоть в моем присутствии Аннабет старалась не слишком восхищаться Бастианом. Но ее легкомысленная влюбленность была заметна издалека. Такое нежное воздушное чувство, которое девчонки испытывают к поп-звездам или актерам. Когда нафиг не нужно такое счастье в реальной жизни, но издалека мечтать приятно.

Хорошо, что Бастиан не появился. Мне хватит того, что к нам уже спешила Лорелей.

– Тебя здесь быть не должно! – отчеканила она.

– Я проявляю к тебе уважение, ау! – Я помахала у нее перед носом рукой. – В этом смысл праздников стихий. Мы ходим по кругу и друг друга уважаем. Вот ты меня уважаешь?

– Ты наказана! Почему Бастиану не позволили прийти, а ты здесь? Насосала у директора на билет? И, – она скривилась, окинув меня взглядом, – на платье.

– Лорелей, в мире есть и другие способы решения проблем. Менее травматичные для челюсти. Вон она у тебя уже как выпирает. Ты смотри, профессиональные болячки – они такие.

Девушка в прямом смысле заискрилась. Я осознавала, что мы устроили банальную женскую свару и нас слушают, затаив дыхание, почти все присутствующие. Но мне было плевать. Праздник себе испортить я не позволю.

– Думаешь, раздобыла тряпки – и стала королевой?

– Думаешь, твое ателье – единственное на всем белом свете?

Прежде чем я успела отшатнуться, Лорелей протянула руку и отогнула краешек моего рукава. Там, на внутренней стороне, золотом были вышиты инициалы – «Р.Н.». Рианнон Найтингрин, конечно, оставляла свой знак на всех изделиях, а я даже и не знала об этом. Но модница и богачка Лорелей безошибочно определила, куда надо смотреть.

– Подделка! У Найтингрин нет такого платья, я знаю все ее коллекции! – бросила она. – Не стыдно?

– Не стыдно, – улыбнулась я. – Тем более что это новая.

– Чушь!

Я пожала плечами:

– Мне плевать. Пожалуйста, сгинь с моих глаз. Ты разве не должна утешать своего короля? Сидит там, в комнате, один, несчастный.

Не знаю, чем бы это все кончилось. Вряд ли чем-то хорошим. И блондинку, и меня уже несло, как товарный поезд. Но, на наше счастье, подоспел магистр Оллис. Сегодня молодой преподаватель был чудо как хорош в черных брюках и черной же рубашке. Значок у него был другой, с гербом школы и языками пламени вокруг.

– Девушки, что здесь происходит? – с мягкой улыбкой поинтересовался он. – Почему никто не танцует?

Лорелей угрюмо молчала, и в разговор влезла Аннабет:

– Лорелей считает, что у Деллин поддельное платье. И ее это очень беспокоит.

Оллис нахмурился, словно недоумевал, почему его вообще привлекают к решению подобных вопросов. Меня мучил тот же вопрос. Но тут, к всеобщему удивлению, магистр произнес:

– Боюсь, что на этот раз вы не правы, Лорелей. Деллин работает на дом Найтингрин. Все в порядке. Ступайте и развлекайтесь, ни о чем не беспокойтесь.

Намек непрозрачный, я бы сказала толстенный. Лорелей нехотя удалилась, а я с облегчением глотнула шампанского. На меня все еще пялились и – можно было не сомневаться – обсуждали, но первый смотр пройден.

– Спасибо, – улыбнулась я Оллису.

– Вы ведь добыли платье законным путем, да?

Я? Не знаю. Тот, кто мне его прислал, не счел нужным дать гарантии.

– Откуда вы знаете, что я работаю на леди Найтингрин?

– В мои обязанности входит просмотр уведомлений о подработках адептов.

– О... я думала, это дела Кейм... магистра Кроста.

– И его тоже. Но иногда он уезжает или просто занят, и, чтобы никто из адептов не попал в историю, уведомления просматриваю я. Так кем вы работаете у леди Найтингрин?

Пришлось признаться:

– Я представляю последнюю темную коллекцию. Позировала для их художника в новых платьях.

– Впечатляет. И платье на вас очень красивое, Деллин. Не слушайте никого, кто попытается испортить вам настроение. Это зависть.

От неожиданной похвалы, да еще и от магистра, я залилась румянцем и поспешила глотнуть еще игристого. По телу разливались приятные легкость и тепло. Я с нетерпением ждала танцев и, как и полагается дебютантке студенческих тусовок, нервничала, пригласит ли меня хоть кто-то.

– Девчонки! – К нам подлетел радостный Эйген. – Я нашел вина...

Тут он заметил магистра и осекся:

– ...ватый вид Лорелей, чем вы ее достали?

Оллис тактично сделал вид, что оговорку не заметил.

И тут танцовщицы исчезли, свет стал приглушеннее, и раздались первые аккорды первого танца.

– Так, я пропускаю! – сразу объявил Эйген.

Музыканты – статный пианист и массивная оперная дива в ярко-желтом платье, специально выбрали песню с длинным проигрышем, чтобы все пары успели найтись. Аннабет с надеждой вглядывалась в толпу, а я тем временем почувствовала чью-то руку на своем локте.

– Деллин? – Магистр Оллис протягивал руку, приглашая в центр зала.

Я испуганно округлила глаза.

– А разве... можно?

– Вы пришли без пары, мне пара не положена, так почему нет? Я должен следить за порядком на празднике, а это лучше делать из гущи событий.

- У вас не будет неприятностей?

- Если вы со мной потанцуете, то у меня будет как минимум одна приятность. Ну же, не бойтесь. Я не отдавлю вам ноги.

- Я не умею танцевать, - призналась я.

- Просто расслабьтесь. Я вам подскажу.

Танец с магистром обладал несомненными плюсами: минимальный контакт, почти целомудренное объятие и свобода. Мешаться преподавателю никто в здравом уме не решился, так что нам давали пространство, расступались на пути и мне даже никто не попытался поставить ножку. Хотя, судя по некоторым взглядам, мысль такая возникала.

- Волнуетесь? - спросил Оллис. - Ваш первый выход.

- В этой школе основная задача - сделать так, чтобы он не стал последним.

Магистр рассмеялся.

- Неужели все так плохо?

- Ну, вы ведь знаете, что меня наказали.

- Да, жалко ваши крылья. Поверьте, Деллин, я понимаю, что таким, как вы, в школе нелегко. Но я заверяю: оно того стоит.

- Вы тоже учились здесь?

- О нет, я учился в столице. Но мой старший брат одно время здесь преподавал. Это сложно объяснить, можно лишь увидеть. Кейман возится с каждым из них. С последней богатенькой стервой, с самым неадекватным сыночком лордов. Каждый из них попал сюда, потому что больше было некуда идти. В обычной школе за всплески магии наказывают, неумение контролировать свою силу многими воспринимается как неспособность к обучению. И только здесь их учат, как с этим справляться. Поверьте, тот же ди Файр два года назад и сейчас - два совершенно разных человека. Мальчишка учится жить со своей силой. Медленно, но учится. Любой другой директор давно бы уже отчислил его и спал спокойно, но Кейман знает, что ничего хорошего Бастиана в этом случае не ждет.

- Ого. - Я действительно пребывала под впечатлением. - Вы, похоже, фанат Кеймана Кроста.

- Я надеюсь набраться опыта и открыть свою похожую школу. Только уже для тех, кто не может оплатить эту.

Он остановился и подмигнул мне:

- Только все, что я вам тут наговорил, останется между нами, ладно?

На эту улыбку было невозможно не ответить. Оллис практически спас мой первый танец, да и все появление на балу.

- Только при одном условии. Потанцуйте с Аннабет? - попросила я.

Подруга все еще растерянно стояла у столиков с напитками и имела крайне унылый вид. Когда Оллис ее пригласил, то чуть-чуть повеселела. А мне стало обидно. Ведь Аннабет - симпатичная девчонка. Фигуристая, улыбчивая - что не так? И пусть на ней не платье от дизайнера, но оно ей идет! А виной всему бедность и отсутствие влиятельных родителей?

К слову, как так вышло, что я никогда не спрашивала Аннабет о прошлом? Чувствовалось, что эта тема ей неприятна, но... неужели мы говорили только обо мне? Похоже, так оно и было. Моя злость на Ясперу, мои занятия с Кейманом, моя вражда с Бастианом, мое платье, моя работа. А ведь Аннабет тоже кем-то работала. Я даже не знала кем, какую работу выполняла. Хороша подружка, ничего не скажешь.

Второй танец я пропустила, закусывая вино, ударившее в голову. Зато на третьем

оторвалась с Эйгеном: мы больше дурачились, чем танцевали. Но неизбежно привлекали внимание.

– Я вот думаю, на нас смотрят, потому что я неотразим или потому что твоя юбка слишком короткая?

Помимо меня в платьях выше колен были только две девицы, но их ноги скрывали пышные шлейфы на ремне. Мое платье даже не было самым ярким, а на него все равно все пялились!

– Танцуем? – Эйген сдал Аннабет после очередной песни в руки какому-то смельчаку и подошел ко мне.

– Пропущу. Устала. Туфли жмут с непривычки.

– Скоро дамы будут приглашать кавалеров. Присмотрела себе кого-нибудь? Знаю, детка, что ты безответно страдаешь по мне, но я уже договорился с Аннабет.

– Не надейся, Роял, я никогда не смогу забыть ананас.

Эйген сделал вид, что обиделся, и беззлобно пихнул меня в бок.

– Не так уж плохо, да? Когда его нет?

– Когда их нет. Кейман тоже добавляет нервозности. Но да, примерно такого я и ждала. Не скажу, что мне не нравится зеленая морда Лорелей.

– Мне нужно напоминать, чтобы ты не ела и не пила ничего из чужих рук?

Я не успела ответить, мое внимание привлекла Надин. Капитан школьной команды по крылогонкам и платье выбрала соответствующее: легкая шифоновая накидка лежала на плечах и струилась по спине до пола, на манер крыльев. Мне показалось, Надин выглядела взволнованной.

– Делл, можно с тобой поговорить?

– Говори, конечно. – Я ощутила легкое волнение, будто предчувствие чего-то нехорошего.

– Не здесь. Давай уйдем туда, где стервозины из койки ди Файра нас не услышат. Это о твоём возвращении к крыльям. Но пока секретно.

Сердце мгновенно забилося чаще. Неужели Надин удалось найти подход к Кейману и мне вернут крылья? О боги, я буду самой законопослушной адепткой на свете! Даже если меня все-таки обольют свиной кровью, то я лишь облизнусь и отмечу, что анемия мне теперь не грозит!

– Присмотри за Аннабет, – бросила я Эйгену. – Чтобы ее никто не обидел.

Вслед за Надин я направилась к выходу из зала. И лишь ступив за порог, поняла, какой громкой была музыка и какими яркими – декорации. Стало как-то слишком пусто и тихо, даже слегка зябко.

– Так о чем ты хотела поговорить?

– О твоём возвращении. – Голос у Надин был какой-то тихий, пришибленный.

Вокруг никого не было, но она упорно шла вперед, пока не остановилась перед дверью в какой-то кабинет или комнату.

– Поговорим здесь. Это важно.

Пожав плечами, я вслед за Надин протиснулась в комнату и попыталась нащупать кристалл, включающий свет.

– Да где он здесь включается-то? Ты не могла найти другое укромное место? Что это вообще...

Я, в попытке нащупать все же кристалл освещения, запнулась о какое-то ведро, и оно с грохотом прокатилось по полу.

– Да... тихо поговорить не получилось, теперь весь замок знает, что я закрылась в темном классе со старшекурсницей. Надин?

– Прости, Делл... – вдруг донеслось до меня.

– Что?

– Извини! Я не могла... прости!

С этими словами дверь снова открылась – Надин выскользнула в коридор, и я вновь оказалась в крошечной тьме. Щелкнул замок.

– Эм...

Вот от кого такой подставы, а от Надин я точно не ждала! Она что, закрыла меня в подсобке, чтобы я не танцевала на балу? Да ну, не может же быть такого бреда! Я боялась, что придется стоять против магии, против насмешек и слухов, но не сидеть же среди швабр взаперти!

– Какая наивная Деллин... – вдруг раздался вкрадчивый насмешливый голос. – Доверчивая и глупая.

В комнате, под потолком, вспыхнул огненный шар, и в свете языков пламени силуэт Бастиана ди Файра стал особенно пугающ. На миг я даже забыла, как дышать, просто не могла сделать вдох, и это состояние встревожило даже сильнее, чем взгляд парня. Полный ненависти и огня.

– Что тебе нужно? – спросила я.

Бастиан рассмеялся.

– Послушать, как звучит твой испуганный голосок. Посмотреть, как с твоего лица сходит довольная улыбка.

Он сделал несколько шагов, и я невольно отступила, вжавшись в стену. Нарочито медленно провел рукой по коже у самого краешка выреза платья.

– Может быть, почувствовать, как ты дрожишь.

– Бастиан, ты что, дурак? – Я попыталась справиться с предательским страхом. – Очнись! Это не твоя школа, это не твое королевство, тебе не сойдет с рук...

– Что? – Он иронично усмехнулся. – Что не сойдет? Разговор с тобой в темной комнате? Я ведь еще ничего не сделал. Ну-ка, расскажи, в чем ты меня подозреваешь. Может, какая-нибудь идея мне понравится.

До сих пор огненный король со мной играл. Все его издевки, даже самая первая, когда он точно так же силой притащил меня в какой-то класс, были детским лепетом. А вот сейчас он был зол. В темных глазах плясали даже не языки пламени, а пожар. На контрасте ласковый голос, пожалуй, мог бы стать изюминкой в образе какого-нибудь маньяка.

Пугающая красота. Бастиан был красив, этого не отнять. Но, похоже, слабо контролировал собственные эмоции. Чуть меньше, чем он сам, меня пугал огненный шар под потолком. Он пульсировал, то расширялся, то сжимался до размеров теннисного. Будто у парня не хватало стабильности его контролировать.

Он поставил руки по обе стороны от моей головы, отрезая пути к бегству и рассматривал платье. Медленно, особенно задерживая взгляд на вырезе и голых коленках. Затем опустил руку и ладонью провел по ноге, сминая невесомую ткань.

– Страшно тебе, Деллин?

– Ты ничего не сделаешь.

- Ничего?

- Не посмеешь.

- Да ну?

- Кейман дал тебе возможность учиться. А ты ведешь себя как последний...

Глаза Бастиана снова полыхнули, он со всей дури ударил кулаком в дверь, и я взвизгнула.

- Ты ничего не знаешь обо мне.

- Как и ты обо мне. Но с первой нашей встречи ты буквально истекаешь ядом. С чего бы? На других сироток ты даже не смотришь. Я тебе кого-то напоминаю? Ты меня боишься?

- Боюсь? - Ди Файр снова фыркнул. - Нет, Деллин, это ты меня сейчас боишься. Ты прекрасно знаешь, что никто тебя здесь не услышит. И в ближайшую пару часов никто не хватится. Твоя подружка сейчас ошалела от внимания моих ребят. Они могут быть очень обходительными, когда надо занять голову нищей дурочки. А Эйген, если ты рассчитываешь на него, сейчас тоже немного занят. Надин меня не сдаст, она знает, что бывает с теми, кто не исполняет мои приказы. Ну? Кто тебя пойдет искать? У нас много времени.

Он будто накручивал сам себя, заодно подкидывая дров в мою разгорающуюся панику. Пока я еще сдерживалась, но уже научилась чувствовать подступающую магию.

- Что тебе от меня нужно?!

- Чтобы ты убралась отсюда. Раз и навсегда.

- Зачем? Назови причину!

- Тебе не нужна причина. Тебе нужно уяснить одно: перейдя мне дорогу, ты подписала себе приговор.

- Да я к тебе даже не приближалась! - в отчаянии воскликнула я.

Бастиан себя уже не контролировал. Под его ладонями вспыхнули и сразу погасли огоньки, а с потолка посыпались искры.

- Ты ненормальный... - онемевшими губами прошептала я. - Остановись, ди Файр, ты с ума сошел!

- Может быть... - хрипло пробормотал он, сильнее вжимая меня в стену. - Очень может быть.

Отпихнуть его не получилось, ладонями я уперлась практически в стальной пресс парня. Тренировки и бои не прошли даром: я бы не сдвинула его и на миллиметр! Ощущение его ладони на ноге чуть выше колена было похоже на прикосновение горячей сковородки! Рукава рубашки парня были закатаны до локтей, и руки вдоль вен охватило пламя.

Бастиан склонился надо мной, прижался губами к обнаженной шее.

- Бастиан, мне больно! - хныкнула я, касание его губ грозило оставить настоящие ожоги.

Моя собственная магия все же вырвалась наружу: раздался треск, и под потолком медленно начала расти сетка из электрических нитей. Они смешивались с огненным шаром, он искрил и стремительно рос. Несколько особенно длинных швабр начали дымиться, сетка стремительно заполняла собой пространство, а шар плевался сгустками огня, и, черт возьми, они были адски горячими!

Бастиан, действуя будто инстинктивно, закрыл меня собой: ему пламя не причиняло никакого вреда. Но к этому времени я уже не была способна на самоконтроль, и там, где мои руки упирались в живот парня, вспыхивали и тут же гасли, оставляя на белоснежной рубашке следы, электрические искры.

Загорелись деревянные полки. Сквозь ужас, накрывший с головой, пришло знание из прошлого мира: стандартная комната выгорает за четыре минуты. И люди, находящиеся в ней – тоже. Если Бастиан не умиротворит свою стихию, нам придется туго!

– Да успокойся же ты! – закричала я. – Тебя что, Кейман лес валить не учит?!

Мои неконтролируемые всплески электричества как-то сами собой отошли на второй план. Комната все еще была залита бело-голубым светом электрической сетки над нашими головами, но сейчас я уже не боялась, что нас убьет током. Это была бы самая легкая и относительно безболезненная смерть. А вот сгореть заживо не хотелось.

Очень сложно думать, когда в твердую стену тебя вжимает чужое тело, когда невозможно сделать полноценный вдох и кожа плавится от адской жары. Я заглянула в глаза огненного короля, пытаюсь найти в них хоть толику холодного разума, но сейчас они были чистым первородным огнем. Он затягивал в свой омут все глубже и глубже, я уже не могла оторвать взгляд.

Дверь подсобки открылась одновременно со странным, жутким, но интуитивно верным решением. Я обвила руками шею Бастиана и прижалась к его губам своими. Краем глаза увидела круглые от шока глаза Лорелей, а потом все стихло.

Пламя все еще бушевало, а под потолком я ощущала сгустки собственной магии. Первые мгновения поцелуя ничего не происходило, а потом руки ди Файра сомкнулись у меня на талии, крепче прижимая, и внутри стало ужасно горячо. Это была не эротическая метафора из глупой книжки, я словно набрала полные легкие горячего дыма. Нестерпимо, до слез и до дрожи больно.

Ноги подкосились, и если бы парень меня не держал, я бы рухнула на пол, но когда наваждение спало, магии вокруг уже не было. Мне остались неистово бьющееся сердце, вкус чужих губ и целая толпа зрителей.

Ди Файр не ждал, что я его оттолкну, от неожиданности он снес спиной несколько полок. А я, отпихнув с дороги деревянную и вконец офигевшую Лорелей, устремилась прочь, не разбирая дороги. Плевать, куда! Лишь бы подальше, лишь бы перевести дух и как следует продышаться.

В коридоре врезалась в Аннабет.

– Делл!

– Пошли! – Я схватила ее за руку. – Надо сматываться отсюда и быстро найти Эйгена.

Пусть ди Файр сам объясняет, что он делал в подсобке, что там все загорелось. По крайней мере, своей больной на голову подружке. Меня больше волновала судьба Эйгена, которому наше величество обещало сюрприз и наверняка его приготовило. Он сам признался в этом перед тем, как поехать кукушкой.

Осторожно, чтобы не привлекать внимание, я заглянула в зал и пересчитала самых верных Бастиановых дружков. Четверых не хватало, но, может, они были среди тех, кто застал нас в чулане?

Зато я увидела бледную как смерть Надин, и внутри даже шевельнулась жалость. Хотя какая может быть жалость? Хоть бы намекнула, глазом там моргнула... я бы отказалась с ней идти, а Надин бы просто развела руками. Мол, ну вот такая вот стерва подозрительная, я-то при чем?

При виде меня с лица крылогонщицы сошла оставшаяся краска. Даже помада на губах, казалось, побледнела.

– Деллин... я...

– Не хочу ничего слушать. У тебя есть единственный шанс исправиться: где Эйген? Ты его видела?

– Нет, но... – Она закусила губу.

Я могла поклясться, что в глубине синих глаз девушки видела беспорядочно скачущие мысли. Хотя, конечно, это были просто отблески магических всполохов позади меня.

– Ну?!

– Они обычно собираются за храмом Кроста. Там есть укромная поляна, куда редко заходят с основных аллей.

– Пошли! – скомандовала я Аннабет.

– Но нам же нельзя выходить ночью...

– Ди Файр нехорошо обмолвился об Эйгене. Я за него волнуюсь. Идем, поищем.

В коридоре намечалась какая-то движуха: кажется, тушили чулан. Я поймала удивленный и заинтересованный взгляд подружки, но только отмахнулась. Поговорить еще успеет, интуиция прямо кричала, что Эйген ушел с приятелями Бастиана не просто так.

Мы вышли в ночную прохладу. Дело близилось к зиме, в этом мире не было месяцев, как таковых, но, по моим прикидкам, сейчас заканчивался ноябрь. И хоть школа находилась в куда более теплом климате, чем я жила на Земле, все равно идти было немного зябко.

– Эйген! – позвала я.

– А что мы будем делать, если друзья Бастиана еще там?

– Что-что, как обычно, сначала делать, а потом думать, – стуча зубами, отозвалась я. – Эйген, тебя ищет магистр Крост!

– Ты надеешься их напугать?

– Я уже ни на что не надеюсь.

Мы стремительно приближались к часовне Кроста, но никаких голосов не слышали. А ведь Надин могла и соврать, тогда здесь меня ждала еще большая неприятность, чем в подсобке. Хотя что может быть хуже злобного короля огня? Уж его дружки по неадекватности с вождем не посоревнуются.

– Тш-ш-ш! – Аннабет приложила палец к губам. – Слышишь?

Сначала я не слышала ничего, а потом – слабый стон, доносящийся откуда-то слева. С аллеи, на которой мы стояли, была видна лишь густая чаща. Эта часть парка была несколько менее ухоженной, чем центральная. Но если раздвинуть ветки, то можно было пройти на небольшую, очень уютную полянку. Она со всех сторон была закрыта ветками и листьями, и если бы не стон и не подсказка Надин, я бы ни в жизни ее не нашла.

Эйген, пошатываясь, пытался подняться. Он с трудом опирался на тонкий ствол какого-то деревца, а все лицо было залито кровью. Я замысловато выругалась и бросилась к нему.

– Деллин, – пробормотал он.

Из носа парня хлынула кровь, он в очередной раз дернулся и, в попытке устоять на ногах, схватился окровавленной рукой прямо за мое платье.

– Вот демон... прости, Делл...

– Спокойно. Пошли в школу.

– Нет, погоди, мне надо полчаса, восстановить резерв. Я не могу таким пойти. Надо крупниц, Риз забрал браслет.

– Ты совсем дурак? – разозлилась я. – Тебя избили! Тебе нужен лекарь!

Он посмотрел на меня таким ясным взглядом, что перечить и командовать как-то даже расхотелось.

– Делл. Поверь мне. Пожалуйста, сходи в мою комнату и возьми из ящика крупы. Вот ключ.

Он снял с шеи небольшой бронзовый ключик. Такой был и у меня, только запаса крупы я не держала, лишь хранила в ящике деньги.

– Я схожу! – вызвалась Аннабет. – Я собираю меньше неприятностей, чем вы.

– Мы будем в храме Кроста, – сказала я, поудобнее перехватывая Эйгена – идти он мог с трудом.

– Ты уверена?

– Холодно! Я не буду здесь торчать. Давай бегом. Как же вы меня все достали, братцы-огневики.

Помогая Эйгену дойти до часовни, я, чтобы не сосредотачиваться на усилиях, недовольно бурчала:

– Все проблемы от факультета огня. Давно вас надо расформировать, а магию раздать всем поровну. Вы не можете жить без свар, у вас у каждого внутри шило полыхает, а у ди Файра вообще в голове вместо мозга – тлеющая солома!

Наконец двери часовни приветливо распахнулись, и я посадила Эйгена у стены, а сама перевела дух.

– Жалко платье.

– Да ладно, – отмахнулась я. – Зачем ты с ними пошел?

– Не пойдешь, хуже будет.

– Что, тоже правила факультета?

– Да нет, мужская честь. Я же не трус.

– Ага, я не трус, я не боюсь, а ребра – подумаешь, срастутся.

– А ты-то чего выскочила меня искать? Что хотела Надин?

– Надин хотела в лоб. Бастиан решил мстить всем одним махом.

– Ты в порядке? Это из-за него у тебя такие следы?

– Что? – Я встрепелась. – Следы?

Зеркал в часовне, конечно, не водилось, и сколько бы я ни косила глаза, рассмотреть, что там у меня на шее, не получилось. Но я помнила, как обжигающе больно ди Файр касался кожи губами, и могла себе представить, что там за следы остались. Мне даже дышать было немного больно после поцелуя.

Но об этом я Эйгену говорить не стала. Хотя Аннабет, примчавшаяся буквально через пять минут, все равно выпытала.

– Вот твои крупы. Делл, я заскочила к себе и взяла зелье для очистки, оно было у одной... кхм... в одной лавке, я покупала там набор для шитья, пуговицу пришивала к форме. Чем быстрее зальешь пятно, тем больше шансов, что ничего не останется.

Так мы и сидели: Эйген что-то колдовал с крупами и соскребал с лица засохшую кровь, Аннабет ему помогала, а я медитировала на медленно исчезающие с платья пятна крови. Невероятно дорогую и красивую вещь все же удалось спасти.

– А теперь рассказывайте, что произошло! – наконец прервала молчание подруга. – Стоило мне отойти на десять минут, вы оба вляпались, и оба в разное, но одинаково дурно пахнущее!

Здесь стоит отдать Бастиану должное – пах он приятно. По крайней мере до того, как

чулан не заволокло запахом дыма и гари.

Пришлось кратко пересказать о подставе Надин и очередном требовании Бастиана свалить из школы.

– А ты сама-то почему ушла с бала? – спросила я Аннабет.

– Я что, по-твоему, на уровне развития черепашки? То меня в упор не видят, то вдруг наперебой лучшие лакеи ди Файра начинают приглашать на танец и отвечать комплименты глазам. Второй по счету отправился в веселое путешествие и до сих пор ищет морозилку, чтобы окунуть туда свои яйца, козлина.

Аннабет подумала и на всякий случай еще и неприлично выругалась.

– Давай нажалуемся Кросту, а? Это уже ни в какие ворота.

– Не надо, – покачала я головой. – Я не хочу рассказывать Кейману, что произошло в подсобке.

– А что там, собственно, произошло?

– Я и сама не поняла. Ди Файр явно потерял контроль над магией, все вокруг вспыхнуло, он... я не знаю, вроде как меня закрыл, а потом я его поцеловала и магия словно... я не знаю, сначала я почувствовала, как мне очень горячо, а потом все стихло. Ну и открылась дверь, и вся компания Бастиана застала его лапу на моей заднице... в общем, в самый неподходящий момент. Лорелей стала цвета собственных перьев, остальных девок, кажется, затосило, а у парней прямо ошибка системы: вроде как за такое в их кругу полагается порицание, но порицать короля как-то не алё. Полагаю, они решат, что один раз – не контрабас.

Аннабет с Эйгеном покатались со смеху, и я тоже нашла в себе силы улыбнуться. Хотя тогда все это было нифига не смешно. И контроль потерял не только Бастиан. Я не знала, что творю, но почему-то вдруг подумала, что если его поцелую, то непоправимого не случится... и случилось что-то другое.

– А как он целуется?

– Не знаю. Мне не с чем сравнивать. Вот я накоплю опыт, сравню, а потом...

– А потом пошлешь ему заключение, – фыркнул Эйген и тут же поморщился. – Так, мол, и так, господин ди Файр, целуетесь вы средненько, по десятибалльной шкале на пятерочку. Вот вам помидор, тренируйтесь.

Не представляю Бастиана тренирующимся целоваться на помидорах. Вообще не представляю его трепетным и невинным юношей, а ведь когда-то он наверняка им был. И у него был первый поцелуй, и он, возможно, влюблялся.

А если пофантазировать еще дальше, то Бастиан, возможно, влюбился неудачно. И с тех пор ходит злой, как тварь из того фильма, которая весь экипаж корабля сожрала.

– На самом деле, – Эйген вернул меня в реальность, – подобная способность есть и у магистра Кроста. Он умеет гасить спонтанные всплески магии. Ну и некоторые препода тоже. Поэтому школа и принадлежит темным.

– Им что, тоже приходится лезть с поцелуями?

– Нет, боюсь, в твоём случае решающую роль сыграло половое созревание, – фыркнул Эйген.

Честное слово, если бы ему не переломали ребра, я бы сделала это сама!

– Ребят, а Крост... ну, – Аннабет с опаской посмотрела вверх, – не рассердится, что мы здесь сидим?

– Не знаю. Раз до сих пор не убил нас молнией, то, наверное, нет. В конце концов, это же часовня. Мне кажется, такие места должны служить убежищем. А нам сейчас убежище не помешало. Но на самом деле я предлагаю возвращаться. Я не хочу снова сидеть под

арестом, а если нас хватятся, Кейман живьем шкуру спустит.

- Чертовски верно, адептка Шторм, – раздался мрачный и холодный голос... Кеймана.

О, нет, бог грозы на меня не разозлился. А вот директор школы – очень даже.

Картина была достойна запечатления. В трех креслах перед Кейманом сидели в рядочек я, Аннабет и Эйген. Магистру Оллису места не нашлось, но он, кажется, не жаловался.

- Начну с простого. Адептка Фейн, потрудитесь объяснить, на каком основании вы оказались вне стен школы в вечернее время.

- Я вышла прогуляться, – пролепетала Аннабет.

- Прогуляться?

- Да. Понимаете...

- Пока не очень.

Оказывается, в подруге скрывался и актерский талант. Так умело изображать раскаяние... и почему меня природа обделила таким качеством? Я бы непременно на вопрос об основании вылазки уточнила, что отбоя, технически, еще не было, а значит, можно было и погулять. Вот только это уточнение вряд ли улучшило бы мое положение.

- В приюте я никогда не пробовала вина. И разрешенный на балу бокал ударил мне в голову. Поэтому я решила прогуляться.

- И все?

- И все.

- Кыш, – отрывисто скомандовал Кейман, и Аннабет сдуло со скоростью ветра.

Место освободилось, но Оллис все равно не торопился в него садиться.

- Теперь вы, адепт Роял. Что с вашим лицом?

- Все нормально, – буркнул Эйген.

Он на «Оскар» не претендовал, так что просто ушел в глухую оборону.

- Какие-то у нас разные понятия о нормальности. С кем была драка?

- Ни с кем. Я упал.

- Как неудачно вы упали. И ребра, и нос, и синяк на лбу будет, да и под глазом наливается. В какую, прошу прощения, дыру вы упали?

- В парке. На корягу.

- Итак, поправьте меня, если ошибусь. Адептка Фейн перебрала на балу, и ей стало нехорошо. Тогда она решила прогуляться. Вы, как мужественный спутник прекрасной дамы, вызвались ее проводить и в процессе прогулки по саду упали на корягу. Все верно?

- Типа того.

- Адепт Роял, вы же понимаете, что если завтра упадете на эту же корягу еще раз, то у меня не будет оснований ее отчислить из сада?

- Да.

- И все равно не хотите показывать мне конкретное место, в котором произошло... падение?

- Не хочу.

- Хорошо. – Кейман тяжело вздохнул. – Ступайте к себе и постарайтесь больше не

спотыкаться.

Дверь за Эйгеном закрылась.

- Ну, вот и десерт. Даже не знаю, с чего начать... Давайте, адептка Шторм, с простого. Что вы знаете о загоревшемся во время бала чулане?

- Ничего, - поспешно ответила я.

Кейман видел меня насквозь. Но сдаваться я не собиралась.

- И с адептом ди Файром вы сегодня не виделись.

- Нет.

- Надо же, он говорит то же самое. А чулан печально догорает в забвении. Есть что сказать?

Я сделала глубокий вдох и выпрямила спину.

- Нет.

- Деллин, - почти ласково, вкрадчиво сказал Кейман, - ты ведь знаешь, что я могу взять всю информацию не спрашивая, прямо из твоей головы?

Даже не видя себя, я почувствовала, как краска сходит с лица.

- Но... но так нельзя! Это ведь... личное.

От мысли, что Кейман увидит все события в подсобке, становилось как-то нехорошо. Хотя в моей отмазке шампанское и опьянение не фигурировали.

- Личное, - согласился Кейман. - До тех пор, пока горят просто швабры. Намек понятен?

- Да.

- Хорошо. Пропустим объяснительную по выходу на улицу в неположенное время, я уже понял, что адептка Фейн не в состоянии прогуливаться без сопровождения. Давай-ка побеседуем с тобой об интересном открытии, которое я сделал, когда гулял по городу. Ничего не хочешь мне сказать?

- Н-нет... а что я должна сказать?

Что мог такого увидеть Кейман в городе, что понадобился личный разговор со мной? Да еще и в присутствии Оллиса. Или он вообще забыл о магистре?

- Давай поговорим о твоей работе. Скажи мне, как тебе в голову пришла гениальнейшая идея сотворить это?

Ну... похожим вопросом я задалась, едва Марьон озвучил задачу, но тогда отступать было поздно. Но шальная мыслишка, что Кейман не одобрит образ Таары в моем исполнении, была. Значит, плакаты повесили. Интересно, мне продлят домашний арест? Хоть глазком бы взглянуть...

- Я ничего не сделала. Просто позировала.

- Просто позировала?! Ты вообще соображаешь хоть немного? У моей школы есть репутация! У адептов должен быть хоть какой-то моральный облик!

- Да что я сделала?! - не выдержала и вскочила. - Мне никто не платит за моральный облик!

- Так что же ты не стала проституткой?

- Таара - хуже проститутки?

- ДА! - рявкнул Кейман так громко, что не только я, но и Оллис подскочил.

- Я этого не знала! Для меня она – сказка, легенда, богиня.

- Безумная богиня! Поехавшая крышей. Устроившая войну, уничтожившая миллионы!

- В моем мире богини – легенда, магистр. Я не понимаю, как вы относитесь к ним, потому что вы о них не говорите. В учебнике это одна глава с тезисно изложенными легендами, на парах мы изучаем королей и завоевания, становление домов, в разговорах боги не всплывают, а единственное назначение часовни Кроста – скрывать поляну для развлечений свиты Бастиана. Я не знала, что образ Таары – это плохо.

- Ты могла спросить.

Я невесело рассмеялась.

- У кого? У вас? После слов о том, что лучше бы я не рождалась? После того, как вы надрались и чуть мне шею не свернули?

По лицу Кеймана я поняла, что ляпнула лишнего, и только потом вспомнила о присутствии Оллиса. Да чтоб тебя! Магистр выглядел удивленным, но изо всех сил старался удивление скрыть.

- Мне не к кому идти. И я делаю то, что должна – выживаю. Эта работа – чудо, которое свалилось сверху, потому что иначе я бы подавала напитки Бастиану и его друзьям. Не сомневаюсь, что вас бы эта картина порадовала бы, однако уж простите, что я не хочу прислуживать тем, кто меня травит! Леди Найтингрин дала мне работу.

- Да, и эта работа – изображать чокнутую убийцу на глазах у всего королевства?!

- Да! – отрезала я и снова плюхнулась в кресло. – В этой школе все делают то, что хотят. Бастиан наводит свои порядки и заставляет даже хороших людей становиться предателями и сволочами, его дружки чувствуют себя как рыбы в воде. Если у тебя есть деньги – можно привязывать голых людей к столбам, мешать чужой тренировке, закрывать ресторан, в котором посмели обслужить неудобную девицу, мешать мне искать платье для бала, подговаривая портных не работать со мной. И что с того, если я буду блюсти моральный облик? Скажите, магистр Крост, здесь смотрят только на меня? Или если нет морального облика, можно компенсировать деньгами? Так я пытаюсь!

- Деллин, – Кейман сделал над собой видимое усилие, чтобы успокоиться, – твое право работать и зарабатывать никто не оспаривает. Но есть определенные нормы. Эта твоя... Найтингрин получает много денег за эпатаж, за то, что будоражит умы тех, кому некуда девать деньги. И они готовы тратить их на наряды. А если наряды с перчинкой – как твой образ Таары, то можно заломить двойную цену. Но думай, пожалуйста, о том, что ты – маг. Что ты выйдешь из этой школы и отправишься работать. Возможно, на корону, возможно, на защиту людей. Как ты будешь чувствовать себя, если в тебе будут видеть не темную колдунью, а безумную богиню?

- Если я не буду зарабатывать, я не выйду из этой школы. Вы сами сказали, что не будете оплачивать мои капризы. Теперь я оплачиваю их сама.

С этими словами я сняла с руки браслет, который отдал мне на семинаре Кейман, и положила на стол перед ним.

- Вы были чертовски правы. Теплого приема не случилось. Если хотите говорить о моральном облике – начните с извинений.

Воцарилась гнетущая тишина. Оллис с усиленным интересом рассматривал ковер, мы с Кейманом играли в гляделки. Но я смертельно устала.

- Я хочу спать. Завтра последний выходной, мне надо встать утром и позаниматься. Спокойной ночи, магистр Крост.

Удивительно, но Кейман не стал меня останавливать. А вслед за мной в коридор вышел и магистр Оллис.

- Вот это да, – присвистнул он. – Вы, Деллин, ошиблись факультетом. Вам бы к огневикам.

- Упаси Таара, - буркнула я.

Потом стало стыдно.

- Простите, я правда устала. Что бы я ни сделала, меня все равно накажут! А не делать ничего нельзя!

- Не злитесь на магистра Кроста. Он познает темную магию дольше вас, для него темные боги - не легенды, а истоки. Таара и Акорион для каждого, кто учился тьме, не просто имена или театральные образы.

- Мне сложно это понять.

- Вы и не должны. Кейман сорвался и, думаю, рано или поздно он извинится. Правила не запрещают студентке быть манекенщицей. И знаете, я думаю, завтра вся школа рванет посмотреть на ваш образ.

- Кроме меня. Наверное, я наказана.

- Я бы на вашем месте сделал вид, что эта мысль в голову вам не приходила.

Я рассмеялась и так увлеклась рассматриванием магистра, что пропустила ступеньку. Последней мыслью перед тем, как ногу пронзило острой болью, было что-то вроде «А он все же симпатичный». Потом я грохнулась на пол и разбила коленку - для комплекта.

- Деллин, боги... вы удивительно невезучая девушка.

- Была бы невезучей, сломала бы ногу, - сквозь зубы проговорила. - А так просто подвернула. Пройдет.

- Вы уверены, что не нужно к лекарю?

- Да. Я мечтаю о моменте, когда лягу в свою постель.

- Ну хорошо. Хватит с вас сегодня наставлений от преподавательского состава. Давайте-ка я помогу вам добраться до комнаты.

Оллис вдруг подхватил меня на руки, да с такой легкостью, будто целыми днями тягал в спортзале болванки весом с полсотни кило. Сначала мне хотелось запротестовать, а потом подумалось: а что, собственно, такого? Я до утра буду ковылять с подвернутой ногой, а так хоть какая-то компенсация за отвратительное окончание вечера.

К слову, о вечере.

Реакция на платье: плюс.

Танцы и закуски: плюс.

Встреча с ди Файром: минус.

Скандал с Кейманом: минус.

А ведь я вышла в ноль, зато уж точно не забуду свой первый бал. Золушке просто пришлось сбежать от принца и вернуться к злобной мачехе. А я успела потанцевать с принцем, поцеловать короля, спасти... ну ладно, Эйген на принца не тянет, но герцога уж точно заслужил. Ну и куда уж без мачехи?

У дверей комнаты Оллис осторожно поставил меня на ноги.

- А откуда вы знаете, где я живу?

- Преподаватели обязаны это знать, - улыбнулся он. - Спокойной ночи, Деллин.

В романтических фильмах на этом моменте происходит поцелуй. Вряд ли Оллис ходил в кино, да и вообще знал, что такое фильм. И любовные романы он не читал. Но по глазам магистра я поняла, что у идиотов мысли сходятся. Некоторое время он смотрел на мои губы, а потом моргнул и неловко пробормотал:

- Кхм... спокойной ночи, Деллин. Постарайтесь не нагружать ногу.

- Хорошо, - прошептала я.

Когда он ушел, проскользнула к себе и привалилась спиной к двери. Ну хоть один принц среди царства жаб. И до комнаты донес, и в комнату не вломился, и руки распускать не стал. А то, что препод - так у кого из нас нет недостатков?

Я сладко потянулась и вдруг резко замерла, а из легких разом вышел весь воздух. На столе лежала небольшая записка, в свете лун казавшаяся ослепительно белой. С обреченной усталостью я развернула послание.

«Не печалься об испорченном вечере. Такие, как они, как правило, больно падают. А ты рождена высоко летать. В платье ты была богиней».

Может, тот, кто прислал записку, думал, что она меня порадует. Но порадовать такое могло бы разве что совсем безмозглую девицу. Я распахнула окно, вдохнула холодный ночной воздух и, разорвав записку на десятки мелких кусочков, выбросила их в окно.

- Психи. Вся школа - чертовы психи! - процедила сквозь зубы, наблюдая, как причудливо кружатся и падают на темную траву белоснежные клочки послания.

Глава 12

Утро после бала во всех смыслах выдалось хмурое: гроза, обычно разворачивавшаяся к вечеру, не стала тратить время на прелюдии, а шарахнула прямо с утра. Школа просыпалась и умывалась под раскаты грома, а на завтрак часть мест пустовала, когда я пришла. Помимо привычно отсутствовавшего Бастиана не было доброй четверти адептов.

Зато был Кейман: он с блокнотом стоял у стеночки и внимательно отмечал присутствующих.

- Адептка Шторм. - Он тщательно записал мое имя. - Здесь. Адептка Фейн... тоже здесь.

- Что вы делаете? - спросила я.

- Отмечаю присутствующих, чтобы выяснить, кто прогуливает завтрак, и навеститься в гости. Вдруг у кого-нибудь похмелье? А подметать крыльцо - лучшее средство от него.

- Как думаешь, где Бастиан? - Аннабет спросила тихо, но Кейман все равно услышал.

- Адепт ди Файр снова наказан.

У меня похолодели руки. Я не строила иллюзий: Кейман прекрасно знал, что произошло в подсобке. Ну, или как минимум знал, что что-то все же произошло. И если наказал Бастиана...

- Мне возвращаться в комнату? - спросила я.

Вчерашняя смелость и готовность отстаивать права куда-то улетучились.

- Вы меня спрашиваете, адептка Шторм? Делайте, что хотите, факт отсутствия у вас похмелья я уже отметил.

- Но вы же... наказали Бастиана. За что?

- В саду мусорит.

Кейман бросил на меня быстрый взгляд.

- Коряги разбрасывает.

Аннабет фыркнула.

- Он, похоже, проклинает день, когда встретил нас. Сначала из-за тебя сидит взаперти, потом из-за Эйгена.

- Надеюсь, адептка Фейн, вы в этой порочной очереди стоять не будете.

- Значит, я могу сходить в город? - на всякий случай уточнила я.

- Можете.

Дальнейший допрос решила не проводить, а быстренько отправиться к своему месту. В город мне надо было до зарезу: поговорить с Марьоном о том, кто купил для меня платье, и посмотреть на плакаты, выведшие из себя Кеймана, а также кое-что купить.

- Пойдете со мной? - спросила я у Аннабет и Эйгена.

Тот, к слову, доковылял до завтрака одним из последних и выглядел неважно: синяки налились ярким фиолетовым цветом.

- Только не я, - поморщился он. - Сегодня дойти хотя бы до столовой - подвиг.

- Я тоже не могу. Я должна быть в другом месте.

- Ты расскажешь, что за работу нашла?

– Конечно, – как-то слегка нервно и поспешно ответила Аннабет. – Просто я не уверена, что останусь, и... в общем, расскажу, как что-то прояснится. Ладно, ребята, мне пора, удачно тебе прогуляться, Делл.

С этими словами Аннабет почти бегом выскочила из столовой, а мы остались в недоумении смотреть на едва начатый омлет.

– Что это с ней? Она даже не доела.

– Я думаю, она стесняется, – сказал Эйген.

– Чего?

– Своей работы. Делл, ты новенькая у нас, но подумай сама – на что может рассчитывать девушка из приюта, даже в перспективе талантливая? Уборщица, разносчица? Посмотри на Аннабет и на себя. Ты – модель дома Найтингрин, с тобой возится сам Кейман Крост, тебя постоянно обсуждают, Бастиан, в которого Аннабет, кстати, влюблена, хоть и скрывает, бесится от одного твоего имени.

– Да, я поняла, я – Мэри Сью. Спасибо, что открыл глаза, подам запрос на смену имени.

– Не знаю, кто такая Мэри Сью, но я говорю о том, что Аннабет непросто.

– Поговорить с Марьоном, вдруг у него есть работа для нее? Как думаешь?

– Думаю – не лезть. – Эйген покачал головой. – Насильная благотворительность унизительнее насмешек. Ей станет легче, скоро каникулы. Будет возможность выдохнуть.

Каникулы... сладкое слово! Здесь каникулы начинались через пять недель после Бала Огня. Большинство адептов и преподавателей разъезжались по домам, так что меня ждали восхитительные две недели счастья, тишины и одиночества в школе. А еще безлимитного посещения города. Ехать мне было некуда.

Аннабет, к слову, тоже, так что я надеялась повеселиться с новой подругой и отдохнуть после адского семестра.

После бала количество желающих прогуляться резко сократилось. Нестройная шеренга сонных адептов потянулась в сторону города. Большинство на улицу выгнала нужда: сходить в магазин или выйти на работу. Надо думать, прошедший бал подкосил бюджет несчастных, вынужденных зарабатывать на свои хотелки. К слову, их таких было намного больше, чем я ожидала. Кейман явно старался держать определенный баланс богатых и бедных адептов в школе.

Я шла и думала: неужели он открыл школу, потому что жалел бедных детей с неконтролируемым даром? И потому держал здесь Бастиана, меня, Лорелей и остальных. Игнорировал выходки, перебирал бессмысленные наказания в попытках хоть как-то усмирить не только природную магию, но и вседозволенность, которую давали деньги?

Или у педагогических порывов Кеймана Кроста была своя подоплека? Понятия не имею, откуда брались эти мысли, но покоя они не давали.

План на выходной был донельзя прост: сначала – к Марьону, потом пообедать и поразмышлять над полученной информацией, потом купить крупы, раз уж я гордым жестом вернула браслет Кейману, а потом вернуться в школу и остаток дня тупо проспать перед новым витком пар. Казалось бы, второй блок учебного года – самый простой, всего-то пять неделек потерпеть, и каникулы. Но не-е-ет.

В конце нас ждало страшное: экзамен у Ясперы. Правда, никто не мог понять, что он собой представляет. Зачет получит тот, кто красивше переписшет главу из учебника, что ли? Старшекурсники загадочно отмачивались и пугали, что с первого раза у Ясперы даже магистр Крост не сдал бы.

Но надо думать – у Кеймана хотя бы шанс был. А у меня их ровно ноль. Хорошо хоть из-за заваленных промежуточных экзаменов не отчисляют.

На площади я сразу увидела плакаты. Долго стояла, задрав голову, смотрела на собственный портрет. Или портрет Таары? Девушка с плаката только внешность имела мою. А вот взгляд и осанку – богини. Неудивительно, что прохожие нет-нет да поглядывали в сторону рекламы. Мужчины в основном с интересом и опаской, а женщины с восхищением. Что ни говори, а платья были хороши. И я в них – тоже.

Двери дома леди Найтингрин были закрыты в выходной. Раньше меня всегда встречал Марьон, а теперь пришлось долго стучать, прежде чем из окна выглянула Марьяна. Увидев меня, она с облегчением выдохнула и понеслась открывать.

– А я думаю, кто там долбится! Уже было перепугалась! Проходи. Чай? Кофе? Я с удовольствием сделаю перерыв. Пришлось выйти в выходной, чтобы убрать весь бардак после старта коллекции. Как тебе плакаты? Шикарные, да? Мы будем чередовать их с другими, но я тебе скажу так: в сравнении с темной коллекцией все остальные померкли.

– А где Марьон? Мне нужно с ним поговорить.

Марьяна сочувствующе развела руками:

– Уехал во Флеймгорд. Скоро первый показ коллекции, Марьон нужен леди Найтингрин там. Поговоришь с ним, когда приедешь на показ. Осталось всего ничего.

Я со вздохом опустилась в кресло в комнате отдыха и с благодарностью приняла чашку горячего чая.

– Боюсь, меня не пустят. Директор школы... не остался в восторге от моего образа.

– У него нет вкуса. Так и передай.

Представляю реакцию Кеймана.

– Леди Найтингрин умеет уговаривать. А ты ей очень нужна. Я напишу им, что тебя не пускают, и поверь – тебе еще будут умильно махать платочком вслед, когда подойдет время.

– Надеюсь, не навсегда...

Марьяна засмеялась. Нет, перспектива карьеры манекенщицы мало какую девушку оставит равнодушной, но мне бы не хотелось делать это основной профессией. Потому что профессиональные модели стареют, а миловидные первокурсницы – никогда.

– Так, а что ты хотела от Марьона? – спросила девушка.

Я замялась. С одной стороны, посвящать Марьяну в историю появления платья на балу не слишком-то разумно. С другой, я уже не знаю, чему верить! И кого подозревать. А вдруг Марьяна что-то да знает? Поэтому я рискнула:

– В огненной коллекции было платье. Выше колена, с градиентной тканью и рукавами в три четверти.

– Да, я помню. Очень смелое и очень красивое. Но леди Найтингрин сняла его с коллекции. Теперь в огненной пять платьев.

– Его кто-то купил?

– Я так полагаю. Рианнон не делится с нами подробностями. Но думаю, да, платье понравилось кому-то из ее окружения.

– Понимаешь... это платье подарили мне. И я хочу знать кто.

Марьяна удивленно присвистнула.

– Вот это у тебя поклонник!

– Не знаешь, кто мог купить платье?

- Боюсь, что нет. Нам бы ни за что не сказали. Но, скорее всего, Рианнон лично знает этого человека. Нельзя просто так купить платье из еще не вышедшей коллекции. Денежные потери от вывода одного платья огромны. Так что кто бы ни подарил его тебе, он, во-первых, очень богат, а во-вторых, друг Рианнон. Поверь, она умеет выбирать друзей.

Теперь Марьяна смотрела на меня с завистью, а я поняла, что крупно облажалась. Кейман не мог прислать мне платье, ведь если он был знаком с леди Найтингрин, то должен был узнать о моей работе не по плакатам. Или нет? Возможен ли вариант, что Кейман встретился со старой подругой-модельером и попросил у нее платье, но при этом не обмолвился, для кого оно? А леди Найтингрин, в свою очередь, не упомянула, что взяла модель на роль Таары из его школы?

А если это Сайлер? Король способен сделать подарок подопечной давнего друга?

Черт, срочно купить крупницы! У меня снова начинает болеть голова.

- Спросишь ее перед показом.

Пришлось прощаться и уже с меньшим энтузиазмом искать место, где можно поесть. Как же мне добраться до леди Найтингрин, если Кейман даже чихнуть отныне в ее сторону не позволит. И это еще полбеды, куда страшнее то, что в скором времени придется искать новую работу. Мне хорошо заплатили за плакаты, но если я не получу денег за показ, то к весне истрачу все. Как же невыносимо после такого взлета снова браться за уборку или идти в общепит!

Весь центр города сегодня был увешан не только плакатами с Таарой, но и яркими предупреждениями: держите при себе все ценности, будьте внимательны, работают карманники! Я на всякий случай передвинула сумку чуть вперед и, пока поправляла ремень, не заметила на своем пути девушку.

Хотя судя по тому, как она зашипела, это была скорее кошка. Белобрысая, злобная, со следами похмелья, кошка по имени Лорелей.

Она никак не могла оторвать взгляд от рекламы, и первые несколько секунд удивленно моргала, сопоставляя меня реальную и меня Таару.

- С-с-у-учка-а-а-а, - не то протянула, не то прошипела Лорелей с такой злобой, что я даже поежилась. - Даже не думай смотреть в его сторону!

- Тогда тебе придется сделать так, чтобы Бастиан приглашал в подсобку только тебя, - огрызнулась я. - Пока ты неважно справляешься.

К счастью или наоборот, Лорелей не стала разводить длинные споры. Понятия не имею, что она хотела сделать, потянувшись ко мне, но успела отшатнуться. Пальцы огневички скользнули по ремню сумки.

- Я тебе сейчас...

- Леди. Что здесь происходит?

Словно из ниоткуда возник стражник. Он держал в руке стопку объявлений с предупреждениями и невольно натолкнул меня на не очень порядочную, но очень приятную мысль.

- Понятия не имею, - улыбнулась ему я. - Даму отчего-то заинтересовала моя сумка. Спросите лучше у нее. Я просто возвращаюсь в школу.

- Что... - Лорелей покраснела от злости.

- Пройдемте, - попросил стражник.

Я поспешила сбежать в ближайший же салон с крупницами.

После окончания первого блока нам выдали задание: ко второму разжиться крупницами стихий. Так на моем brasлете появились пять красно-оранжевых бусин огня, пять

зелено-коричневых бусин земли, пять бело-голубых воздушных круп и пять сине-фиолетовых водных. Пополнился запас темных круп, и жизнь немного наладилась.

Я не удержалась и купила пачку печенья. В комнатах запрещалось держать еду, но на этот запрет все плевали, а сладкое помогало работе мозга. Моего так точно.

Удалось вернуться прямо к ужину, но в столовую я не пошла, направилась сразу к себе. Чтобы, пока все ели, принять душ и завалиться в постель. Чего в этом мире не хватало, так это аудиокниг. Просто так валяться было скучно, читать – больно, а вот какую-нибудь книгу я бы с удовольствием прослушала. Но увы, до изобретения MP3 плееров оставались многие сотни лет. А может, и тысячи.

Я как раз вышла из душа и сушила волосы, когда в дверь настойчиво постучали.

– Делл! – раздался взволнованный голос Эйгена. – Тебе лучше спуститься.

Ну вот, снова вляпалась. Даже не хочу гадать, что там. Бастиан написал на стене школы «Деллин – дура»? Очередной подарок от анонима не прошел проверку на чистоту морального облика?

К сожалению, все оказалось намного хуже. Если неприятность может случиться, она непременно случается, причем в самое неподходящее время. Все адепты были на ужине, даже те, кому с утра влетело от Кеймана за похмелье, очухались и решили подкрепиться. Вся эта толпа и вывалилась в холл.

Визитеров было трое: грузный усатый мужчина в начищенной до блеска и идеально отглаженной форме стражника, худощавый, интеллигентного вида мужчина средних лет с тростью. И Аннабет, заплаканная и мрачная. Ее крепко держал стражник за локоть.

Когда я спустилась, Кейман уже пробирался через толпу.

– Что здесь за собрание? Расходитесь! По местам, я сказал!

Особо впечатлительные поспешили скрыться, но большинство не справилось с любопытством. Тем более что Кейман уже переключился на гостей, а другие препода пока не подросли.

– Магистр Крост! – рыкнул мужчина с тростью.

Для такого худого человека у него оказался удивительно громкий и низкий голос.

– Это не лезет ни в какие ворота! Ваши... – он окинул взглядом присутствующих, – адепты совсем потеряли берега, магистр Крост. Я не против молодежи, но воровство?! Вы что, их здесь не кормите?

– Господин мэр, давайте без зрителей. Пройдемте ко мне в кабинет, все обсудим.

– Нет уж, магистр Крост, кое-что я хочу объявить во всеуслышание. Отныне и как минимум до начала следующего года адептам вашей школы запрещено находиться на территории моего города. Вам ясно?

Кейман, в отличие от большинства, самообладание сохранял безукоризненно. Он лишь улыбнулся и кивнул:

– Предельно ясно, господин мэр. А теперь пройдемте в мой кабинет. Господин Роджерин, отпустите девушку, пусть приведет себя в порядок. Адептка Фейн, вас в моем кабинете я жду через час. Вам понятно?

– Да, – кивнула Аннабет.

А затем – я этого не ожидала – пронеслась мимо, даже не взглянув на нас с Эйгеном, и скрылась на лестнице.

– Не поняла... – Я двинулась было за ней.

– Стой! – Эйген удержал меня за плечо и снова поморщился от резкого движения. – Не ходи.

- Почему?

- Вот ее работа. Она снова ворует.

Наверное, я – самый недогадливый человек в школе, но слова Эйгена стали откровением. А ведь если вдуматься, в них был смысл. Аннабет воровала до поступления в школу и логично, что, не найдя нормальной работы, вернулась к старым привычкам.

- Как я не заметила?

Потом поймала взгляд парня и вздохнула.

- Да, я поняла. Мир вращается вокруг Деллин. Что сказал Деллин Бастиан. Как наказал Деллин Крост. Как Деллин сходила на бал. В чем Деллин сходила на бал. Где Деллин работает. Тьфу, сама себе Кеймана напоминаю. Пойду, поговорю с ней.

- Уверена, что стоит?

- Кейман ее отчислит. Так или иначе, другого шанса может и не быть.

К счастью, адепты вернулись в столовую, доедать ужин и обсуждать новую сплетню. Преследовать Аннабет ни у кого, кроме меня, ума не хватило. И в коридоре я стояла в одиночестве. Долбилась в дверь подружки и умоляла ее открыть.

- Аннабет! Ну пожалуйста! Я не стану ни о чем спрашивать! Я пришла не воспитывать тебя, а... извиниться.

За дверью – тишина. Я почти отчаялась, как вдруг щелкнул замок, и в щелке показалось зареванное, опухшее лицо Аннабет.

- За что извиниться?

- Впустишь?

Аннабет посторонилась, и я вошла. Единственным отличием комнаты Аннабет от моей было несколько большее количество книг: в отличие от меня, Аннабет хорошо и с удовольствием читала.

- Что там происходит?

- Не знаю. – Я пожала плечами. – Ушли в кабинет Кеймана. А я к тебе.

- Они меня отчислят. И отправят в закрытую школу, чтобы выкачать силу.

- Кейман так не поступит.

- Делл! – Аннабет снова разревелась. – Да очнись ты! Он только с тебя пылинки сдувает.

- С меня? А с Бастиана – нет? С остальных – нет? Он не выгонит тебя отсюда. Может, назначит наказание, отправит на общественные работы... но не выгонит. Не бойся.

Если бы только я сама была в этом уверена!

Обнявшись, мы уселись на пол возле кровати. За окном снова гроыхало, темную комнату то и дело освещали вспышки молнии.

- Я была отвратительной подругой, – сказала я.

- Да брось. Ты спрашивала.

- Да, но мгновенно забывала ответы.

- Причины веские. Если бы вокруг меня творилась такая жесь, я бы тоже мало интересовалась городскими сплетнями.

- О да. Они листовками весь город обклеили. Ты стала легендой.

- Не напоминай. – Аннабет поморщилась.

- А я подставила Лорелей... интересно, ее отпустили или все же помуржили?

Мы посмеялись над Лорелей и поболтали о какой-то ерунде, но я все равно чувствовала себя виноватой. И, несмотря на показную уверенность, что Аннабет отделается наказанием, до ледяных рук испугалась, что ее отчислят. Если это произойдет, я просто останусь без друзей. Что же придумать? Может, поговорить с Кейманом? Хотя после вчерашнего слушать меня он не станет.

- Ты теперь меня стыдишься? - вдруг спросила Аннабет.

- Что? Нет, конечно нет.

Я помолчала, подумав.

- Что такое бедность, я знаю. Мы с мамой никогда не жили богато, и я злилась на нее. За то, что она не получила образование, что могла работать только на низкоквалифицированной работе. В школе, где я училась, была одна девочка... из богатой семьи. У нее тоже были проблемы с обучаемостью, она плохо говорила и, как следствие, плохо училась. Но у ее родителей были деньги, и ее возили на дельфинотерапию, в дорожные лечебные комплексы. Я не понимала, что мы пришли из другого мира и, по сути, выжидали и прятались. И всю среднюю школу клялась себе, что выучусь и найду хорошую работу.

- А потом?

- А потом мама умерла. И я поняла, что все не так просто. Откладывая учебу, ты застреваешь. Бежишь за морковкой, работаешь больше, драишь номера в гостинице и каждый день себе обещаешь, что накопишь на колледж, но это уже просто самоуспокоение. Оказавшись здесь, я ухватилась за первую попавшуюся возможность не возвращаться снова в это состояние, когда приходится работать до потери пульса, возвращаться домой и без сил падать в постель. Так что я тебя понимаю. Не могу сказать, что одобряю, но понимаю.

- Сходишь со мной к Кросту? - спросила Аннабет.

Мы дождались, когда адепты разойдутся из столовой, чтобы собрать как можно меньше заинтересованных взглядов. К счастью, за окном снова начался дождь, так что во дворе никого не было. Кое-как закрывая куртками головы, мы добежали до преподавательского корпуса и сели на диване в коридоре. От кабинета Кеймана нас отделяла небольшая приемная, но секретаря в такое время уже не было.

- Страшно. - Аннабет нервно теребила край пиджака. - Делл, а тебе со мной можно?

- Это вряд ли. Подожди здесь, я попробую послушать. Интересно, мэр уже ушел?

Стараясь ступать бесшумно, я прокралась через приемную и приникла к двери. Вряд ли для Кеймана представлялось сложным почувствовать мое присутствие, но сейчас его явно занимали другие дела. Сначала мне не удалось разобрать слова, но затем голос Кеймана стал громче.

- ...переплюнула даже ди Файра. Я не в восторге от этой системы, но ты тоже училась, неужели потребность в деньгах настолько огромна, что может толкнуть на воровство?

- Потребность в деньгах обусловлена не нехваткой. А невозможностью стать своей.

Собеседником Кеймана была Яспера. А значит, мэр уже ушел. Интересно, Аннабет будут распекают в присутствии магистра Ванджерии?

- Ладно, демон с ней, готовь приказ на отчисление.

- Девочку отправят в закрытую школу.

- Что ты мне предлагаешь? Покрывать воровство? Пусть скажет спасибо, что отправится в закрытую школу, а не в тюрьму. И что мы компенсируем все последствия ее выходки.

У меня перехватило дыхание, а в груди болезненно сжалось сердце. Неужели Аннабет

действительно отчислят? Хотя этого стоило ожидать. Воровать – это не драться на спортивном поле со старшекурсником и не работать моделью. Это преступление...

Я вдруг услышала свою фамилию и снова прислушалась.

– А почему тебя заботит Шторм? Она ничего не украла, она остается. Мы сейчас о Фейн говорим, не забыла?

– Ты сам сказал, что ей нужны друзья. А сейчас лишаешь ее их.

– А еще я сказал... так, погоди-ка.

Послышались шаги, и, прежде, чем я успела выскочить обратно в коридор, дверь кабинета открылась. Кейман с усталой мрачностью смотрел на меня сверху вниз, а я изображала максимально виноватое лицо.

– Извините. Я не подслушивала. Я хотела посмотреть, заняты ли вы.

– Зайди уж, – вздохнул он, пропуская меня в кабинет.

Ненавистный обжигающий взгляд Ясперы я уже научилась выдерживать с достоинством. Правда, вне стен аудитории стервозная магистр не сдерживалась. И если необходимость находиться со мной в одном помещении не диктовали правила, предпочитала сводить к нулю совместное времяпрепровождение. Поэтому едва я вошла, Яспера поднялась.

– Пойду готовить приказ. Дайте знать, если понадобится.

Дверь за Ясперой закрылась. Мы с Кейманом смотрели друг на друга. Я с осторожностью – вдруг влетит за то, что подслушивала, а он равнодушно.

– Ну, давай, – сказал магистр. – Приводи аргументы.

– Какие?

– Не знаю. Ты ведь пришла уговаривать меня оставить Фейн в школе.

– Вообще я просто пришла с Аннабет, чтобы ее поддержать. А у меня есть шанс уговорить вас?

– Ты знала?

– Нет. Она говорила, что где-то работает, но скрывала от нас с Эйгеном, где именно.

– И ты считаешь, что я должен ее простить, отправить протирать полки на чердаке и на месяц ограничить развлечения?

– Нет, – тихо вздохнула я.

– Тогда скажи, зачем пришла.

– Вы же сами сказали зайти.

– Да, но ты могла позвать подругу. Но зашла одна. Потому что надеешься меня уломать. Так объясни почему.

От этого ответа зависело очень многое, почему-то я поняла по взгляду Кеймана, что он не просто для галочки ждет ответ. И для разнообразия решила сказать правду:

– Просто она моя подруга. Я хочу ей добра.

– Думаешь, оставить ее в школе будет добром?

– Альтернативу вы описывали. Она мне не нравится. Аннабет... она исправится, я клянусь! Она перестанет.

– Проблема в том, что перестать – недостаточно. Она уже начала. А значит, будут и последствия.

Он помолчал, я нервно оглянулась на дверь, не зная, значит это, что разговор окончен, или мне дадут повторную попытку. Но Кейман вдруг кивнул:

– Хорошо. Я найду способ оставить Аннабет Фейн в школе. Но это значит, что она сделает ровно то, что я скажу. Как, впрочем, и ты.

Открыв ящик стола, Кейман извлек из него вещь, при виде которой мои щеки залил румянец: браслет, что накануне я ему вернула. Медленно, давая мне возможность осознать, Крост подвинул его ко мне. Бусины неприятно царапнули по лаковой поверхности стола.

Вот так вот, Деллин. Возьмешь браслет – и Аннабет останется, но сама примешь правила игры Кеймана. Никакой больше работы. Никаких образов Таары, плакатов и показов. Буду радоваться, если мне разрешат подавать напитки в таверне.

И я взяла браслет. Застегнула крошечный серебряный замок, и вокруг что-то изменилось. Кейман будто не верил, что я приму его условия, и теперь невидящим взглядом смотрел куда-то поверх моей головы.

– Позови ее.

Аннабет вошла в кабинет, дрожа так, словно оказалась не перед директором, а в клетке с голодным тигром. Если у Кеймана при виде нее не дрогнуло сердце, то он – самый черствый человек на свете, потому что я едва не разревелась вслед за Аннабет.

– Хватит устраивать истерики, адептка Фейн. Вы поступили отвратительно. Нарушили закон. Подставили меня, всю школу, магистра Ленарда. О чем вы думали? За все время, что я директор этой школы, подобное происходит впервые! Адептка Фейн, вас не кормят? Не одевают? Что такого вы покупали на ворованные деньги? Чего вам не хватало?

Да, принятие правил игры не освобождает от моральной экзекуции.

– Простите меня, магистр Крост.

– Прощает только тот, кто обижается, адептка. Мне плевать и на вас, и на вашу судьбу, поэтому прощать вас не за что. Наша школа дает таким, как вы, шанс. Большинство его ценит. А вы наплевали на сделанное для вас. Я считаю, это плохой задел для будущего, но адептка Шторм полагает, что и из воровок вырастают приличные люди. Попечительский совет давно говорит мне прислушиваться к мнению адептов, мол, они тоже люди. Глупость, конечно, но чего не сделаешь, чтобы твоей школе дали денег. Поэтому я не стану отчислять вас.

Кейман умел воспитывать. Даже мне казалось, что каждое его слово похоже на удар хлыстом, а уж на Аннабет не было лица.

– Но не думайте, что легко отделаетесь.

Он коснулся небольшого черного кристалла.

– Магистр Ленард, зайдите, пожалуйста, немедленно ко мне.

Мы переглянулись. Наказание? Я даже представить не могла, что Кейман сделает за подобное. Домашний арест неминуем, но что еще? Лишение спорта? Каникул? У меня не хватало фантазии.

Магистр Ленард оказался поджарым мужчиной лет пятидесяти. Очки придавали ему интеллигентности, а широкая мантия скрывала спортивную фигуру. Я не знала, что преподавал магистр Ленард, но помнила историю, рассказанную подругой при знакомстве. Иронично: Аннабет попала в школу благодаря воровству и чуть не вылетела из нее из-за этого же.

– Магистр Крост? – Ленард, конечно, был в курсе скандала и бросил на нас с Аннабет тяжелый взгляд.

- Вы привели адептку Фейн и попросили меня рассмотреть ее кандидатуру вне очереди. Должно быть, вы слышали о проступке, который совершила адептка. Магистр Ленард, мне помнится, вы убеждали меня, что пойманная на воровстве вами лично талантливая девушка пошла на этот шаг от безысходности. И что школа поможет ей. Я ничего не упустил?

- Нет, магистр. Все было так.

- Вы ошиблись, Ленард. И в результате вашей ошибки пострадали люди, которых обворовала эта девушка.

- Я понимаю, магистр.

- Она останется в школе. Но вас я вынужден просить уйти.

У меня непроизвольно открылся рот. Аннабет вздрогнула и воскликнула:

- Нет! Магистр Крост! Не надо!

- Адептка Фейн, вы свободны. Идите к себе и ждите приказ о наказании.

- Пожалуйста, не увольняйте магистра Ленарда!

- Вы - ребенок, Аннабет. Ваши ошибки я могу списать на среду, недостаток воспитания, амбиции или желания. Ошибки магистров имеют куда более высокую цену.

- Я понимаю, но... магистр ведь не виновен в том, что я натворила.

- Начинайте привыкать, что от ваших поступков зависит не только ваша судьба.

- Тогда отчислите меня.

- Вы попадете в закрытую школу. А магистр Ленард всего-навсего перейдет на какое-нибудь другое место работы. Не сопоставимо, не кажется?

- Нет. - Аннабет твердо стояла на своем. - Я не хочу остаться в школе, если из-за этого придется кого-то выгнать.

Мои надежды, только-только воспрянувшие, рассыпались в прах. И, что самое мерзкое, я прекрасно понимала, что другого выхода из ситуации просто не было. На месте Аннабет я бы не смогла устроить свою жизнь за счет чужой.

- Хорошо, - после долгой паузы произнес Кейман, и у меня упало сердце. - Магистр Ленард, вы допустили ошибку, вам ее и исправлять. Я даю вам час. Берете адептку Фейн и увозите как можно дальше отсюда. У вас есть один учебный блок, чтобы проявить максимум преподавательского таланта. Делайте с ней, что хотите: воспитывайте, обучайте, наказывайте - но после у нее будет одна попытка вернуться. И ее не спасет даже чудо. Всем все понятно?

- Да, - раздался нестройный хор, к которому не спешила присоединяться я.

Кейман удивленно поднял брови.

- Да, - поспешила активно закивать.

- Тогда я больше не задерживаю никого, кроме... адептки Шторм.

Я больше не увижу Аннабет, по крайней мере до ее возвращения. И вряд ли смогу поговорить, обсудить случившееся. Сейчас она выйдет из кабинета - и уедет в неизвестность, подальше от позора и последствий. А мне придется долгие пять недель учебы и две - каникул держаться без подруги.

Кейман тактично, что было даже удивительно, подождал, пока мы обнимемся и дружно шмыгнем носами.

- Ты знаешь, что такое жемчужина? - вдруг спросил Кейман ни к селу, ни к городу.

– Мм-м?

– Крошечная пылинка попадает в раковину моллюска и постепенно, ужасно медленно, обрастает перламутром. Понимаешь? В центре всех этих красивых блестящих камней, которые носят богатые леди всех возрастов – обычный мусор, крошка какого-нибудь камня или стекла. Так и ты. Пришла в мою школу и стала этой песчинкой. Неприятности и громкие скандалы окружают тебя со всех сторон. В последние недели, если что-то и случается, то рядом непременно оказывается адептка Шторм. Не находишь это странным?

– Нахожу странным то, что вы называли меня мусором. Пусть и очень маленьким.

Кейман невесело рассмеялся.

– А я надеялся, оценишь комплимент про жемчужину.

– Спасибо за то, что дали Аннабет шанс.

– Это взаимовыгодная сделка. – Он кивнул на браслет, холод от которого я еще чувствовала на руке. – Но я попросил тебя остаться не поэтому. Сегодня на мое имя прислали письмо от Рианнон Найтингрин. С приглашением на показ.

Вот черт! Он что, решил поиздеваться как можно изощреннее? Помахать у меня перед носом заветным листочком с приглашением на работу, напомнить об уговоре и отправить в комнату мучиться от осознания потери? Если так, то у меня крыша поедет.

– Здесь говорится, что показ начнется во второй день каникул. То есть прибыть во Флеймгорд ты должна за день.

– Я поняла. Вам необязательно все это говорить. Я напишу леди Найтингрин отказ.

– Я не сказал, что не пущу тебя.

Вскинув голову, я с удивлением и робкой, крохотной надеждой смотрела на Кеймана.

– Пустите? Но... я думала...

В растерянности я посмотрела на браслет.

– У меня не получится ничему тебя научить, если ты не споткнешься сама. Хочешь изображать Таару – изображай. Хочешь лезть в дерьмо, которое по ошибке именуют модой, – лезь. За последствия, впрочем, тоже будешь отвечать сама. Если для тебя прислуживать ди Файрам страшнее, чем олицетворять чистое зло, даже и в целях искусства, то пусть. Можешь поехать на свой показ при одном условии. Угадаешь каком?

– Не нарушать правила?

– Это не обсуждается. Правила нарушать нельзя даже не собираясь на показ. Сдашь экзамен – можешь ехать. Если твоя работа не мешает учебе, я не буду ставить тебе палки в колеса. Вытаскивать из неприятностей тоже.

Я улыбнулась.

– Спасибо.

– Не радуйся раньше времени, сначала экзамен у магистра Ванджерии. На легкую победу не рассчитывай. Теперь свободна. Отвлекающих факторов у тебя больше нет, поэтому вперед. А я планирую выпить. Вы все меня достали.

Дважды повторять не требовалось, я поднялась и мысленно обратилась к Кросту – тому, который бог – с благодарностью. Лучшего исхода всего, что с нами приключилось, и желать было нельзя. А экзамен... экзамен я как-нибудь сдам. Даже если придется вызубрить наизусть учебник, как любит требовать Яспера.

Я вышла в приемную, но неожиданно остановилась и заглянула обратно в кабинет. Кейман выругался и поспешно спрятал в шкаф бутылку с красноватой жидкостью.

- Шторм! - рявкнул он. - Ты уйдешь или нет?!

- Можно спросить? - Я закусила губу.

- Ну спроси.

- Вы ведь не хотели уволить магистра? Вы просто проверяли, есть ли в Аннабет порядочность, да?

Кейман только улыбнулся:

- Ты же не думаешь, что я скажу тебе правду?

Глава 13

– Адепты! – Оллис вошел, и мы дружно поднялись. – Сегодня – день, который вы долго ждали.

– До каникул две недели, – буркнул Корви.

Когда-нибудь этот парень доиграется, честное слово. Но магистр не обратил на него внимания, сегодня Оллис пребывал в отличном настроении: сиял лучезарной улыбкой, привлекал восхищенные взгляды адептов небрежной прической и вообще источал благодущие.

– Сегодня мы впервые попробуем использовать крупички чуждой вам магии. А именно: крупички огня.

Ну вот, такое начало пары испортил!

– Как вы уже знаете, несмотря на наличие природной темной магии, вы не можете пользоваться стихийной или светлой магией без приобретения соответствующих крупичек. И пусть крупички чуждой магии чуть проще в использовании, чем ваши собственные, ими все же нужно учиться управлять. Сегодня этому и поучимся. Ну а помогут вам адепты третьего курса факультета огня.

Не просто испортил. Окончательно убил!

– Господа, прошу! – Оллис крикнул, и в аудиторию ввалились старшекурсники.

Я честно надеялась, что меня пощадят! Черт, да я весь семестр благодарила богов, что Бастиан на другом курсе, и мы хотя бы на занятиях не встречаемся! А в последнее время вообще расслабилась, ибо огненный король сидел под арестом и мне не докучал.

И вот, здравствуйте. От кого-кого, а от Оллиса я такой подставы не ожидала.

Адептов-третьекурсников было девять. Странно, учитывая, что в группе нас всегда было десять. Впрочем, я очень быстро поняла почему.

– Просту, разбейтесь на пары третьекурсник-первокурсник, – скомандовал Оллис.

Прежде чем я успела послать ди Файру предупреждающий мрачный взгляд, магистр поднялся и сел за мою парту, чем привел меня в странное состояние.

С одной стороны, я была рада, что сгустившиеся было над головой тучи проплыли мимо. С другой – напряглась.

– Давно хотел с вами поговорить, но все не мог найти повод, – признался Оллис. – Как вы после бала, Деллин?

– Все в порядке. Мы с магистром Кростом пришли к консенсусу.

– Значит, вы едете на показ?

– Да.

– Поздравляю. Хотя и немного жалею, что вас не будет на зимних каникулах. Это особое время. Очень уютное.

– Да, я представляю, в моем мире тоже есть зимние праздники. Это довольно странно: миры так похожи в мелочах.

– Они ведь находятся очень близко друг к другу. Проникновение неизбежно. Что ж, давайте начнем. Итак, принцип действия ваших собственных крупичек вам уже известен: они содержат в себе чистую магию и при помощи вашего дара облачают ее в ту или иную форму. С крупичками чуждой магии – то есть с крупичками других стихий – все иначе. Они содержат в себе определенный набор действий, и ваша магия лишь эти действия высвобождает. Используя крупички огня, вы можете сделать две вещи: нагреть что-то и поджечь. С весны у вас начинается углубленный блок зельеведения, так что

меня попросили дать вам для начала навыки разогрева котлов. На них и будем тренироваться. Корви! – крикнул Оллис. – Сделайте одолжение, раздайте всем по котелку с водой. Адепты третьего курса, ваша задача – помочь своим подопечным справиться с высвобождением и контролем огненной магии и нагреть котелок. Жулничать запрещается, в конце пары каждый из адептов сдаст мне мини-зачет по нагреву. Если все получится, то зачет получают оба. Если нет, то третий курс – на пересдачу, первый – на дополнительную практику. Всем понятно?

Пока Корви неуклюже таскал котелки, придуриваясь и угрожая отравить кому-нибудь из нас ногу, Оллис воспользовался заминкой. И мне даже показалось, что магистр специально назначил на роль реквизитора самого тупого и неуклюжего парня из всей группы. Даже я бы справилась быстрее!

– Жаль, что вы пропустите зимний праздник, но... я могу пригласить вас на ужин на каникулах, Деллин?

Кейман был гением педагогики, во всяком случае, на мой неискушенный вкус. Его браслет болтался на запястье и каждую минуту буквально кричал: помни об уговоре! Никаких косяков!

Ужин с преподавом – определенно здоровенный косяк, за который меня по головке не погладят. И если уж Таару мне простили, то за флирт с магистром навечно закроют в том подвале со странной надписью, куда я так ни разу и не спустилась.

– Мне кажется, это неуместно. За ужин с преподавателем накажут и меня, и, что страшнее, вас.

– Деллин, Школа темных – не единственное место, где я могу работать.

– Менять работу из-за студентки? Это неразумно.

– Нечасто встретишь студентку, которую хочется пригласить на ужин.

Я вдруг встретила взглядом с Бастианом и поняла, что если огненный король и не слушает наш разговор, потому что слишком далеко, то уж точно догадывается, что мы не его прическу обсуждаем.

– Я не могу. Простите. Магистр Крост следит за каждым моим шагом, я не могу рисковать местом в школе. Вы правы, это не единственное место для работы. Но для учебы, увы, других вариантов нет.

– Все в порядке. Я понимаю. Но не оставляю надежд, что вы передумаете. Давайте займемся вашим котелком.

«Мой котелок уже перегрелся и без всякой магии огня», – подумала я, но вслух ничего не сказала.

Впору вести дневник неприятностей. Хотя недвусмысленное внимание взрослого мужчины, наверное, скорее приятность, но проблемами грозит не меньшими, чем ненависть ди Файра.

– С нагревом все очень просто, Деллин. Подумайте о тепле, в деталях представьте, как котелок нагревается. Фантазируйте: представьте, что отдаете ему свое тепло, тепло с ладоней. Разотрите крупицу и прижмите руки к стенкам...

– Магистр Оллис! – услышали мы голос Бастиана. – У него проблема.

Я фыркнула: Бастиан, даже работая в паре, не может признать, что у него тоже есть проблема. Вот и сейчас его подопечный – молчаливый тихий Нилл, скривился и сложился пополам, а Бастиан делал вид, будто просто стоит рядом и ждет автобуса.

– Что вы сделали?! – Оллис вскочил.

– Ничего. – Ди Файр пожал плечами. – У него ссадина на руке.

Едва слышно магистр выругался, а я задалась вопросом: почему никто не сказал мне,

что крупницы нельзя использовать, если на ладонях есть травмы?

– Продолжайте работу.

Оллис поспешил к Ниллу, а Бастиан – вот гад! – почти заботливо ему улыбнулся:

– Я помогу.

Только помогать он кинулся не бедному адепту, а мне. Ну и в процессе вышел из образа милого пай-мальчика, вернувшись к привычному амплуа. Я бы ввела в этом мире восточный гороскоп. И год, в который родился Бастиан, обозвала бы годом огненного козла.

– Я работаю с магистром Оллисом, – сказала я.

– Уже нет. Он занят с Ниллом. И будет долго занят.

– Ты что, порезал парню руку, чтобы докопаться до меня?

– Я? – притворно удивился ди Файр. – Да за кого ты меня держишь?

– А ты что, еще не догадался? Нарисовать?

– Знаешь, домашний арест особенно тяжел без твоего язычка. Может, будешь заглядывать, чтобы им меня порадовать?

Я сложила руки на груди. Нет уж, Бастиан меня сегодня не выведет. Я усвоила урок, и если он хочет в дополнение к швабрам поджечь еще и аудиторию, то пусть обнимается с Корви. Там темперамента хватит на десять пожаров!

Мы долго играли в гляделки. Я все ждала, что Оллис освободится, но он возился с рукой Нилла и отчитывал того за безалаберность. Большинство уже занималось котелками. У пятерых парней из группы вода в них кипела, еще один только приступил к делу, а у остальных пока не получалось. Но тянула с практикой только я.

– Ну и что? Серьезно? – усмехнулся Бастиан. – Подставишь и меня, и себя? Отправишься пересдавать, снова загремишь на ковер к Кросту? Или тебе нравится, что он там делает на коврах с провинившимися студентками?

– А ты-то откуда знаешь? Лорелей рассказывала?

Снова взгляд на браслет. Да, Кейману будет плевать, что я поймала двойку из-за Бастиана. Точнее, из-за своего нежелания с ним работать.

Ладно. Это будет просто, Оллис ведь мне все объяснил! И Кейман половину семестра бился над тем, чтобы я научилась контролировать такие ситуации. Если бы он хотел меня проверить, то не придумал бы способа лучше.

Давай, Деллин. Думай о море, о золотистом пляже, о легком свежем ветерке. Ничего раздражающего, впереди тебя ждут показ в столице и зимние каникулы. Ничего страшного, рядом магистр Оллис, который очень разозлится, если ему обломают надежду закрутить роман со студенткой. В теории.

Под насмешливым взглядом, который обжигал почище магии, я неловко сняла с браслета красно-оранжевую крупницу и растерла между ладоней. Затем закрыла глаза и положила руки на котелок, представляя, как тепло концентрируется на стенках. В какой-то момент мне даже стало казаться, что стенки медленно, но нагреваются. Правда, выяснить, так ли это, я не успела.

– Слишком медленно и скучно, – прокомментировал Бастиан.

Я не успела очнуться от медитативного состояния. Руки парня накрыли мои, и в том, что это была провокация, не осталось никаких сомнений. Но семестра, очевидно, недостаточно, чтобы взять под контроль спонтанные всплески эмоций. Меня словно током дернуло, злость смешалась с чем-то еще, выплеснулась, как струя расплавленной магмы из жерла вулкана.

Раздался хлопок, время словно замедлилось, и в этом слоу-мо я успела увидеть, как меняется лицо Бастиана с самодовольного на удивленное, а потом он выдернул меня из-за парты, и мы дружно покатались по ступенькам одним сложносоставным колобком.

– Адептка Шторм! Адепт ди Файр! – Оллис побледнел и, похоже, обзавелся пучком седых волос. – Вы в порядке? Что у вас случилось?

– Проклятые инстинкты! – выругался Бастиан. – Я ведь мог избавиться от тебя раз и навсегда!

– Деллин, что вы сделали?

– А чего сразу я? Разве они, – я ткнула пальцем в Бастиана, – здесь не для того, чтобы ничего такого не произошло?

– Справедливо. Адепт ди Файр?

– А что я? У меня нет диплома преподавателя, а гасить всплески магии я не умею тем более. Скажите спасибо, что я ее вытащил, мог бы сам отпрыгнуть.

– Тоже справедливо. Остается один вопрос.

Я выпуталась из конечностей Бастиана и принялась отряхивать черную форму от пыли. Руки дрожали, а сердце все еще колотилось как сумасшедшее.

– Как мы достанем это? – Оллис ткнул пальцем в потолок, и мы дружно туда посмотрели.

Все было очевидно, как дважды два: от смеси моей магии, магии Бастиана и огненной крупы котел разорвало. Часть осколков валялась на полу и обугленных партах, а вот один, особенно острый, воткнулся в потолок почти до середины.

– Школа старая. Стены толстые, – хмыкнул Бастиан. – Его просто так не вытащить.

– А магией? – спросила я.

– А магией вы его туда засунули. Лимит исчерпан, – раздался голос Кеймана.

Я снова подскочила, но, увидев его лицо, немного успокоилась. Магистр сегодня веселился.

– Иду я по коридору и слышу, как что-то бумкнуло. И почему, скажите мне, первые две фамилии, пришедшие мне на ум, оказались Шторм и ди Файр? Магистр Оллис, как вы догадались объединить силы этих двоих в одном помещении и, самое интересное, как умудрились при этом выжить?

Оллис стушевался.

– Гм... прошу прощения, директор, я просто попросил у куратора курса свободную группу адептов огня, чтобы помочь первокурсникам освоить чуждые крупы.

– А теперь у меня из потолка торчит кусок котла. И паркет водой залили. Жалко, дорогой.

– Я возьму ребят, и мы все уберем. Сейчас отпущу адептов...

– Да ладно, – махнул Крост. – Оставьте. Будете показывать, что бывает, если не слушаться преподавателей. Отличное наглядное пособие. И ради всех богов, Оллис, не закрывайте вы их в одной аудитории. Я жить хочу.

Он оглядел адептов и снова покачал головой. Кажется, преподады ждали каникул куда сильнее нас.

– Корви, напоминаю, что в выходной нужно отработать наказание. Нилл, что с рукой? Покажите. Понятно. Быстро к лекарю! Быстро, я сказал! Ди Файр, срок сдачи реферата завтра. Шторм... ты к экзамену готовишься? Не забудь. Всем до встречи, продолжайте занятия.

Ну вот, на этот раз повезло.

К экзамену я готовилась, он стал целью, единственным занятием. Аннабет уехала, никаких вестей от нее мы не получали. Только надеялись, что с ней все в порядке и магистр Ленард сможет вернуть ее в школу после каникул. Мне все не давали покоя слова, услышанные от Ясперы. Что она имела в виду, когда напомнила Кейману о моих друзьях? И что вообще Кейман обсуждает с магистром Ванджерией, уж не в этом ли причина ее ненависти ко мне?

Я училась. Зубрила этот ее учебник, пыталась привести в порядок конспекты. Мучилась головной болью и тратила крупницы слишком расточительно. Но, в общем-то, понимала, что если Яспера захочет – она меня завалит.

– Есть апелляция, – убеждал Эйген. – Если ты уверена, что преподаватель несправедливо отправил на пересдачу, то можешь запросить сдачу с комиссией. Ванджерия туда не входит. Там Крост, Симон, Ленард и еще пара человек.

– Но я не уверена, что меня отправят на пересдачу несправедливо. Точнее, у этого экзамена нет пересдачи, он ни на что не влияет. Просто меня не пустят на работу.

Он со мной возился, и уже за это стоило сказать Эйгену спасибо. Третьекурсников тоже нагружали неслабо, а после ссоры с Бастианом жизнь парня осложнилась. Он все еще был вынужден посещать занятия вместе с теми, кто его избил. И хоть Эйген не жаловался, я понимала, что это непросто. Как если бы мне приходилось учиться в одной группе с Бастианом. В моей-то со мной не слишком общались, но хотя бы не травили.

– Давай решать проблемы последовательно, – как-то за завтраком сказал Эйген. – Какие претензии у Ванджерии к тебе?

– Я существую.

– Разложи на простые составляющие. Первая: претензия к знаниям, она непременно уцепится, если ты будешь что-то не знать.

– Почерк. Конспекты. Поведение.

– Вот и давай думать, как исправлять. По знаниям – выучишь весь курс. Это непросто, если весь семестр переписывал учебник, но возможно, если у тебя только один экзамен и до него еще полблока. Прочитай учебник десять раз, пока не запомнишь. Конспекты приведи в порядок. Перепиши красиво, с графикой, выделениями и схемами. Если в день делать по чуть-чуть, то успеешь.

– Почерк-то не изменится.

– А с почерком я тебе помогу.

Эйген достал из кармана пузырек с чернилами.

– Купил недавно, негодились. Они не превратят иероглифы в каллиграфию, но сгладят линии. Почерк будет кривоватый, но опрятный. Яспера может докапываться до грязи и ошибок, но не может требовать от тебя художественного оформления конспектов. Риск не сдать минимален.

Как по мне, риск лишь чуть-чуть снизился, Яспере не нужны были объективные критерии. Но Эйген искренне хотел помочь и буквально светился от гордости за свою идею, так что я решила попробовать.

Теперь каждую свободную минуту в расписании я готовилась. До завтрака писала страницу конспекта, потом шла на пары, потом, во время, освободившееся от крылогонок, читала, а вечером писала еще страницу конспекта. Это отвлекало от мыслей об Аннабет, древних языках, письмах и всем остальном. Записки в комнату больше не подбрасывали, и я успокоилась. Мандраж перед экзаменом оказался куда страшнее не совсем адекватного поклонника.

Нормальные студенты не спят ночь перед экзаменом, потому что пытаются выучить все билеты, ну а я начала заранее. И учить, и не спать.

Вся жизнь вертелась вокруг одной-единственной пары, на которой должна была решиться моя судьба. Так недалеко и до невроза, этим несчастным экзаменом не заморачивался никто! После него не отчисляли, за него даже не ругали. Это был своего рода маркер для преподавателей: на кого обратить внимание, кто из адептов не усвоил основной курс, а кого можно отправить на дополнительные занятия.

И только мне Кейман устроил стресс. Наверное, справедливо. Но очень обидно.

В день «икс» я не сомкнула глаз. Явилась на пару Ясперы раньше всех, не выспавшаяся, нервная и с ледяными руками, которые едва могли удержать перо. Мечтая о высшем образовании, я не думала, что это такое нервное дело. Меня даже подташнивало со страху.

– Садимся на места, берем билет и пишем. Проверяю конспект, посещаемость и ответ по билету, – с порога объявила Яспера. – Кто будет списывать – выгоню.

Она шла по рядам, и каждый тянул билет из небольшой стопки. Подаренный мне сверху вниз взгляд недвусмысленно намекнул, что просто не будет. Или у меня разыгралось воображение, или Яспера сегодня была особенно злой. Но, как ни странно, после получения билета волнение немного улеглось.

Я вчиталась в прыгающие буквы. Вопрос был всего один.

«Назовите главные отличия темной магии от иных видов, перечислите основные пункты классификации темных магов согласно классификатору Магического Совета Штормхолда».

Ладно, это просто. Я это учила. Долго учила, чуть крышей не поехала.

На миг мне показалось, будто я ничего не знаю, все мысли словно выбило из головы. Пришлось сделать два глубоких вдоха и бросить все силы на то, чтобы как можно аккуратнее и полнее написать ответ.

Отвечать шла третьей. Корви первый ушел с незачетом, затем помучили Нилла с перебинтованной рукой. И, наконец, Яспера вызвала меня. Глаза женщины нехорошо блестели. Многообещающе так. Но вообще я понимала, что в ней нашел Кейман: она была очень яркой. Тонкая, опасная, аристократичная красота и кошачьи повадки.

Я протянула конспект, над которым трудилась все свободное время. Яспера с равнодушным видом его пролистала и... поставила в соответствующей графе минус.

– Но... что... я же написала! – вырвалось.

– Вы написали его не в течение семестра. Мне не нужны детские поделки, я не мамочка.

– Я переписала его, чтобы вам было удобнее читать.

– Ну разумеется, – фыркнула женщина.

Я не выдержала и полезла в сумку.

– Хорошо, такой конспект у меня тоже есть.

Яспера посмотрела с насмешкой, но тетрадь взяла. Пролистала, и... ничего не изменилось!

– Все равно минус, адептка. Он неаккуратный.

У меня отвисла челюсть.

– Так вот же аккуратный!

– Хорошо, я выражусь яснее. Конспект должен, во-первых, вестись во время семестра. Во-вторых, быть аккуратным. И это должен быть один конспект, понимаете? В одной тетради. А не два разных.

– Но вы ведь знаете, что я не могу быстро писать, у меня дисграфия! Я старалась

переделать его аккуратно, я писала его три недели...

- Меня мало волнует, на что вы тратили свое время, адептка Шторм. Давайте по билету.

А может, уже просто поставит «неуд» и отстанет?

- Основные отличия темной магии. Существует шесть видов магии, четыре из которых - стихийные. Темная магия, как и светлая, не относится к стихийным видам, она стоит обособленно. Светлая более однозначна: это или целительство, или предсказания, или - редко встречающиеся виды - магия искусств, магически укрепленные природные таланты...

- Вопрос звучит не так, адептка, - прервала меня Яспера. - Если я захочу услышать рассказ о светлой магии, то обращусь в соответствующую школу. Давайте по существу, или не тратьте мое время. В отличие от вас у меня есть реальные дела, на переписывание конспектов не хватает времени.

Очень захотелось оттащить магистра за космы, но, помня, к чему ведут такие мысли, заставила себя переключиться на билет. Просто вспомнить учебник и шпарить по нему. Я точно смогу.

- Темная магия непредсказуема. Она слишком связана с личностью мага, она - его продолжение и начало. Формы, которые принимает темная магия, невозможно предугадать. Когда мы видим будущего мага огня, мы понимаем, что он сможет, но когда видим темного мага - нет. Границы его дара зачастую огромны. А главное отличие темного мага от прочих в том, что магия не статична. Она развивается всю жизнь, вплоть до самой смерти мага.

- Боги, как скучно тебя слушать, - поморщилась Яспера.

Я открыла рот и решила его не закрывать. Неприязнь Ясперы ко мне не была секретом, но чтобы так открыто?

- Значит, так. Мне надоело играть в эти игры, - сказала магистр. - Поэтому скажу честно: Кейман сказал поставить тебе трояк, даже если ты не вспомнишь собственное имя. Поэтому топай на все четыре стороны, Шторм.

- Почему вы меня ненавидите? Что я сделала?

- Думаешь, я стану обсуждать свои личные предпочтения с тобой? Придется смириться, что не все в этой школе прыгают вокруг тебя, Деллин Шторм. И либо ты сейчас встаешь и уходишь с зачетом, либо тебя даже Кейман не спасет, я все равно влеплю тебе «неуд».

Сложно спорить с тем, кто облечен властью. Вдвойне сложно, если от него зависит что-то очень важное для тебя. Поэтому я быстро схватила конспекты и выскочила из аудитории. Главное позади: я получила свой счастливый билет на показ.

В коридоре меня догнал Эйген.

- Ну?! Сдала?

- Да.

- Йес-с-с! - Он так высоко подпрыгнул, что чуть не сбил со стены факел.

- Кейман приказал поставить мне зачет в любом случае. Я его не понимаю. Зачем ставить условие поездки во Флеймгорд, если все равно решил меня отпустить?

- Ну... - Эйген задумался. - Может, он хотел тебя занять подготовкой? Заставить все выучить? Но при этом знал, что Ванджерия не поставит тебе зачет без его давления.

- Не хотела бы я быть директором школы. Банки грабить проще, чем детей воспитывать.

- Да какие мы уже дети. Ладно, Шторм, поздравляю тебя с боевым крещением в Школе темных. Уж поверь, это только начало. Потом начнутся хаос и тьма.

- Ты же сказал, что на старших курсах будет проще! - воскликнула я.

Но Эйген, рассмеявшись, унесся на тренировку. А мне ничего не оставалось, как поплестись спать. Теперь-то я уж точно усну, после такого облегчения. Жаль только, что, несмотря на все воспитательные меры Кеймана, крылья мне так и не вернули. О них я буду сокрушаться до самого выпускного.

Глава 14

Зима пришла одним днем, как раз в конце семестра. Просто школа проснулась – и увидела, как за окном все стало белым. Я долго лежала и улыбалась, глядя на падающий снег. В последние недели как-то все казалось тоскливым и безрадостным: Аннабет уехала, крылогонок я лишилась еще до Бала Огня, успехи в учебе хоть и радовали, случались нечасто. Немного утешало, что большинство адептов первого курса были такими же балбесами, как я, но все же без зависти смотреть, как старшекурсники с легкостью приручают магию, было невозможно.

Здесь не праздновали Новый год как таковой, здесь праздновали приход зимы. Но насколько все же два мира порой сходились в мелочах: традиция подарков существовала и здесь. Их приносили не под елку, а клали на полку в шкафу. И сказок про волшебного дарителя не придумывали: подарками обменивались близкие.

Я особых подарков не ждала. Мой праздник пройдет в школе, я из тех немногих адептов, которых не забирают домой. Подруги нет, а Кейман – последний человек, который станет дарить подарки. Разве что для Эйгена я купила новую кожаную папку для листов. Он сильно вырочал меня с учебой в этом полугодии, да и вообще я стала относиться к нему с куда меньшим подозрением, чем в начале знакомства. К слову, Эйген тоже оставался на каникулы в школе, но не рассказывал, по какой причине.

В день отъезда я решила пропустить завтрак. Не хотелось есть, к тому же в столе был заныкан сверток с шоколадкой на случай, если внезапно разболится голова или смертельно захочется сладкого. Поглощать шоколад и смотреть на снежное великолепие за окном – бесценно!

На два дня в столице надо было набрать вещей. Теплый дорожный плащ и ботинки – в этом я поеду, легкое домашнее платье, теплые носки на случай холодной комнаты в отеле, платье на выход и для встречи с леди Найтингрин и платье под плащ, для прогулок. К тому же я надеялась присмотреть в столице наряд для Бала Воды, который пройдет в школе среди оставшихся студентов. Хватит с меня таинственных посылок. Даритель, кем бы он ни был, вроде примолк. То ли разлюбил, то ли дел навалилось слишком много. А может, как и все, собирался уехать на каникулы.

Подумав, я достала из шкатулки подаренный незнакомцем гребень. Он идеально подходил к платью на выход, а раз Эйген не нашел следов магии и проклятий, думаю, можно и выгулять подарок на людях.

Так, напевая под нос рождественскую песенку и пританцовывая, я собирала сумку и наводила в комнате порядок. Ровно до тех пор, пока не пришел Эйген.

– Принес кусок пирога, подумал, что тебе понравится.

Пирог мне понравился, с корицей и цукатами, он отлично дополнил зиму за окном.

– Уверен, что не хочешь поехать со мной? – спросила я. – Марьон достанет приглашение. Они были готовы позвать всю мою группу, лишь бы я приехала. Мне не хочется оставлять тебя наедине с Бастианом.

Хотя после наказания Кеймана Бастиан слегка присмирел. По крайней мере, не шел на дела, в которых его вина была очевидной. Эк его проняло угрозой Кеймана насчет сестры.

Эйген замялся в ответ на предложение. А потом выпалил:

– Понимаешь, я хочу с ним поговорить.

– С кем?

– С Бастианом.

– Боги, Эйген, о чем? Это все равно что говорить с залетевшим в шесть утра комаром! Он не хочет с тобой общаться, он хочет крови и достать тебя жужжанием!

- О Брине. Я не могу без нее, я попробую все объяснить и убедить его, что я люблю Брину. И что она любит меня, даже если злится.

Против любви не попрешь. Вряд ли Эйген решил все в последнюю минуту, желание откровенного разговора с бывшим другом зрело давно. Интересно, мне эта идея не понравилась потому что я не верю в адекватность огненного короля или потому что боюсь, что Эйгена примут обратно и он перестанет быть моим другом?

Словно подслушав мысли, Эйген произнес:

- Не волнуйся, Делл. Я не брошу вас с Аннабет. Мне нравится с вами дружить.

Но я покачала головой.

- Будь готов к тому, что Бастиан столкнет нас лбами. Если у него и возникнет мысль разрешить тебе быть с Бриной, он сделает это с максимальной выгодой для себя.

Эйген помрачнел, да и у меня настроения слегка поубавилось. Как только показалось, что я нашла друзей, Аннабет уехала перевоспитываться, а Эйген задумал вернуться в старую компанию. И даже если мы трижды поклянемся друг другу в вечной дружбе, после каникул все наверняка изменится. И что? Мне теперь заново искать друзей?

- А кстати, почему сам ди Файр остается в школе? - спросила я, когда мы шли на обед.

- Он всегда проводит каникулы здесь. - Эйген пожал плечами. - Подозреваю, ненавидит получать и дарить подарки, ну и вообще все эти праздники. Он даже к зимнему ужину не выходит, хотя зал украшают ледяными фигурами, а в холле заливают настоящий каток. Дома, полагаю, у Бастиана тоже дворец-музей украшений изо льда. Женщины обожают зимние праздники.

После обеда во дворе школы выстроились кареты. За несколько месяцев я немного привыкла к магии, но все равно старалась унять восторг при виде огненных птиц, водных антилоп и прочих волшебных упряжек. Брела вдоль рядов экипажей, адептов, прощающихся с друзьями, прямиком к черной карете, которая принадлежала Кейману и которая привезла нас в школу осенним утром. Теперь оно казалось таким далеким! Я словно пережила не семестр, а целую жизнь. Не всегда простую и приятную, но теперь я не променяю ее даже на тысячу земных.

Я неуклюже залезла в салон и вздрогнула, поняв, что напротив сидит Кейман.

- А... - Рот открылся сам собой. - Что вы здесь делаете?!

- Леди Рианнон Найтингрин любезно прислала приглашение для опекуна Деллин Шторм. Я решил не пренебрегать им и сопроводить тебя на показ, - невозмутимо и с легкой ленцой отозвался опекун.

- Что?! - только и смогла выдохнуть я.

- Скажи спасибо, что Яспера послала меня в задницу на предложение поехать с нами, потому что приглашений было два.

- Вы же не серьезно, да? Вы просто пришли меня проводить?

- Я абсолютно серьезен, Шторм. Я обязан за тобой следить. Если на какой-нибудь вечеринке в высшем обществе тебя придушат в раздевалке, то Совет меня повесит. И Сайлер добавит. Поэтому я еду с тобой.

- А... а кто останется в школе? Вы что, бросите школу? Ведь все преподаватели разъехались по домам!

- Магистр Оллис вызвался дежурить в обмен на отпуск в следующем блоке, его сестра выходит замуж.

- И что вы там будете делать?

- Шторм, - Кейман посмотрел на меня с усмешкой, - то же самое, что и ты. Схожу посмотреть на новую коллекцию леди Найтингрин, погуляю по Флеймгорду и куплю

паре знакомых подарки. К тому же, хочу заехать к себе домой.

– У вас есть дом?! Но мы жили в гостинице...

– Я не был уверен, можно ли привести тебя в приличное жилище. Вдруг ты клептоманка?

Я только закатила глаза. Ну что тут поделывать? Кейман никогда не позволяет обыгрывать его и, если идет на уступки, то непременно с условиями. Наверное, в глубине души я знала, что за возможность поучаствовать в показе не отделаюсь подготовкой к экзамену.

Экипаж вдруг взмыл в воздух, и от неожиданности я взвизгнула. Поймав укоризненный взгляд Кеймана, смутилась и уставилась в окно. Один за другим поднимались экипажи: адепты и преподаватели разъезжались по домам. Вокруг бешено и хаотично кружились снежинки. Школа темных оставалась далеко внизу и вскоре исчезла в морозной дымке.

Меня вдруг пробрал холод, словно дверь кареты оказалась неплотно закрыта. Но вскоре ощущение исчезло. А еще через полчаса Кейман достал из ящика под сиденьем чайник с чашками, и я совсем повеселела.

Потом, разомлев от горячего напитка, легла на скамейку и уснула. Оказалось, что спать под угрожающие завывания ветра очень уютно. Во сне почувствовала, как меня накрыли одеялом, и забралась под него с головой, даже не зацепившись за мысль, что кроме Кеймана совершенно некому было проявить такую заботу. Пожалуй, сейчас я расслабилась, ибо в воздухе, вдали от школы, в кои-то веки никто не хотел меня подставить, поиздеваться или побесить.

Когда карета с мягким толчком опустилась на землю и остановилась, я с удивлением приподнялась.

– Уже все?

– Да. – Кейман убрал в дорожную сумку книгу, которую читал. – Мы возле твоей гостиницы. У меня дела в городе, так что разместись сама. Вечером я к тебе зайду.

Я была еще сонная и слабо воспринимала действительность. Наспех застегнула пальто, накинула капюшон и, подхватив сумку, вышла из кареты. Гостиница, в которой леди Найтингрин поселила персонал показа, была чуть меньше той, где мы останавливались с Кейманом, но тоже располагалась в центре и в роскоши ничуть не уступала.

У входа меня встретил Марьон.

– Ты приехала! – просиял он. – Я уж было боялся, что тебя снова за что-нибудь накажут!

– Да, я тоже.

– Идем скорее, леди Найтингрин уже ждет! Ей не терпится с тобой познакомиться. А вечером она собирает всех девушек, чтобы прорепетировать показ. Нормально добралась? Я подумал, что стоило оплатить тебе экипаж...

– Меня довез опекун. Леди Найтингрин пригласила и его.

Видать, ей и впрямь не терпелось со мной встретиться, потому что регистрация и выдача ключей от номера заняла едва ли минуту. Марьон, подхватив мою сумку, буквально понесся на третий этаж, где мне отвели угловой номер с большими окнами, выходящими на уютную внутреннюю улочку. Сейчас она вся была украшена ледяными, чуть светящимися фигурами.

– Как здорово, – улыбнулась я.

– Быстрее, Деллин, быстрее!

Пришлось переодеваться в приличное платье в темпе вальса, а еще собирать растрепавшиеся после сна волосы в косу. Все это время Марьон нетерпеливо притоптывал в коридоре. Мы спустились вниз, к симпатичному ресторанчику, где за дальним столиком, задумчиво потягивая из бокала вино, сидела и смотрела в окно

удивительной красоты пожилая женщина.

Длинное темно-синее платье на ней не совсем соответствовало обеденному времени, да и высокая прическа с несколькими выпущенными локонами больше подходила званому вечеру, но все же дама была роскошной. Из тех, кто не боится достойно стареть: она не красила волосы, а даже будто гордилась своей благородной сединой. Не прятала морщины, но обладала идеальным маникюром и сдержанным естественным маки-яжем.

При виде нас она улыбнулась и поднялась.

– Деллин. Я так рада видеть вас вживую.

Мне пожали руку и пригласили сесть напротив леди Найтингрин. А вот для Марьона стула не было, и он понял все правильно: бесшумно исчез, оставив нас наедине.

– Ты, должно быть, голодна. Я взяла на себя смелость познакомить тебя с моими любимыми блюдами здесь. Прошу, не сердись, это в крови у пожилых леди: нам всем смертельно хочется кого-нибудь кормить и воспитывать.

– О, мне очень приятно. Я до сих пор так и не разобралась во многих нюансах вашего мира. В школе нам не предлагают делать заказ по меню.

Рианнон рассмеялась, а официант принес мне салат. Ну да, незачем кормить моделей булками и жирностями. Хотя, к чести леди Найтингрин, салат оказался с мясом. Жутко вкусно!

– В жизни ты совсем не такая, как на плакатах. Однако ничуть не менее красива.

– Спасибо. Марьон, кажется, польстил мне на портретах.

– О, он безумно талантливый мальчик. Я чрезвычайно довольна, что заполучила такой талант. Впрочем, это касается всех моих сотрудников. Я горжусь каждым, кто помогает мне в воплощении идей. Знаешь, твой образ Таары впечатлил даже Его Величество. Он очень тепло отзывался о наших новых коллекциях.

Еще бы друг Кеймана не тепло отозвался о рекламе, в которой поучаствовала девушка, с которой он ужинал. Осталось выяснить, с чего это такой бурный интерес ко мне.

– Я уверена, что показ пройдет идеально.

– Но ведь я никогда не участвовала в показах.

– С чего-то же надо начинать. Все мы были новичками. Я, например, работала художницей при ателье в Риверсгарде. Рисовала для адептов Школы воздуха наряды на выпускные, а ночами сидела над собственной коллекцией. Мне так и не удалось уговорить родителей вложить в мои идеи средства, хотя состояние у отца было просто огромное. Тогда я взяла заем и буквально чудом сумела его отдать. Мои первые коллекции едва окупали себя, но труд и упорство побеждают в любом деле, Деллин. Поэтому я люблю нанимать молодые таланты. И не обижаю их в вопросах оплаты.

Она протянула мне приятно позвякивающий мешочек.

– Это аванс за показ.

Я немного смутилась, как-то неловко было брать вот так у нее деньги.

– Ну же, Деллин, аванс – это залог для двух честных людей. Один, отдавая деньги, подтверждает свое намерение быть порядочным работодателем, а другой, беря деньги, будет чувствовать себя ответственным и выполнит работу на «отлично».

– Спасибо. – Я спрятала мешочек в карман платья и чуть пригубила вино.

– В восемь я жду тебя в зале для собраний, управляющий тебя проводит. Мы с девочками пройдемся по основным моментам показа, ну и познакомимся. А завтра утром жду тебя к восьми утра в Доме Моды Найтингрин – он на центральной площади, в самом начале главной торговой улицы.

- Леди Найтингрин...

- Зови меня Рианнон, - попросила она. - Я не очень люблю официальные обращения. Часто за ними скрывается совсем не дружелюбие.

- Рианнон... могу я вас кое о чем спросить?

- Конечно, дорогая. Спрашивай, о чем хочешь.

- В вашей новой коллекции было платье, Марьон мне его показывал. В огненной коллекции. Короткое платье с рукавами три четверти и градиентом... то есть с плавным переходом цвета.

- Да, такое платье действительно было. Но мне пришлось его снять с линейки.

- Марьяна говорила, что вы сделали это ради родственника, а... вы не можете рассказать, что это за родственник?

- Это был мой племянник. Он влюбился в девушку, но сказал, что не имеет права даже думать о ней. А когда узнал, что девушка не может оплатить себе платье для праздника, обратился ко мне. Я была очень обязана Джораху, однажды он спас мне жизнь. Поэтому я без раздумий отдала ему понравившееся платье. Это самое малое, чем я могла его отблагодарить. А почему ты спрашиваешь? Знаешь девушку, которая была в этом платье?

- Да, его подарили мне, и даритель не назвался.

А еще добавил записку, которая, как по мне, была уж слишком.

- О... как тесен мир. И как твой выход?

Сказать ей, что из-за этого платья чуть не проглотила собственный язык Лорелей, а потом Эйген измазал его в крови?

- Это был один из самых запоминающихся вечеров в моей жизни. Но я не знаю никакого Джораха. Вы не можете сказать, как мне его найти? Я бы хотела поблагодарить его за подарок.

Рианнон как-то странно замялась.

- Боюсь, Деллин, этого лучше не делать. Пойми меня правильно... если мой племянник хотел остаться неузнанным, то я не имею права раскрывать его тайну. Пожалуйста, если вдруг он все же раскроет себя, не говори, что я так бездумно все тебе разболтала! И прости, что не могу тебе помочь. Но если он будет готов - то обязательно во всем тебе признается. Я скажу, что ты спрашивала о платье, и, клянусь, попробую его убедить, что ты испытываешь тепло и благодарность.

Испытываю ли?

Ну что ж, разговор с леди Найтингрин, на который я так рассчитывала, ясности не добавил. Таинственный Джорах как был невидимым и порой пугающим поклонником, так им и остался, разве что обзавелся именем. Спросить, что ли, Кеймана, не знает ли он, кто такой этот Джорах?

Но мне понравилась Рианнон Найтингрин. И хоть я ничего не узнала о личности дарителя, успокоилась окончательно. Что страшного в том, чтобы племянник леди Найтингрин подарил объекту воздыхания платье?

Единственное, что меня напрягало, так это количество воздыхателей вокруг. Как-то слишком много на одну обычную меня.

После обеда я вернулась в комнату и задумалась, что делать дальше. Вечером меня ждала встреча с другими манекенщицами и обсуждение показа, а завтра - адски тяжелый день. Зато появилась небольшая кучка денег, треть из которой можно профукать в честь первых каникул. Купить подарок для Аннабет и для себя. Пусть подругу и увезли, но ведь после каникул ее обещали вернуть.

Одевшись потеплее, я спустилась вниз и в холле заметила Кеймана. Он сидел на диванчике, с безмятежным видом рассматривал снующий туда-сюда народ и совсем не напоминал строгого директора, одно появление которого грозило мне наказанием.

– Что вы здесь делаете? – спросила я.

– Жду тебя.

– Зачем?

– Ты свободна?

– До вечера. Леди Найтингрин собирает всех, чтобы дать инструкции.

– Чудненько. Идем, пройдемся по магазинам, посмотришь центр. Надо найти тебе платье на Бал Воды.

– Это прямо бал?

– Нет, скорее ужин для пары десятков адептов и несчастных дежурных магистров. Но платье все равно нужно в соответствии с правилами. В сине-фиолетовых тонах.

– Можно вопрос? – когда мы выходили, спросила я.

На улице снова пошел снег, и я почувствовала настоящее наслаждение, ступая по нетронутому полотну.

– Давай.

– Мы ведь покупали одежду у той девушки. Почему вы не сказали ей, что нужны платья к праздникам?

– Меньше всего я думал о танцах и балах. Алаяя понятия не имеет о порядках и традициях школы.

– Я хотела спросить о человеке...

Мимо пронесся экипаж, запряженный земляными птицами, я едва успела затормозить. Никакого уважения к пешеходам!

Но момент был упущен: мы очутились на оживленной улице, где сошедшие с ума жители Флеймгорда носились по магазинам. Они скупали буквально все: подарки, сувениры, магические безделушки, браслеты под крупы и сами крупы. Царила всеобщая атмосфера праздника, и я сдалась. Отложила все разговоры до следующего дня.

Все кафешки превратились в чудесные снежные миниатюры. Несмотря на то что о традиционных рождественских символах здесь ничего не знали, все равно неуловимый дух Рождества так и витал в воздухе.

– Мне нужно найти подарок для Аннабет. Есть идеи?

– Детям из приютов всегда дарят очень нужные, но не очень приятные подарки. Куртку, ботинки, набор канцелярских предметов, теплые варежки. Подари ей что-нибудь бесполезное и красивое.

Я погрузилась в размышления. Что красивого и бесполезного я могу подарить Аннабет? Она с завистью смотрела на платье, но выбирать одежду в подарок – точно не мой конек, я понятия не имею, какого Аннабет размера. В косметике тоже не разбираюсь, а еще... Я остановилась как вкопанная возле одной витрины.

– Зайдем? – спросила Кеймана.

Это был салон украшений из серебра. Сдержанные, но изящные вещицы сверкали от многочисленных магических гирлянд. Была даже витрина с комплектами, камни в которых в прямом смысле сверкали. Гранаты с заточенным внутри огнем, сапфиры с крошечными пузырьками внутри, изумруды с трогательно дрожащими веточками и листочками. Но ни одного камня, похожего на черный опал. Ничего, напоминающего

мой гребень.

– И что ей взять? Серьги? Я не знаю размер ее руки, чтобы подарить браслет или кольцо.

– Возьми это. – Кейман ткнул в витрину. – Ими восхищаются весь последний год.

Это была подвеска с тремя цепочками. На первой висела серебряная книга, инкрустированная разноцветными камнями, а еще две в эту книгу вставлялись на манер закладок. Нечто подобное было и в нашем мире, такие подвески покупались или влюбленными, или друзьями.

– У меня нет третьей подруги. Разве что Эйгену еще раз дадут по голове и он согласится это носить.

– Я готов поставить сотню, что по голове ему дадут еще не раз. Возьми. Ей будет нужно после возвращения. Просто не будет, репутация воровки – это навсегда. Если планируешь остаться рядом с Фейн, продумай детали.

Я улыбнулась. Сейчас Кейман почти не пугал и нравился мне намного больше, чем в стенах школы. Правда, сейчас и раздражающих факторов почти не было. Надо думать, если бы по всему магазину летали раскаленные колечки и гребешки, мне бы влетело.

Пока я расплачивалась за подвески, Кейман отвлекся на что-то на витрине. И, получив серебристую коробочку с покупкой, я обнаружила, что опекун еще не готов уходить. Он даже будто не ожидал, что я бесшумно подкрадусь сзади.

– Для кого выбираете?

Хотя можно было не спрашивать: он склонился над витриной, где все украшения были в сине-зеленой гамме. Массивные, агрессивные и дерзкие комплекты. Они могли подойти только одному человеку.

– Вот это возьмите. – Я ткнула пальцем в красивое кольцо с чистейшим камнем.

– Кольца дарят только возлюбленным.

– Разве Яспера – не ваша возлюбленная?

– Она мой друг.

– Со стороны кажется, будто чуть больше.

– Иногда друзья занимаются сексом.

– А, ну да, мы с Аннабет пока не дошли до этого этапа в отношениях.

– Только не в моей школе, пожалуйста.

Я рассмеялась. Кейман сдержанно улыбнулся.

– Как вы познакомились с Ясперой?

– Она была моей студенткой.

– Ого...

– Что за намеки, Шторм? Я не совращаю адептов.

Тут я вспомнила нашу первую встречу, но решила промолчать. Зачем напоминать о том, с чем не готова столкнуться?

– Она в вас влюблена.

– Нет. Яспера никого, кроме себя, не любит.

– Тогда зачем, по-вашему, она торчит в школе? Преподавание ее бесит, это видно.

– Она наказана. Поэтому и торчит.

– За что?

– Я возьму это. – Кейман ткнул пальцем в симпатичные серьги-гвоздики с каплевидными камнями. – За покушение на убийство.

– Что?! – ахнула я. – Нас учит человек, наказанный... то есть... кто вообще наказывает преподаванием за покушение?!

– Это длинная история. И тебе ее знать совершенно не обязательно. Идем, я хочу есть.

Мы провели остаток времени в таверне. Кейман обедал, я пила пряный кофе, который легкой остротой оставался на языке. Ела цукаты в сиропе и мечтала о теплом пушистом пледе. Рядом задорно трещали дрова в камине, вокруг кипела жизнь, и все казалось чудесным.

Но к вечеру пришлось вернуться в гостиницу. Служащий проводил меня в зал для собраний, где, помимо леди Найтингрин и Марьюна с сестрой, за круглым столом расположились пять девиц модельной внешности. Все они встретили меня настороженными и холодными взглядами. Но кто с Бастианом ди Файром учится, тот моделей не боится. Я села в единственное свободное кресло и присмотрелась к подругам по подиуму.

Удивительно, но рыжая модель представляла совсем не огненную коллекцию. Хотя, надо думать, ее рыжие, чуть растрепанные кудри идеально оттеняли насыщенные зеленые оттенки коллекции земли. Огонь представляла жгучая брюнетка с внушительным бюстом. Воздух – тонкая, почти прозрачная блонди с белой фарфоровой кожей и розовым румянцем на щеках. Воду – русая красotka с толстенной, до пят, косой. Для светлой коллекции позвали высокую блондинку с короткой стрижкой. Я подумала, что она могла бы играть в фильме про врачей, и, кажется, неосознанно поймала нужную ассоциацию.

Рианнон улыбнулась:

– Девушки, это Деллин, лицо нашей темной коллекции. Деллин, это Лейси, Лиза, Рана, Оливия и Десма.

Я, конечно, никого не запомнила.

– Что ж, давайте начнем. Завтра в семь часов вы представите публике Штормхолда мою новую коллекцию. Все должно пройти на высшем уровне.

– И поэтому вы позвали неопытную студентку? – усмехнулась одна из девиц.

Странно, что она представляла не огонь.

– Я позвала Деллин, потому что она идеальна в образе Таары. Идеальной предстоит стать и тебе, Лейси. Поэтому начнем с тебя. Итак, твой образ – богиня огня. Завтра на подиум должна выйти не Лейси, а огненная дева, воплощение пламени. Какой она будет?

– Дерзкой. Сексуальной. Горячей.

– Хорошо. Только не скатись в пошлость. Богиня огня не может быть женщиной легкого поведения. Она раскрепощенная, но не распущенная. Понимаешь?

– Да, Рианнон. Я понимаю.

– Хорошо. Лиза? Что с богиней земли?

– Интеллектуалка. Мы с Марьюном выбрали образ сдержанной и умной женщины, которая привлекает магнетизмом в первую очередь, и уже затем внешностью.

– Хорошо. Рана, для тебя я немного меняю концепт. Игривая и легкомысленная богиня воды мне не понравилась. Стань штормом на море. Покажи решимость, силу стихии. Не будь русалочкой, будь королевой океана. Поняла?

– Хорошо, – послушно откликнулась Рана.

По мере продвижения я чувствовала, как потеют ладони. Да я же ничего не знала об

этой профессии!

– Оливия. А вот тебе я хочу добавить немного игривости. Но немного, не переборщи. Побудь весенним ветерком. Холодным, но дарующим надежду на оттепель. Десма – все остается по-прежнему. За одним исключением: мы сшили другую обувь. Придется потренироваться лишний час.

– Нет проблем, – с уверенной улыбкой ответила девушка.

Внимание всех присутствующих обратилось ко мне. Захотелось пить.

– Деллин, – Рианнон успокаивающе улыбнулась, – с тобой мы только познакомились и образ еще не обговаривали. Давай попробуем подумать. Ты уже надевала мои платья и успешно позировала для Марьона. Каким ты видишь свой образ? Какая она – богиня Таара?

Я вздохнула. Какая она? Наверное, красивая, уверенная в себе, как сказала Лейси – дерзкая. Но эти слова и вполнине не описывали то, что получилось на плакатах. То, что заставило Кеймана психовать.

– Деллин?

– Она безумна, – наконец сказала я. – Она управляет самой непредсказуемой и сложной магией в мире. Темная сила связана с характером владельца. Таара не дерзкая и не раскрепощенная, она сумасшедшая и жестокая.

– Да, такая трактовка встречается в литературе. – Рианнон склонила голову. – Но мы не можем показать безумную Таару на подиуме. Поэтому я скажу тебе так: представь, что до грани остался шаг. Что ты – богиня, властвующая над самой непредсказуемой магией на свете, но замершая на краю пропасти. Позади тебя – власть над хаосом и смертью, а впереди – бездна. Попробуй поймать это ощущение...

«...и не свихнуться», – закончила я про себя.

– Хорошо. Я не стану долго вас мучить, прорепетируем все завтра уже на месте, но отниму еще час вашего времени. Хочу посмотреть, насколько вы уловили образ. Просто пройдитесь по комнате так, будто это подиум и на вас смотрят не коллеги-модели, а зрители. Деллин это будет полезно.

Я смотрела на вышагивающих моделей, слушала замечания Рианнон и понимала, насколько далека от их мира. Теперь слова Кеймана о том, что карьера модели мне не нужна, воспринимались слегка иначе. Для Лейси и остальных это была работа, они отдавали ей все время. А я чувствовала себя не в своей тарелке.

Мой единственный опыт игры в театре до сих пор иногда снился в кошмарах. Причем не только мне, но и преподавателю. А может, даже некоторым зрителям. Меня, маленькую школьницу, посещавшую бесплатный театральный кружок и не обладавшую никакими талантами (мама засунула меня туда лишь с целью социализировать замкнутого ребенка), бросили на самый простой и скучный спектакль: интерактив для детсадовцев.

Мы в идиотских костюмах водили хороводы под музыку, разыгрывали маленькие сценки, а еще проводили конкурсы и игры. Одной из таких игр был «Крокодил». Мы выбирали животное, изображали его во всю широту таланта, а дети пытались угадать в наших конвульсиях ответ на загадку.

Зачем я выбрала лошадь? Мне пришлось пять минут ходить по импровизированной сцене и изображать пощипывание травки. Но то ли дети мне попались жутко тормозные, то ли актриса спала во мне очень глубоко и крепко, лошадь никак не хотела угадываться.

И тогда я встала на задние копыта и заржала на все здание.

Из театральной студии пришлось уйти через неделю: дразнили лошадью.

Надо думать, модели дома Найтингрин придумают прозвище получше, но вряд ли более приятное.

- Твоя очередь, Деллин.

Я чувствовала ужасное смущение! Самой себе казалась глупой, вышагивая перед пятью опытными манекенщицами, и серьезной бизнес-леди. Но очень старалась. Не только потому, что нужны были деньги, но и потому, что вот эта пожилая леди спасла меня от серьезной причины для издевательств в школе, дала возможность почувствовать себя звездой, ловить восхищенные и завистливые взгляды. Я не могла ее подвести.

Что могла чувствовать Таара на пороге безумия? Мне казалось – сожаление. Я бы точно чувствовала. Смерть и хаос бессмысленны. Власть над ними не приносит ровным счетом ничего. Ну, или я просто не понимаю смысла.

- Так, – когда я прошла первый круг, Рианнон поднялась, – разреши немного тебе помочь. Вот так, распрями плечи сильнее. Как будто лопатками зажимаешь орешек. Хорошо. И голову выше. Тебе кажется, что это смотрится глупо, но это лишь иллюзия. Хорошая осанка – это искусство, а еще половина образа. Надменно приподнятая головка подойдет Тааре. Теперь взгляд. Он должен быть медленным. Если ты переводишь взгляд на что-то, то очень медленно, при этом слегка поднимай голову, буквально чтобы обозначить движение. Это очень эффектно. Сначала переводишь взгляд, а затем приподнимаешь голову. Нет... так слишком сильно, на пару сантиметров подбородок вверх. Хорошо. Теперь походка. У тебя очень красивая фигура, но мне бы хотелось, чтобы ты использовала ее не для соблазнения, а для представления себя. Представь... что ты идешь не перед публикой, а перед подданными. Осматриваешь владения. Уверенная походка, осанка и взгляд – вот три составляющих твоего образа. Попробуй еще раз.

Лейси фыркнула, но Рианнон строго на нее зыркнула – и манекенщица умолкла. А я прошла еще три круга и на третьем, кажется, даже поймала нужное состояние. Правда, зеркала не было, и я не знала, насколько хорошо получилось.

- Ну, вот и все, дорогие мои! – хлопнула в ладоши Рианнон. – Увидимся завтра утром на репетиции. Буду очень благодарна, если вы ляжете сегодня спать пораньше, чтобы Марьяне не пришлось замазывать синяки под вашими глазами. И не пейте много воды!

Девушки потянулись к выходу, и я ощутила облегчение. А что будет завтра! Наверное, я сойду от волнения с ума. Только дошло: на меня будут смотреть десятки искушенных в моде и красоте лиц! Не на плакатах, а живьем. Обсуждать походку и осанку, обсуждать, что на мне надето, пожирать глазами. Или смеяться, если облажаюсь...

- Деллин, – окликнула меня леди Найтингрин, – не волнуйся. Я знала, на что шла, когда тебя приглашала. Тебе не хватает опыта, но ты с лихвой компенсируешь его внешностью и неискушенностью.

Ну да, конечно, неискушенность для богини Таары – что может быть лучше?

И хоть Рианнон ничего больше не сказала, я поняла, что изображать Таару в динамике у меня получилось не лучше, чем коня в дурацкой детской сценке.

Смесь заката и грозы в небе неожиданно успокаивает. Я смотрю на нее, стоя на балконе, сжимаю побелевшими пальцами перила и подставляю лицо холодному ветру. Мне хочется прыгнуть вниз, расправить крылья – и унести навстречу сине-оранжевым краскам, раствориться в плотных мазках художника, что рисует облаками по темному небу.

Но я могу только смотреть.

- Иди сюда, – слышу голос из комнаты. – Замерзнешь.

Улыбаюсь. Я не чувствую ни холода, ни жара, но забота отзывается внутри теплом, и я возвращаюсь в постель. Сильные руки обвивают мою талию, губы обжигающим поцелуем прикасаются к шее.

- Я по тебе скучал.

Мне часто снится сон, в котором я спускаюсь по скользкой лестнице и разгоняюсь все сильнее, в один момент уже не контролирую собственное тело. Сейчас то же ощущение, я падаю в пропасть, но от падения захватывает дух.

- Скучал, значит?

- Не только я.

Вздрагиваю, когда чувствую руки, ведущие вдоль выреза платья на спине. Вопросительно смотрю в синие-синие глаза и растворяюсь в поцелуе.

Теперь это точно пропасть.

- Деллин! Деллин, ты что, уснула? - Марьяна помахала у меня перед носом. - Иди сюда, леди Найтингрин велела переделать твои волосы.

- Мы же уже переделывали трижды! - застонала я.

С самого утра я оказалась в аду интроверта. Мы репетировали, примеряли платья, осваивались в зале, прогоняли план вечера, делали прически и макияжи. Марьон бегал в истерике, Марьяна деловито и четко меняла чемоданчики с косметикой для каждой коллекции, а Рианнон взидала на творящееся безобразие с удивительным спокойствием.

- У вас всегда так? - спросила я, снова садясь в кресло перед зеркалом.

- О да. Это важный показ, поэтому все должно пройти на высшем уровне.

- Ага, и поэтому позвали меня. Мы прорепетировали трижды, но у меня ни черта не получилось! Я не темная богиня, а какая-то любовница мажора старшей школы. Честное слово, Лорелей ходит по коридорам точно с таким же видом.

Девушка хихикнула.

- Это дело Рианнон - кого звать на показ. Как знать, может, пресыщенная столичными моделями публика клюнет на неопытную провинциальную иномирянку. Но с волосами что-то придется сделать. Ну и задачка...

- В чем вообще проблема?

- В том, что они тяжелые и блестящие. Их не зафиксировать! Рианнон не дает мне залить их зельями, а без зелий я могу тебя разве что причесать. Но нужно, чтобы было видно спину платья и воротники. Ладно, давай попробуем заколоть их в пучок. Что за подход к работе! Как я должна управиться с шестью разными видами волос без косметики и магии?!

Марьяна фыркнула и передразнила леди Найтингрин:

- Не должно остаться ни единого пятнышка на одежде!

Наконец Марьяне удалось сообразить что-то похожее на прическу.

- Не хватает акцента, - задумчиво прокомментировала леди Найтингрин. - А так очень хорошо.

Пришлось бедной Марьяне примерять к моим волосам то розы, то черную сирень, то какие-то шпильки со сверкающими камнями. Под Рианноново «нет, не то, поищи еще, дорогая» Марьяна медленно закипала, как чайник на плите. Из носика этого чайника почти пошел пар, когда я вдруг вспомнила, что захватила гребень.

- Может, это подойдет?

Они обе с интересом рассмотрели вещицу.

- Какой красивый камень. Никогда таких не видела, - задумчиво сказала женщина. - Марьяна, попробуй.

Гребешок, на мой неискушенный взгляд, лег идеально. И вместе с ним платья заиграли новыми красками.

- Все, отлично, крась ее - и готовимся, осталось полчаса. Девушки! Напоминаю еще раз сегодняшний план: показ, затем в последнем платье с показа вы спускаетесь на банкет и минимум час проводите среди гостей! Танцуете, общаетесь, демонстрируете коллекцию. Только ПОСЛЕ этого переодеваетесь и пьете-едите. Все понятно?

Раздался дружный хор «да!». Рианнон повернулась ко мне:

- Ты пойдешь шестой. Как только Десма уйдет, можешь выходить. Возвращаешься с подиума - и сразу переодеваешься в следующее платье. И не волнуйся. Все будет нормально.

- Леди Найтингрин, - окликнула ее я, одним глазом пытаюсь подсмотреть, как готовятся другие девушки, а вторым подставиться под кисточку Марьяны.

- Да, дорогая?

- Почему вы меня взяли на показ? Я посмотрела плакаты - там совершенно другие девушки. Почему для других коллекций вы пригласили профессиональных моделей, а для темной - меня?

- Ты очень понравилась Его Величеству на плакатах, и он попросил тебя пригласить. Но я не жалею. И все будет нормально. Просто делай то, о чем договорились. Хорошо?

Со вздохом я кивнула. Сайлер, король под прикрытием. Делавший вид, будто никогда не видел иномирняков. Теперь я почти не сомневалась, что именно он прислал мне платье, а про племянника Джораха Рианнон выдумала, чтобы не сдавать короля, но с какими мотивами он это сделал? В романтические слабо верится.

Сердце билось как сумасшедшее, когда я ждала своей очереди. К черту полетели все наставления: о пропасти, бездне, образе Таары. На подиум выйдет не темная богиня, а перепуганная насмерть девочка. И если кто-нибудь испугает ее еще сильнее, то не даю гарантии, что выживут все присутствующие.

Нужно было отказаться. Я не смогу!

Спокойно, Деллин. Это не страшнее, чем оказаться запертой в подсобке с ди Файром. Еще и денег заплатят, а от Бастиана одни убытки.

Я с замиранием сердца следила, как Лейси и остальные идут по залитому светом подиуму. Из-за темноты в зрительном зале не было видно людей, но зато прекрасно слышались аплодисменты. К горлу подступила тошнота. До меня оставались еще две девушки, а Лейси уже переодевалась в новое платье. Воспользовавшись моментом, когда Рианнон объясняла что-то Десме, девушка повернулась ко мне и с гаденькой улыбочкой пропела:

- Не запутайся в ногах. Там вся королевская семья и глава Дома Воды.

Я закатила глаза. Ну да, конечно. Есть вообще место в этом мире, где не грызут друг друга глотки? Меня в него не пустят.

Каждой коллекции соответствовала особая музыка. Вынуждена признать, что Рианнон с нежностью относилась к каждой мелочи на показе. Надо думать, мое присутствие изрядно выбило ее из колеи. Но что не сделаешь ради благосклонности правящей семьи.

Наконец Десма дошла до нужной точки, и на негнущихся ногах я сделала шаг вперед. Затем еще и еще, вышла на сияющую дорожку, вдруг показавшуюся жутко маленькой и... все смолкло.

Музыка затихла, а моя не заиграла, хотя мы репетировали в том числе с оркестром. Мысли лихорадочно замельтешили в голове. Что делать? Извиниться и уйти? Нет, это провал, но и стоять, как я сейчас стою, не выход.

Медленно, куда медленнее, чем требовалось, я сделала несколько шагов по подиуму. Стук каблуков эхом отдавался в полной тишине. Рекомендации леди Найтингрин вылетели из головы, но я инстинктивно старалась держать спину ровно и не смотреть вниз. В наивысшей точке овального подиума я замерла.

Взгляд сам остановился на темной, едва различимой фигуре в конце зала. Я без труда узнала в ней Кеймана и, к собственному удивлению, почувствовала себя немного увереннее.

А потом мне вспомнился сон.

Не знаю, почему именно сейчас, не знаю, что он значил и значил ли вообще что-нибудь, но я почувствовала на плечах чужие руки почти наяву и снова погрузилась в состояние из сна: свободное падение, от которого захватывает дух.

Пространство вокруг осветила ветвистая красноватая молния. Зрители выдохнули, как единый организм, а я почувствовала, как внутри шевельнулась магия. Спокойно, Деллин, спокойно. Думай о работе. О том, что нужно закончить показ и спуститься на банкет.

Развернувшись, все в том же медленном темпе, я вернулась за кулисы. На последних шагах снова заиграла музыка и с противоположного конца вышла Лейси, а я с облегчением скрылась за тяжелым занавесом.

– Простите, – пробормотала я, когда поняла, что меня встречает гнетущая тишина. – Наверное, Его Величество не упомянул, что магию я контролирую не очень хорошо. Это от волнения.

«А еще Кейман, похоже, приехал со мной не для того, чтобы потусить среди сливок общества», – пришла догадка.

Почему все мотивы его действий доходят до меня постфактум?

– Среди зрителей мой опекун, он не позволит мне причинить кому-то вред, – добавила я.

От удивленных взглядов не избавилась.

– Ну что?! Мне больше не выходить?

– Выходить! – хором отозвались сразу трое: Рианнон, Марьяна и Марьон.

– Просто это было очень... жутко, – сказала Марьяна. – Но эффектно.

– И что-то случилось с музыкой, – добавил ее брат. – Музыканты словно ноты потеряли.

– Ты шла в полной тишине, и я на миг подумала, будто мы разбудили демона. Хочешь, я поговорю с подругой, она отвечает за подбор актеров в театре?

– Только если там будет роль коня, – пробурчала я. – Значит, все не так плохо?

– Я этого не планировала, – наконец справилась с собой леди Найтингрин, – но вынуждена признать, что спланировать такое мне и не удастся. И я буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Переодевайся, Деллин. Публика тебя сегодня не отпустит, ты дала им то, чего так не хватает богатым людям: взрыв эмоций.

Она оказалась права: во время второго выхода меня приветствовали так, словно я уже была звездой. Аплодисменты буквально заглушили музыку, которая на этот раз сработала без осечек. Ну и заодно приглушили мою магию. Я все еще волновалась, но уже могла подавить это волнение. Леди Найтингрин буквально оживала с каждой минутой. Она явно не ожидала такого эффекта, приглашая... как там сказали? Провинциальную неопытную иномирянку?

И что вдвойне приятно, Лейси стала одного цвета с зеленым платьем, которое демонстрировала.

Последний выход отличался от прочих: мы не уходили с подиума, а останавливались. Появившаяся в конце Рианнон в скромном и строгом платье с улыбкой поприветствовала публику.

– Дамы и господа, я скажу только одно: сегодня богини будут среди вас. Наслаждайтесь вечером.

Зал озарился мягким приглушенным светом, и мы спустились с подиума вниз, где между

столами с закусками и напитками сновали официанты. Мне захотелось сбежать в туалет и разреваться, но еще час я должна была быть среди гостей, демонстрировать платье и давать возможность каждому лично познакомиться с воплощением богини смерти.

Да, Марьяна была права – это жутко.

– Деллин, – услышала я и обернулась.

Сайлер улыбался, а рядом с ним стояла миловидная, немного полноватая девушка в длинном синем платье.

– Вы были неотразимы.

– Исключительно благодаря вам.

Он рассмеялся.

– Рианнон не умеет хранить секреты, так? Простите меня за маленькую слабость. Но вы были чудесны на плакатах, стали настоящим украшением Флеймгорда. И мне очень захотелось увидеть это лично. Тем более что есть на что посмотреть. И я сейчас имею в виду это шоу. Рианнон неподражаема, я всерьез испугался за Катарину.

– Он даже схватил меня за руку, как в детстве, – хихикнула девушка.

Похоже, передо мной сейчас стояла принцесса. Пришлось прикусить язык и улыбаться: информация о том, что «шоу» было вовсе не шоу, а результатом неконтролируемой магии, недосыпа и пубертатных сновидений, короля не порадует.

– Вы молодец, Деллин. Я восхищаюсь тем, как за полгода вы сумели преобразиться. Не слушайте никого, вы нужны в этом мире. Хотя бы самой себе.

– Спасибо, Ваше Величество.

– Я представился Сайлером, так меня и называйте.

– Сайлер... можно спросить? Вы попросили леди Найтингрин позвать меня на показ, но еще раньше мне прислали...

– Как обстоят дела в подземном королевстве? – Нас прервал высокий русоволосый мужчина лет пятидесяти.

От его цепкого взгляда у меня по телу прошла дрожь. Вспомнив о том, что Рианнон просила не выходить из образов, я распрямила плечи и надела маску холодной вежливости. Хотя мысленно все спрашивала себя: мне когда-нибудь дадут выяснить, кто прислал платье?!

– Смело, – произнес мужчина.

Его взгляд, которым он осматривал мое платье, был типично мужским. Далеко не на всех подействовал образ Таары. Некоторые видели в нем просто девку, которую, не будь вокруг высшее общество, можно и облапать. Хотя, может, я драматизировала. Бывают же просто неприятные мужчины?

– Арен Уотерторн, – представился он и протянул руку. – Глава Дома Воды.

Так вот ты какой, водный король. Куда опытнее и старше огненного. А ведь Бастиан вращается в этих кругах, и если остальные короли такие же, то парню не позавидуешь. Я даже немного прониклась его вечной раздражительностью. Сложно жить в мире, где каждый сосед по трону норовит намекнуть, что ты еще несмышленный подросток, не понимающий в политике.

– Деллин Шторм.

– Вы студентка, верно? Учитесь вместе с ди Файром?

– Он старше и на другом факультете.

- А вы темная.

- Верно.

- Как учеба? Магистр Крост, говорят, не дает спуска студентам. Мне предлагали отдать сына в его школу. Но я склоняюсь к традиционному образованию. И не доверяю темным.

- Не вы один.

Я сделала попытку сбежать, мне хотелось найти Кеймана и убедиться, что догадка про страховку моей силы на этом вечере верна, но тут заиграла музыка для танцев, и Уотерторн буквально увлек меня за собой на площадку. Такая грубость обескуражила. Я украдкой огляделась, но никто этого жеста не заметил. В основном девушки беседовали с гостями или демонстрировали платья.

- Мне кажется, вы ведете себя некорректно.

- В мои обязанности это не входит. Я делаю, что хочу.

- Это отличительная особенность всех королей этого мира?

- Вижу, вы уже познакомились с Бастианом, - усмехнулся Уотерторн. - Приятный юноша, не правда ли? Плохо кончит.

- Это угроза?

- Обещание. Бастиан - кость в горле у большинства из нас. Щенок, получивший власть. Я более чем уверен, что именно он замешан в смерти своего отца. И рано или поздно докажу это.

- Зачем вы говорите это мне?

- Общаюсь с красивой девушкой. Это запрещено?

- Мне неприятно такое общение. Я вынуждена попросить вас уйти...

- Я предложу вам хорошую цену за... индивидуальный показ.

- Что?! Вы ненормальный!

- Полегче с оскорблениями, выходи из образа богини, ты - манекенщица, а я - клиент.

- Вы путаете манекенщиц с проститутками.

- Да нет, это ты путаешь манекенщиц с благородными девицами. Когда я говорю о хорошей цене, я имею в виду очень хорошую цену. Три твоих гонорара за этот показ.

- А я когда говорю «нет», я имею в виду «нет». Отпустите меня!

- А если я скажу «нет»?

Ярость взметнулась внутри пламенем, но на этот раз что-то изменилось: ярость была мне подконтрольна. Сначала я почувствовала на кончиках пальцев покалывание, а потом коснулась ладонями груди Уотерторна - и того как следует приложило током. Так сильно, что он охнул и отшатнулся. Упал бы, если бы не невеста откуда взявшийся Кейман, который подхватил водного короля и нарочито заботливо отряхнул.

- Ну что же вы, Арэн? - усмехнулся Крост. - Осторожнее, полы здесь скользкие. Идите, освежитесь. Второй танец с темной богиней мой. Тянет, знаете ли, к коллегам.

- Они все такие болваны? - спросила я, когда мы отошли подальше от центра.

- Они богаты, уверены в себе, сильны, всегда получают то, что хотят. Да, все. За что ты его так?

- Он предложил с ним переспать за деньги.

- Манекенщицы часто это делают.

- Не хочу это знать.

- Ты так стремилась на эту работу. И вдруг не хочешь?

- Я хотела показывать платья, побыть звездой, постоять на сцене и получить за это деньги.

- Деллин, в любой профессии есть грязь. Лекарь имеет дело с самой отвратительной стороной человеческого тела, копается в крови, гное и внутренностях, он вынужден спасать даже тех, кто кроет его бранью или плюет ему в лицо. Преподаватель головой отвечает за детей, которые ему поручены, а иногда эти дети убиваются - и жизнь катится под откос. Ну а манекенщицы - это объект. Они сознательно уничтожают свою индивидуальность, чтобы стать идеальными вешалками для платьев. Поэтому неудивительно, что их воспринимают как вещь, которую можно оплатить на пару часов. И более того, каждая из этих девушек, скорее всего, уйдет с каким-нибудь гостем. Разница в манекенщицах лишь в уровне дохода гостей, среди которых они вращаются. Здесь уровень высочайший. Одну зацепит Уотерторн, вторую - Сайлер, третью мог бы увести я...

- Но не уведете?

- Нет.

- Почему?

Снова заиграла музыка, и Кейман привлек меня к себе.

- Надеюсь получить бесплатно тебя.

- И вы туда же! Как вы меня достали!

Магистр рассмеялся.

- Ладно, я просто шучу.

- Не все модели такие, я уверена.

- Не такие сюда не идут. Посчитай свой гонорар. Коллекция Найтингрин выходит раз в год, модельеров ее уровня в Штормхолде от силы пяток, сколько может заработать элитная манекенщица только на показах? А жить они хотят очень хорошо. Арен Уотерторн им это обеспечивает. Ну и такие, как он.

- Он мне не понравился. Неприятный тип.

- Что, неприятнее ди Файра?

- Они оба в топе.

- На каком месте в этом топе я?

Я сделала вид, что задумалась.

- Сначала были на первом. Сейчас чуть опустились вниз. Но это не ваша заслуга, а господина Уотерторна. Вы хотя бы меня не лапали. Думаю, третье место ваше.

- Вот демон. Для меня не существует другого места, кроме первого.

Я фыркнула, а Кейман крепче сжал руки, невольно напомнив тревожный сон. Я поежилась.

- Что?

- Вы слишком близко.

- Это проблема?

- Мне кажется, да.

- Я не приглашаю тебя после работы в номер, не лапаю за задницу. Просто танцую. Разве не для этого ты здесь? Тебе, Шторм, прямо не угодить. Перебираешь королей, как перчатки. Их осталось не так много, сбавь обороты.

Он говорил что-то забавное, а сам в это время поглаживал кожу на моем запястье, у самого краешка браслета с крупными. От чего меня бросало то в жар, то в холод. Но, в отличие от водного короля, присутствие Кеймана не вызывало отвращения.

- Я устала. Голова скоро взорвется от всего.

- Но ведь это лучше, чем то, что было у тебя раньше?

Лучше ли это жизни на Земле? Магия вместо технологий, учеба вместо работы, всеобщее внимание вместо невидимости, дислексия и... дислексия.

- Да. Я думаю, да. Лучше. Но не отменяет того, что я до дрожи хочу каникул, чтобы просто спать и гулять! И никаких занятий, скандалов, споров, наказаний, показов, плакатов...

- Однокурсников, преподавателей и директора?

- От вас не спрячешься.

- Мне нужно остаться в городе на несколько дней, уладить кое-какие дела. Если хочешь, можешь вернуться в школу вместе со мной. Здесь есть где погулять и чем заняться, особенно молодой манекенщице.

Он поймал мой укоризненный взгляд и со смешком добавил:

- Напеваю исключительно на то, как потратить гонорар.

- И как же школа обойдется без вас?

- Джорах справится с кучкой заносчивых недорослей. Они не успеют разгромить школу.

Показалось, свет замерцал, и от этого закружилась голова, но на самом деле это я пошатнулась и схватилась за Кеймана, чтобы не упасть.

- Джорах? Вы сказали Джорах? Магистра Оллиса так зовут?

- Да, и почему это тебя удивляет?

- Я... что-то мне нехорошо... голова кружится...

- Ты вообще ела сегодня?

- Леди Найтингрин сказала, что нельзя есть в платьях...

- Да пошла она, - коротко и ясно ответил Кейман.

Он усадил меня на диванчик у окна и направился к столу с закусками, а я прижала руку к груди - последний отчаянный жест успокоить обезумевшее сердце.

Оллис. Платье прислал не Сайлер, а Оллис. И записку написал тоже он. Зачем? Просто ухаживал? Но почему мне вдруг так страшно?

- Ты все это съешь, Шторм, о моей школе и так ходят странные слухи, не хватало еще, чтобы говорили, будто я морю голодом...

Кейман вдруг замер надо мной с тарелкой в руках. Не отрываясь смотрел на меня, и глаза его темнели не то от ярости, не то от другого столь же сильного и разрушающего чувства. Он поставил тарелку на диван и с силой выдернул гребень из моей прически.

- Ай! - взвизгнула я. - Это волосы, а не парик.

- Откуда это у тебя? - почти прорычал опекун.

И мысли не возникло идти в ответную атаку.

- Подарили.

- Кто?

- Я не знаю, то есть... его оставили в комнате с запиской, как и...

- Что? Другие подарки? Рассказывай немедленно!

- Сначала мне принесли гребень с запиской, потом всю комнату засыпали черными розами. Потом прислали платье на Бал Огня...

- Я думал, ты взяла его у Найтингрин.

- Нет. Его прислали.

- И ты его надела? Деллин, девочка, о чем ты вообще думала?!

- Эйген не нашел следов магии!

- Эйген - ребенок! Такой же, как ты, только родившийся на пару лет раньше! У него нет диплома и двадцатилетнего опыта работы! Ладно. Платье. Что еще?

- Записка после бала о том, какая я красивая, и что все, кто испортил бал, неудачники. Или что-то в этом роде, я уже не помню! Розы я списала на Бастиана, шуточка в его стиле, и перед этим мы повздорили...

- Да вы постоянно ругаетесь!

- А записки были жутковатые, но они выглядели, как обычные записки! И платье... сначала я подумала на вас, потом Марьяна сказала, что это родственник Рианнон, я решила, что Сайлер... то есть Его Величество. А теперь...

- Что теперь?

Я замялась. Если расскажу про ухаживания Оллиса, ему может нехило влететь. Я разозлена за платье и записки, он мог и лично все это мне преподнести, не пугая проникновениями в комнату (так вот откуда он знал, где я живу, да и у преподавов наверняка есть доступ во все спальни). Но не убивать же его за это!

- Деллин, - напомнил Кейман. - Что?

- Рианнон упомянула имя ее родственника, который попросил для меня платье. Джорах. А магистр Оллис танцевал со мной на балу и приглашал...

Кейман выругался так забористо и громко, что я опешила, а народ вокруг удивленно умолк и обернулся. Но того, что произошло дальше, я не ожидала. Опекун вцепился мертвой хваткой в мою руку и потащил к выходу.

- Вы что делаете?!

- Мы возвращаемся в школу.

- Мне нужно вернуть платье...

- Плевать.

- Леди Найтингрин убьет, если я...

- Я за него заплачу! - рыкнул Кейман.

Экипаж подлетел к выходу из здания на космической скорости. Кейман тащил меня по ступенькам вниз, на каблуках бежать было неудобно, и я несколько раз опасно оступилась. А потом и вовсе скинула туфли.

Возможно, темная магия передавала мне настроение Кроста, потому что к моменту, когда мы дошли до ворот, смутное беспокойство переросло в настоящую панику.

Меня била мелкая дрожь.

Кейман буквально силком втащил меня в карету – и та мгновенно взмыла в воздух, аж дух захватило от скорости и высоты.

– Вы можете объяснить, что все это значит? Кейман, я устала от тайн и полупонамеков!

После долгой паузы Кейман произнес:

– Ладно. Хорошо. Есть причина, по которой мы тебя вернули, и есть причина, по которой я назначен твоим опекуном. Все дело в твоей родословной. Есть основания полагать, что ты – одна из последних представителей довольно могущественного магического рода, ведущего свое начало от бога Кроста. И есть... человек... существо, которое буквально одержимо этим родом.

– Что за существо?

– Акорион, – оgoroшил меня ответом опекун.

– Акорион? То есть... его... этого мага называли в честь бога тьмы, да?

– Боюсь, что нет. Видишь ли, хоть наши легенды и гласят, что Акорион и Таара покинули мир, на самом деле все несколько... иначе. Во время войны, устроенной богами, Акорион стал безумным. Он убил Таару и пытался убить Кроста, за что бог стихий и грозы погрузил его в вечный сон и заточил в тайном месте, откуда нет хода.

– Я думала, безумна была Таара.

– Они ведь брат с сестрой. Их связь крепче, чем любая существующая.

– И он выбрался? Из своего заточения?

Мне казалось, я сплю, потому что это все звучало как полный бред.

– Нет, он не выбрался. Мы понятия не имеем, где Крост заточил брата. Но Акорион проснулся. И нашел тебя. Он очень силен, а еще у него есть приспешники, которые помогают своему богу. И это не всегда сумасшедшие фанатики. Я полагаю, Арен Уотерторн – один из них, но не имею достаточных доказательств, чтобы засадить главу Дома Воды. Как бы то ни было, когда мы поняли, что наследница молний существует в другом мире, король приказал тебя вернуть, как только это станет возможно. Несколько лет мы следили за тобой, а едва получили портал, я сразу отправился на Землю. Акорион мог в попытке добраться до тебя уничтожить твой мир, а этого мы допустить никак не могли.

– И вы привезли меня в Школу темных.

– Да, – мрачно подтвердил Кейман. – На наше счастье, дар у тебя оказался действительно сильным, да и позже Крост отметил тебя как свою избранницу. Мы надеялись, что успеем обучить тебя и заодно понять, как снова погрузить Акориона в сон, пока он не выбрался из убежища. Но, кажется, он нашел тебя раньше, чем мы предполагали.

– И что он хочет от меня? Я не знаю своих предков, я даже не знаю, кто мой отец! Моя мать давно умерла, а... это бессмыслица какая-то. Вы уверены? Все проверили?

– Деллин, – терпеливо вздохнул Кейман, – ты меряешь все категориями разумного человека. Для тебя это не имеет смысла, но не для Акориона. Он спал очень много лет. Сотни. Представь, что ты столько времени провела в заточении, в вечном изматывающем сне. Что бы ты хотела сделать?

– Сходить в туалет, – честно ответила я, немного подумав.

– Хорошо. После этого.

– Пожрать.

- Ты издеваешься надо мной сейчас?

- Я боюсь. Как можно было скрыть, что за мной охотится бог, помешанный на моих предках?

- Да мы не знали, что он за тобой охотится! - воскликнул Кейман. - Если бы ты имела привычку рассказывать о том, что вокруг происходит, узнали бы раньше.

На это мне нечего было ответить.

- Значит, это он? - Я поразилась внезапной, но очевидной догадке. - Гребень. Розы. Платье... это все мне присылали с подачи Акориона? Чтобы напугать? И это делал магистр Оллис?

- Похоже на то. Демон!

Кейман в сердцах двинул кулаком по стене.

- Я пустил в школу его последователя и даже не понял этого!

Я закрыла лицо руками. Сейчас в душе бушевали одновременно и страх, и стыд, и легкое отвращение. Я надела его платье, гребень...

- Почему вы мне не сказали?!

- Что бы это изменило? Ты бы жила в вечном страхе.

- Я бы рассказала, что мне присылают! Я ведь думала на Бастиана и на вас!

- На меня? - Кейман удивленно на меня посмотрел. - Ты думаешь, я стал бы анонимно присылать тебе что-то?

- Я не знаю вас. И не ждала ничего такого... я была готова сражаться с Бастианом и богатыми детьми, которые ненавидят бедных, с вами, с необъективными преподавателями, с дислексией. Но не с сектантами же, которые действуют по указке безумного бога и мстят за поступки моих предков! О которых я даже не знала.

Я украдкой смахнула с ресниц слезы. Усталость, копившаяся весь семестр, взрывом выплеснулась именно здесь, в экипаже, несущем нас к школе. И одни боги ведали, а точнее, один-единственный бог, назвавший меня избранницей, что за время нашего отсутствия там случилось.

Ведь не могло же что-то серьезное? Не могло?

- Деллин, - чуть мягче произнес Кейман, - я в состоянии тебя защитить. И я поклялся королю сделать это. Как бы я ни относился к твоей... матери, я не нарушу это обещание. Я обещаю.

- Думаете, Оллис уже успел что-то натворить? Вы можете ошибаться насчет него? Вдруг он просто ухлестывает за студенткой, и это не Акорион? Как вы поняли, кто за этим стоит?

- Гребень, - коротко ответил Кейман. - Это гребень из коллекции украшений Таары. Уникальный артефакт, считавшийся утерянным, один из многих. Найти его мог или сам Акорион или кто-то по его указке. Если платье тебе прислал Оллис, то и гребень, вероятно, он. Я не хочу рисковать. Рано или поздно ты бы выяснила, кто стоит за посылками. Оллис не мог не понимать, что, скорее всего, это случится на показе.

- Леди Найтингрин действительно его тетя? Или она тоже помогает Акориону? А Сайлер? Это он просил включить меня в показ.

- Сайлер ни при чем, это он заставил меня вытащить тебя с Земли. Что до Найтингрин... я не знаю. Сомневаюсь, что она из тех, кого прельщает перспектива восхождения Акориона. Возможно, Оллис действительно ее племянник.

Подумав, Кейман добавил:

– И, возможно, этот идиот просто влюблен в тебя и обладает скверной способностью к романтике. Но я не хочу рисковать, с ним надо поговорить. И ты едешь со мной, потому что оставлять тебя в столице слишком опасно.

– Я идиотка. Феерическая.

– Ты – самовлюбленная восемнадцатилетняя девица с взрывным характером и стервозной сущностью. Плохая новость: это не лечится и замуж тебя, скорее всего, никто не возьмет. Хорошая: секс без обязательств – тоже секс. Еще сто лет назад за внебрачную связь тебя бы казнили, а сейчас прекрасное время! Можно быть стервой.

– Очень смешно. – Я старалась выглядеть строгой, но все равно улыбнулась.

Время текло бесконечно медленно. Ни у кого не получалось заниматься своими делами, мы оба смотрели в пустоту. О чем думал Кейман, я не знала, а сама пыталась осмыслить полученную информацию.

Значит, я – последняя представительница рода бога стихий? Отсюда и благословение, и силы. А древний бог, запертый невесть где, одержим жаждой мести роду. И для этого нашел меня, чтобы... попутать?

Вопросов больше, чем ответов. Раньше я считала, что все ответы есть у Кеймана и он просто мне не говорит, но сейчас оказалось, что существуют загадки, разгадать которые не под силу даже ему.

Как Акорион или его приспешники меня нашли? Почему Оллис, если он и впрямь был из его секты, не убил меня, а подкидывал подарки? Не мог ли гребень каким-то другим образом попасть к нему? Что, если все это – звенья совершенно разных цепочек?

Записки подкидывал один, гребень дарил другой, цветы – третий. Теоретически это возможно? Черт, я цепляюсь за соломинку. Если существует простое и логичное объяснение, то это оно.

Казалось, будто за мной кто-то наблюдает. Чувство тревоги поселилось внутри и грозило перерасти в паранойю. Это теперь так всегда будет?

Словно в пику дороге во Флеймгорд, полет до школы хоть и занял меньше времени при попутном ветре, по ощущениям продлился неделю. Я не сразу поняла, что сижу не шевелясь довольно долго. Мне было страшно. Страх поселился внутри, отравлял собой душу. Я помню это чувство нарастающего глухого страха. Так боится человек перед объявлением диагноза. Так боится, стоя на краю пропасти.

Вот так нужно было изображать Таару. Она не с гордостью и дерзостью смотрела в пропасть. Она встречала ее со страхом, в этом я почти уверена.

Экипаж пошел на снижение, и я, ведомая интуицией, прикинула к окну.

– Кейман... – Горло свело судорогой.

От школы в темное, усыпанное звездами небо, поднимался дым. Ни одного горящего окна, никаких звуков, даже ночные птицы притихли. Только дым и выжженная дорожка на траве там, где мы приземлились.

Меня подташнивало от близости к чему-то жуткому. Никаких мыслей и идей относительно того, что мог сделать Оллис, в голову не приходило. Но воздух вдруг словно стал слишком плотным, душным, пропитанным гарью. Я судорожно пыталась сделать вдох, но грудь словно сдавил металлический корсет.

Подумалось, Кейман заставит остаться в карете. Я уж было приготовилась сражаться, но магистр даже не обратил внимания, что я иду рядом.

– Здесь никого, – спустя несколько минут сказал он. – Я никого не чувствую.

Получив отмашку, я бегом понеслась ко входу. Взбежала по крыльцу, запутавшись в длинной юбке, и распахнула двери. А в следующую минуту из груди вырвался сдавленный стон. Картину, что открылась в холле, я сохраню в памяти навечно.

Стены школы пожирало бесцветное пламя. Оно поблескивало в свете лун, лившемся из окон. Оставляло после себя лишь черные следы и пепел. Весь холл, лестница и все, на что хватало взгляда, было в огне. Медленном, неспешном, будто издевательском огне. Сквозь языки колдовского пламени виднелись тела. Я подавила зарождающийся внутри крик, и это – видят боги, живые или мертвые – стало апогеем самоконтроля! Больше всего на свете мне хотелось развернуться и сбежать, оказаться как можно дальше от пустых стеклянных взглядов тех, кто еще совсем недавно ужинал со мной за соседними столиками, танцевал на балу или варил сонное зелье на практической паре.

Кейман не почувствовал ничье присутствие, потому что никого не осталось. Все, кто был в школе этим вечером, стали жертвами моей глупости. Это было послание мне, Деллин Шторм, виновной лишь в том, что я родилась, – Кейман был совершенно прав, лучше бы этого не случилось.

– Он сказал, – глухо сказала я, чувствуя, как от шока шумит в ушах, – что всем, кто испортил мой бал, будет больно падать.

Голос сорвался, и я всхлипнула, не в силах больше смотреть на жуткую картину, оставленную темным богом. Я могла в красках представить, как Оллис, повинувшись указаниям запертого где-то Акориона, как можно эффектнее выкладывал тела. Чтобы огонь не добрался до них сразу, чтобы я увидела...

Небольшую коробочку на первой ступеньке лестницы.

Каждый шаг отзывался дикой дрожью. Я едва не уронила коробку, когда открывала. Первым, что попало на глаза, было кольцо. С тем же камнем, что и на гребне: темным опалом, переливающимся в жутких отблесках магического пламени.

Под кольцом обнаружилась записка.

«Никто не смеет стоять на твоём пути, любовь моя. Однажды я положу к твоим ногам всех королей этого мира».

– Вот так выглядит одержимость бога.

Кейман казался совершенно спокойным. С усталой обреченностью он смотрел на бесцветный пылающий огонь, пожирающий стены и тела.

– Одержимость тобой, Деллин.